

Новелла Матвеева
Иван Киуру

Новелла Матвеева Иван Киуру

МЕЛОДИЯ ДЛЯ ГИТАРЫ

Авторская песня

«АРГУС»

АВТОРСКАЯ
ПЕСНЯ

Новелла Матвеева

Иван Киуру

***Мелодия
для гитары***

Песни и стихи

Аргус
Москва
1998 г.

ББК 85.94
М33

Редактор серии *Наталья Жукова*

Художник *Леонид Люскин*

Редактор и составитель Михаил Нодель

Музыкальный редактор *Людмила Скворцова*

*Издание осуществлено при техническом содействии
Издательства «Русский университет».*

Матвеева Н.М., Киуру И.С.

М33 Мелодия для гитары/Сост. М. Нодель. —
М.: Аргус, 1998. — 416 с.: илл., ноты.
ISBN 5-85549-171-4

В книгу Новеллы Николаевны Матвеевой и Ивана Семеновича Киуру вошли поэтические сборники разных лет, песни Новеллы Матвеевой на собственные стихи и на стихи Ивана Киуру, а также статьи авторов друг о друге, интервью Новеллы Матвеевой и очерк о ее родственниках-литераторах. Сборник наиболее полно представляет музыкальное творчество поэтессы, ноты большинства песен публикуются впервые. Книга предназначена всем, кто интересуется поэзией и авторской песней.

ББК 85.94

© Н. Матвеева, тексты, ноты, 1998
© М. Нодель, составление, 1994
© Издательство "Аргус", нотный набор, 1998
© Издательство "Аргус", 1998

А МЕНЯ ПОЗАБЫЛИ НА ПРАЗДНИК ПОЗВАТЬ

От составителя

Новелла Матвеева — пожалуй, самое таинственное имя в авторской песне. Уже в самом этом имени — тайна. Согласитесь, среди многочисленных Юриев, Александров, Владимиров, Михайлов и Евгениев, с которыми мы привыкли отождествлять зарождение и становление бардовского движения, Новелла — всё же одна. Со временем её песенные «коллеги» приобрели замечательные и звонкие фамилии, а она — Имя. Так и парит с тех пор в недосягаемой заоблачной выси, где только она и Булат — тоже таинственный и необъяснимый.

Только, пожалуйста, не спешите обидеться за других! Я говорю не об иерархии, не о степени одарённости. Я говорю об умении летать. А летать умеют только двое. Все остальные — идут по земле, плывут по морям, забираются в горы, сражаются со всевозможными чудищами — от дракона до горкома... И делают это прекрасно, вот только летать — не умеют: очень уж цепко держат их земные понятия и ценности.

Имя Новеллы Матвеевой с незапамятных пор мерцает в ореоле легенд и загадок, слухов и домыслов, вопросов без ответа. «Ах, вопросы нам жить не мешали, ответы — мешают», — спела однажды Новелла Николаевна и была права.

И всё же хотелось бы узнать: почему так иногда получается? Вот живёт человек на белом свете, и, слава Богу, здравствует. А о нём почему-то говорят — «была». Едва ли не воспоминания пишут. Восклицают с ностальгиче-

ской ноткой в голосе: «Ах, какие она раньше песни пела!». Почему же — раньше?! Ведь и сейчас поёт, да только мало кто слышит...

Кому же выгодно было поселить Новеллу Матвееву в прошлом времени? Посудите сами: её имя занесено в энциклопедии, мелькает в новейших школьных учебниках. А её самой — как будто и нет в природе! Миф, призрак, видение...

Право, уйду, наймусь к Фата-моргане,
Буду шутком в волшебном балагане,
И никогда меня вы не найдете,
Ведь от колёс волшебных нет следа.

Неужто она и в самом деле ушла, выполнила свою шутливую угрозу? Да нет, и не собиралась даже. И искать её особенно не нужно: в самом центре Москвы живёт. А до недавнего времени регулярно выезжала со своим мужем, поэтом Иваном Киуру, в подмосковную Сходню — тоже ведь не дальний свет. Впрочем, это как сказать.

Когда Иван Семенович тяжело заболел, «Скорая помощь» не торопилась ехать в Подмосковье — дескать, «это не наше дело, там своих врачей хватает». И для сходненских лекарей он тоже был «чужим»... Вероятно, не только это поторопило безвременный уход Ивана Киуру. Но и это — тоже.

Представьте себе: два беспомощных человека перед лицом стихии, два странника в пустыне, два мореплавателя, терпящих кораблекрушение... Казалось бы, очередной сюжет для песни Новеллы Николаевны, для стихов Ивана Семеновича. Да только очень страшный сюжет и неправдоподобный: ну не похожа многолюдная Сходня на пустыню, и на безбрежный океан — не похожа!

Не было буйства стихии, не было кораблекрушения. Были два поэта — и бесконечная чёрствость окружающих. Наша с вами чёрствость. Именно она — ответ на все поставленные выше вопросы, причина того молчания, в котором пребывают ныне имена Новеллы Матвеевой и Ивана Киуру.

Возможно, найдутся и другие причины — политические, сопернические, коммерческие (ведь сегодня на их стихах особенно не зарабатываешь). Но все эти причины —

так или иначе следствие душевной глухоты, косности, бессердечия.

В начале шестидесятых Новелла Матвеева написала самую знаменитую свою песню — «Девушка из харчевни». Её слова «Любви моей ты боялся зря, не так я страшно люблю...» знают все, даже те, кто не знает автора. Эта песня — шедевр русской любовной лирики, к сожалению, недооценённый. Никто и никогда не писал так — только Новелла Матвеева. Именно за любовь, можно сказать, она и пострадала...

...Полюбив человека, мы готовы принять в свою душу только его, но очень редко — близких ему людей: родителей, братьев и сестёр, друзей. Отсюда — споры, ссоры, разводы и другие малоприятные вещи. Это опять-таки — следствие нашей душевной косности.

Так вот и творчество Новеллы Матвеевой — нравилось многим. Одно время даже была мода на её пластинки и песни. Когда же в 1972 году она стала сочинять музыку не только на собственные стихи, но и на стихи своего единомышленника, друга, мужа Ивана Киуру, некоторые восприняли эту новость в штыки. Тут сработала одна малоизученная и очень немаловажная деталь, а конкретно — слушательский консерватизм. Люди привыкли к определенной поэтической стилистике, образам, рифмам, ритмам. Они не ждали и не хотели никаких экспериментов, им было хорошо и так. Поэтому когда Новелла Матвеева попыталась расширить уже привычные творческие рамки, они вознамерились лишить её самого права на эксперимент, на поиск. И вот уже слушатель встал над творцом, закапризничал, затопал ножкой, захныкал: «не хочу того, подай этого».

Разумеется, Новелле Матвеевой было не по пути с таким слушателем, и без особой жалости она с ним рассталась. Как всякого истинного творца, её не интересовало мнение толпы. Она всегда стремилась выразить себя, свое мироощущение. Однажды почувствовала, что может делать это не только через свои стихи, но и через стихи близкого ей по духу поэта. И что же удивительного в том, что таким поэтом оказался её муж — человек, с которым её связывали общие пристрастия, общий быт, общие радости и невзгоды?

Ах, ревнивцы творчества «ранней» Новеллы Матвее-

вой, неутомимые защитники её творчества от «чуждых» влияний! Да задумывались ли вы когда-нибудь о том, что Иван Киуру замечателен уже одним тем, что ему посвящались такие песни, как «Девушка из харчевни»?! Он подарил Новелле Матвеевой счастье любить и быть любимой — разве этого мало?!

Да если бы даже он и был слабым поэтом, всё равно вам следовало бы молчать, чтобы не спугнуть, не нарушить диалог двух любящих душ! А ведь он был поэтом сильным, глубоким, своеобразным. Творческое содружество Матвеевой и Киуру обогатило не только их, но и нас. Оно дало жизнь многим замечательным песням.

Кстати, с Иваном Киуру плодотворно работали и другие композиторы — самодеятельные и профессиональные. Они начали воплощать его стихи в музыку даже раньше, чем Новелла Матвеева. И тут уж никакой скептик не сможет углядеть родственной корысти. Стало быть, стихи Киуру интересны людям, что бы там ни говорили.

Мы справедливо восхищаемся подвигом Надежды Мандельштам, заучившей наизусть и сохранившей в памяти все стихи погибшего мужа. Почему же мы не восхитимся Новеллой Матвеевой, чья память хранит стихи Ивана Киуру, его экспромты, афоризмы, наблюдения, мысли? Почему не поблагодарим Ивана Семеновича за книгу о Новелле Николаевне, которую он обдумывал долгие годы и написал, да только подготовить к печати — не успел...

Глубокую общность этих поэтов особенно ясно чувствуешь, листая сборники их стихов. В них они как бы компенсировали недостаток душевного тепла, на которое скупилась окружающие. Об этом говорят многочисленные посвящения, адресованные друг другу, внутренние цитаты, эпиграфы и т.д. А ещё у них была жизнь в доме на Сходне, купленном у предыдущих хозяев и перестроенном, переосмысленном неоднократно самим Иваном Семеновичем. И Сходня у них была — одна на двоих, — вся испещрённая СОБСТВЕННЫМИ географическими названиями, которые были придуманы ими и недоступны для чужих посягательств...

...Тяжело ТАК любить и вдруг — расстаться. Жестокая болезнь нарушила этот неповторимый союз. В те страшные дни казалось: Новелла Николаевна не найдет в себе сил для дальнейшего существования. По крайней

мере перестанет писать и петь. Слава Богу, этого не произошло.

«Мне ещё многое нужно сделать, — говорит Новелла Матвеева. — Подготовить к изданию книгу Ивана Семеновича — его прозу, стихи. Пишу воспоминания о нём. В этом нахожу силы, в этом вижу свой долг перед его памятью».

Не так давно после многолетнего перерыва Новелла Николаевна снова запела. Трудно поверить, но большинство её песен не записаны на магнитофон, поэтому необходимо их сохранить, а ещё бы лучше — выпустить пластинку. Шутка ли: за тридцать с лишним лет фирмы грамзаписи умудрились «не заметить» таких классических песен Матвеевой, как «Водосточные трубы», «Пожарный», «Океан, океан», «Котёл» и т.д. То же, что вышло на дисках, сделано совсем не так, как хотелось бы автору: многие песни пострадали от редакторского произвола и были сокращены вдвое, а то и втрое...

Хорошо бы выпустить пластинку и книжку, да только никто особенно не спешит с такими предложениями. А если и предлагают — в основном за свой счёт. А этот «счёт» совсем не так велик: сами знаете, какие у нас пенсии. Иной же статьи дохода у Новеллы Матвеевой нет.

Да, тяжёлая нынче жизнь, не романтическая. Поэтому ничего другого нам не остается, как ждать до лучших времен, когда идущие за нами поколения перестанут бредить «Звёздными войнами» и «Терминаторами», а вспомнят «Алые паруса» Грина, затоскуют об опасных путешествиях, старинных кораблях и «Летучем голландце». Тогда, быть может, кто-то напомнит им песни Новеллы Матвеевой и Ивана Киуру. А пока за ушами трещит от «Сникерса», другая музыка не слышна.

На двухмачтовой шхуне на Юг,
Мнилось, мы улетим,
А теперь выясняется вдруг,
Что и лететь не хотим!..

* * *

Предлагаемая вниманию читателей книга — уникальна. Большинство вошедших в нее стихов Новеллы Матвеевой и Ивана Киуру не публиковались с шестидесятых годов ни в книгах, ни даже в периодической печати. Особенный интерес для любителей авторской песни представляет нотный раздел: пожалуй, из всех бардов только одна Н.Матвеева удостоилась подобной «честь» — по сей день не имеет собственного нотного сборника. А между тем, её мелодии выделяются на общем фоне необычайной изысканностью и многозвучностью. Подчас это целые партитуры, которые были бы крайне интересны в оркестровом исполнении.

Эта книга поделена на несколько разделов. Открывается она песнями Новеллы Матвеевой. Её стихи представлены в разделах «Ключ фантазии» (лирика) и «Золотой трезубец» (стихи на социальные темы). Большой раздел «Отрада тёмных дней» является, по существу, первой попыткой «Избранного» Ивана Киуру, в которое вошли лучшие его песни и стихи разных лет. Завершает книгу раздел «Поэтическая родословная», посвящённый творчеству матери и брата Новеллы Матвеевой — Надежды Тимофеевны Матвеевой-Орленевой и Роальда Николаевича Матвеева-Бодрого.

Составитель приносит благодарность за помощь в работе над этой книгой Наталье Жуковой, Александру Костромину, Тамаре и Ролану Шиповым. Надеемся, итог нашей работы будет интересен как тем, кто давно и хорошо знает творчество Новеллы Матвеевой и Ивана Киуру, так и тем, кто услышит эти имена впервые.

Михаил Ногель

НОВЕЛЛА
МАТВЕЕВА

СУДЬБА И ПЕСНЯ

Поэты бывают без чего угодно, но без детства поэтов не бывает.

Свои первые стихи Новелла Матвеева сочинила ещё ребенком, во время войны. Это было в Монинском госпитале, где она долго лечилась от острого авитаминоза, подействовавшего ей на глаза. Она показала стихи отцу, который работал там же, в госпитале, политруком.

Я шла в тени прохладной
По утренней росе.
Испуганная белка
Взметнулась на сосне.

И мне обидно стало
совсем почти до слёз,
Что белку не видала,
А только рыжий хвост.

Тогда все говорили о войне, но она была где-то далеко, и такая страшная и непонятная. А тут белка, совсем близко и нисколько не страшная, а наоборот, даже прекрасная.

Писать Новелла Николаевна стала, видимо, под влиянием своей матери, поэтессы Надежды Тимофеевны Матвеевой-Орленевой, личности весьма незаурядной. Это был человек энергичный, большой культуры и большого артистизма. Она никогда не бросала литературной деятельности, несмотря на то что печататься ей практически не пришлось: сказались трудности голодного военного и послево-

енного времени, большая семья, которую надо было прокормить. Поэтому работала и культработником, и воспитателем в ремесленном, и заведующей столовой. Надежда Тимофеевна очень любила поэзию, прекрасно читала стихи. Именно из её уст, в её удивительной декламации впервые Новелла Матвеева услышала стихи Пушкина.

Вообще семья Матвеевых отличалась изысканным воспитанием и необычайной добропорядочностью.

Отец, Николай Николаевич Матвеев-Бодрый, был историком-краеведом Дальнего Востока, являлся действительным членом Всесоюзного географического общества. Встречался с тысячами интересных людей и был ко всем внимателен и доверчив. Часто даже слишком. Избежать наихудшей участи ему удалось лишь благодаря энергичным действиям своей жены и заступничеству наркома Литвинова.

Когда Николая Николаевича пытались изобразить «врагом народа», Надежда Тимофеевна обратилась с письмом к правительству. В ответ Литвинов посетил их, чтобы лично убедиться в том, что Николай Николаевич живёт не для себя.

В начале войны семья попала на станцию Чкаловская, где был эвакупункт для детей-партизан и партизанских детей. В нижнем этаже перед входом в зал на двух стендах большими буквами были написаны стихи Надежды Тимофеевны:

...Пусть душу гнев колышет,
И пусть в живой крови,
Глотая чёрный дым,
Историю страны — штыком герои пишут.
О том, что правы мы. И завтра — победим.

Надежда Тимофеевна собиралась сотрудничать с детским домом, но директора менялись, и менялись их намерения. Многие из них не гнушались даже обворовывать детей. Когда новым директором детдома был назначен известный в свое время автор повести о сиротах «Путёвка в жизнь», злоупотребления умножились. Всё это напоминало описанных Диккенсом опекунов. Надежда Тимофеевна, конечно, не молчала. Однажды, уловив момент, директор выразительно процедил: «Поэтесса, я тебя съем!». Се-

мья жила тогда в сводчатой каменной комнате детдомовского интерната, похожей на монастырский коридор, очень студёной — даже искры мороза выступали зимой на стенах. По распоряжению автора «Путевки в жизнь» семье не позволяли пользоваться даже водой из колонки. «Но это же травля!» — возмутилась Надежда Тимофеевна. «Травля есть, и травля будет», — ответила ей одна из воспитательниц. Все четыре года шла кампания по выселению Матвеевых из монастырского коридора. Но День Победы они всё-таки радостно встретили в этом каменном холодильнике. Правда, вскоре им пришлось переселиться в шестиметровую каморку.

К этому времени Новелла Матвеева уже всюю писала стихи, и давно уже не детские.

Сады в цвету
У гладких диких скал:
В них шумно хлынул ливень молодой.
И лилии серебряный бокал
Налил сияющей и свежеею водой.
И в тишине освобождённых гор,
И в блеске переливчатой весны
Шиповник ввысь глядит
Из влажной глубины,
Как ароматный розовый костёр.

Кстати, в каморке ею было написано стихотворение «Выселение из вселенной». А чтобы не выселили, Новелле, тогда ещё подростку, пришлось устроиться разнорабочей в детдомовское подсобное хозяйство. Доводилось чинить маты для парников, стеречь огороды. Когда работа выдавалась вот такая лёгкая, можно было сочинять. Там, например, родилась музыка для «Заклинательницы змей», для «Летучего голландца» («Свет маяка...»), для «Баллады Лонгрена» (будущей), для «Бездомного домового» и «Я родился у моря». Это была либо музыка без слов, либо с неустоявшимися текстами. Была догадка, что эти мелодии тяготеют к каким-то другим словам. Но образцом могли служить разве что собственные песни, такие, как «Миссури», начальные слова «Звёздочки», «Испанский патриот». Очень любила тогда Новелла Николаевна лирику Аветика Исаакяна, Ростана, особенно «Сирано де Бержерака» и «Шалости музыки».

Первой её публикацией в 1957 г. стала пародия на песенку «Пять минут» из кинофильма «Карнавальная ночь». Вот уцелевшие в памяти отрывки:

...Пять минут, пять минут
Отдавал студент занятиям,
Но и те пять минут
Почитал сплошным проклятьем!

...Пять минут, пять минут
Были боты новой парой,
Но прошло пять минут —
Стали боты парой старой!

Раз — обут, два — разут.
Ну, куда теперь их денут?!
Если сухо — то сойдут,
Если мокро — не наденут!

В то время на радио в программе «Весёлый спутник» работал редактор Любамский. Совершенно неожиданно для автора — во времена всеобщей неубутости — эту пародию он принял. Спел её замечательный артист Алексей Покровский.

Вскоре в Магадане была опубликована «Песня о Мандрикове» — председателе первого ревкома Чукотки, а в Элисте — стихотворение, посвященное освоению космоса. В продвижении первых больших подборок очень помогли поэты Игорь Грудев, Давид Кугультинов, работники ЦК комсомола Виктор Бушин и Лен Карпинский. А дальше в судьбе поэтессы принимали участие С.Маршак, К.Чуковский, М.Атабекян, В.Чивилихин, Н.Старшинов, Б.Слуцкий, Ю.Воронов.

Говорят, Корней Иванович, когда ему прочитали «Солнечного зайчика», даже прыгал от радости через стул.

Благодаря бескорыстной помощи Чуковского и Атабекяна в 1966 г. на фирме «Мелодия» вышли первые две авторские пластинки песен Новеллы Матвеевой (первые в нашей стране диски авторской песни). В 1961 г. была издана и первая книжка «Лирика». И хотя за 27 лет литературной деятельности Новеллы Николаевны увидели свет 12 её сборников, нельзя сказать, что всё было гладко. Между

выходами книг интервалы в 5–7 лет, приходилось зарабатывать переводами. Правда, отдельные её стихи и песни публиковались в периодике, но редко в центральной прессе или «толстых журналах», — и чаще всего — в альманахе «Поэзия». Исключение — «Новый мир» времён Твардовского и Косолапова. Тиражи (словно кто с самого начала приговорил к самым малым) — гомеопатические. «Новелла Николаевна — камерный поэт», — говорили иногда об авторе «Цыганки», «Америки», «Старинного бродяги», «Италии», «Фокусника», «Реченьки»... Может быть, это и так. Но почему же тогда нет отбоя от писем? Люди спрашивают: «Где достать её книги, пластинки? Почему по радио редко исполняют песни Новеллы Матвеевой?»

Лишь с 1983 г. книги и диски Новеллы Николаевны стали выходить чаще и регулярнее. А до той поры о великом «везении» автора судили в основном по удельному весу и устойчивой устной популярности определённой части её опубликованных и неопубликованных работ, по удельному весу её таланта.

Припоминается одна история. В 1969 г. журнал «Советская музыка» решил провести дискуссию по вопросу — может ли профессиональный композитор «улучшить» авторскую песню, сочинив к ней новую музыку. Тогда в девятом номере были опубликованы две статьи: В. Фрумкина «Песня и стих» и Л. Гениной «Ответ перед будущим». Авторы придерживались противоположных мнений по обсуждаемому вопросу. А так как Новелла Матвеева в своём творчестве стояла у истоков советской авторской песни, её не могли не взволновать эти публикации. Она решила высказать свою точку зрения и отправила статью в редакцию. Однако материал не попал на страницы журнала, да и дискуссия к сожалению, продолжения не имела. В те годы об авторской песне писать было «не принято».

Лишь через 13 лет материал был найден и опубликован в газете Московского КСП «Менестрель», игравшей роль всесоюзного специализированного издания по авторской песне. Сама по себе проблема не потеряла актуальности, поэтому позволю привести некоторые высказывания Н.Матвеевой из этой статьи.

«Конечно, музыкальная грамотность нужна всем, — писала она, — кто поёт или играет перед публикой. Но подчеркиваем: техническая оснащённость помогает лишь

проявиться таланту, появиться — не помогает. Если его нет — не вызовет его к жизни никакая, даже самая блистательная техника.

Значит, не надо так гордо противопоставлять грамотность композиторов — и без того совершенно беспорядочную — исполнительской неловкости отдельных поющих поэтов. Будем противопоставлять лишь талант бездарности, кому бы они ни принадлежали. А техника, а «послушная сухая беглость» — это всего лишь тот хрустальный башмачок, по которому узнавали Золушку. Но это не сама Золушка — не сам талант. Задача же критика — уметь узнавать талант без помощи хрустальных башмачков и встречать его не по одежке. Если же критик почему-нибудь считает, что таланта перед ним нет, — да не объяснит он это обстоятельство причинами техническими или близкими к таковым. <...>

В приходе поэтов-певцов и не могло быть какой-то злонамеренности к песенникам-композиторам. Даже и к худшим из них. Явились поэты-певцы безо всякой задней мысли, запели без злобы к профессионалам и критикам. А если впечатление получилось не в пользу кого-нибудь, то опять-таки этого никто не подстроил. Ведь на изъяны песенных специалистов ярчайшие из поющих поэтов не пальцем указывают, а самим своим творчеством. И не как суровые и хмурые судьи, а как тот маленький андерсеновский мальчик, который первым заметил, что король голый».

В последнее время книги Н.Матвеевой стали выходить чаще. И надо признать, что среди поэтов-бардов её произведения наиболее публикуемые. Но... ни «Избранное», в которое вошли восемь предыдущих поэтических сборников, ни последняя книга «Хвала работе» никакого отклика в печати не получили. Может быть, творчество Матвеевой не вызывает отклика в душах людей? Тогда ничего не поделаешь: на нет и суда нет. Однако я детально пронаблюдал на примере пьесы «Предсказание Эглы», как автора лишили прессы. Пьеса была поставлена в Центральном детском театре. Имела шумный успех. Шла с постоянным аншлагом, многие её смотрели по нескольку раз. Это свободная фантазия по мотивам А.Грина. Десятки критиков выражали пылкое желание написать о спектакле «немедленно» — и написали. Но все работы об «Эгле» были отклонены московскими изданиями. Отказали даже специалисту-гриноведу Вадиму Ковскому. Дело в том, что прав-

дивные отзывы помешали бы снять пьесу с подмостков. Поэтому замалчиванию был придан вид директивного: якобы «сверху»! Предлог: какая-то часть действия происходит в трактире. Подумать только! А ведь место действия, в конце концов, можно было бы и изменить. Но пьесу сняли тайно от автора, за её спиной, так что жаловаться было поздно. Да и кому — коли откликов на спектакль не было?! А ведь пьеса почти вся из песен! — тридцати трёх авторских песен!

Вот так мы и живём под небом голубым:

Полюязычники и полумусульмане! — как сказал Омар Хайям.

Но довольно гневить небеса: были и светлые моменты... За книгу «Душа вещей» писательница чуть не получила Государственную премию. Выдвижение уже было нотариально оформлено, когда принесли письмо о гласности. Потребовалась подпись, которую Н.Матвеева охотно дала, — в пользу гласности. И вопрос о премии тут же заглох. Это не считалось временем запрета и замалчивания Матвеевой. Были времена и похуже; тогда даже её переводы если и печатались, то без фамилии переводчика.

Нет сомнения в том, что у Матвеевой своё особое место в поэзии и музыке, своя оригинальная поэтика, свой мелос. Её знают, поют её песни, читают её стихи. Она как та птица, которая воспета Ашотом Граши в переводе Н.Матвеевой:

О птицы, вольные птицы!
В руладах, свисте и пiske
Не знаете вы ни горя,
Ни паспорта, ни прописки!

Не знаете ни редакций,
Ни их служителей сложных,
Ни их оглячивых мыслей,
Ни взглядов их осторожных.

О, дайте мне, птицы, долю
Того, в чём ваша свобода!
Я песне спать не позволю —
Я пыль сотру с небосвода.

ПЕСНЯ ПО ПАМЯТИ

КОРАБЛИК

Жил кораблик — весёлый и стройный.
Над волнами, как сокол, парил.
Сам себя, говорят, он построил,
Сам себя, говорят, смастерил.

Сам смолою себя пропитал,
Сам оделся и в дуб и в металл,
Сам повёл себя в рейс,
Сам свой лоцман,
Сам свой боцман,
Сам свой
Капитан!

Шёл кораблик, шумел парусами,
Не боялся нигде ничего,
И вулканы седыми бровями
Поводили при виде его.

Шёл кораблик по летним морям,
Корчил рожи последним царям,
Все ли страны в цвету,
Все ль на месте, —
Всё записывал, всё проверял...

Раз пятнадцать, раз двадцать за сутки
С ним встречались другие суда:
Постоят, посудачат минутку —
И опять побегут — кто куда...

Шёл кораблик, о чём-то мечтал,
 Всё, что видел, на мачты мотал,
 Делал выводы — сам!
 Сам свой лоцман,
 Сам свой боцман,
 Сам свой
 Капитан!

1961

Умеренно, легко (♩=80)

Жил ко_ раб_ лик — ве_ сё_ лый и строй_ ный.
 Над вол_ на_ ми, как со_ кол, па_ рил.
 Сам се_ бя, го_ во_ рят, он по_ стро_ ил, сам се_
 бя, го во_ рят, смас_ те_ рил. Сам смо_ ло_ ю
 се_ бя про_ пи_ тал, сам о_ дел_ ся и в дуб и в ме_
 талл, сам по вёл се_ бя в рейс, сам свой лоц_ ман,
 сам свой боц_ ман, сам свой ка_ пи_ тан! Тра- ля -

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух нотных стенов. Первый стенов содержит три такта музыки с нотными знаками и аккордами Fm, Cm и G7. Под нотами первого такта написано «ля...», а под нотами второго и третьего тактов — «Сам свой боц_ман, сам». Второй стенов начинается с первой записи (1.) и содержит два такта музыки с аккордом C. Под нотами первого такта написано «свой ка_ пи_ тан!», а под нотами второго такта — «Шёл ко_ // свой ка_ пи_ тан!». Вторая запись (2.) начинается с третьего такта и содержит один такт музыки с аккордом C и надписью «Замедляя». Музыка заканчивается двойными чертами.

ля... Сам свой боц_ман, сам

1. C свой ка_ пи_ тан! Шёл ко_ // свой ка_ пи_ тан!

2. Замедляя C

КРУЖАТСЯ ЛИСТЬЯ

Кружатся листья,
кружатся в лад снежинки.
Осень пришла, — темно и светло в лесах.
Светятся в листьях розовые прожилки,
Словно в бессонных
и утомлённых глазах.

Летнюю книгу эти глаза читали,
Мелкого шрифта вынести не смогли
И различать во мгле предвечерней стали
Только большие — главные вещи земли.

Прносятся кругом цветные листы над садом;
Глаза их прозрели, да только прозрели для тьмы.
Вьются снежинки, кружатся листья рядом,
Реют,
Верят
В пылкую дружбу зимы!

Падают листья липы, дубов и клёна...
Звёздочки снега сыплются с высоты...
Если бы знать: насколько зимой стеснённо
Или свободно лягут под снегом листы?
Если бы знать: какие им сны приснятся?
Что нам готовит их потаённый слой?
Что им сподручней: сверху снегов остаться
Или под снегом скрыться, как жар под золой?

Танцуйте, танцуйте!
С холодным снежком кружитесь,
Покуда снежинки так запросто с вами летят!
Только до срока
Под ноги не ложитесь,
Чтобы
Не скрыла
Вьюга ваш яркий наряд!

Танцуйте, танцуйте!
Ведь это последний танец!
Кружитесь, кружитесь,
Ведь время нисколько не ждёт!

Неторопливо (♩.=72)

Кру_жат_ся листь_я, кру_жат_ся в лад сне_жин_ки.
 О_сень при_шла, — тем_но и свет_ло в ле_сах.
 Све_тят_ся в листь_ях ро_зо_вы_е про_жил_ки,
 слов_но в бес_сон_ных и у_том_лён_ных гла_зах.
 // Про_но_сят_ся кру_гом цвет_ны_е лис_ты над
 са_дом; гла_за их про_зре_ли, да
 толь_ко про_зре_ли для тьмы.
 Вьют_ся сне_жин_ки, кру_жат_ся листь_я ря_дом,
 ре_ют, ве_рят в пыл_ку_ю друж_бу зи_мы! //
 _ряд! Тан_цуй_те, тан_цуй_те! Ведь э_то по_след_ний

Chords: Cm, G7, Cm, Fm, B, Eb, C7, Fm, B, Eb, G7, Cm, G7, Cm, Fm, Cm, G7, Cm, G7, Cm, Cm, Fm, Cm, G7, Cm, Fm.

Сm Fm Замедляя Сm

та_ нец! Кру_ жи_ тесь, кру_ жи_ тесь, ведь

G7 *) Сm G7 Сm С

вре_ мя ни_ сколь_ ко не ждёт!

*) Соло гитары

КАКОЙ БОЛЬШОЙ ВЕТЕР!

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока пену,
 И если гвоздь к дому
 Пригнать концом острым,
 Без молотка, сразу,
 Он сам войдёт в стену.

Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды —
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез
 И, подкатясь боком
 К соседнему саду,
 В чужую врос грядку
 И снова там вырос.

А шквал унёс в море
Десятка два шлюпок,
А рыбакам — горе, —
Не раскурить трубок,
 А раскурить надо,
 Да вот зажечь спичку —
 Как на лету взглядом
 Остановить птичку.

Какой большой ветер!
Ах, какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,
 И никакой силой
 Тебя нельзя стронуть:
 Скорей Нептун слезет
 Со своего трона.

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домов сорвал крыши,
Как с молока — пену...

И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам уйдёт в стену.

1961

Неторопливо (♩=70)

Ка_ кой боль_ шой ве_ тер на_

пал на наш ост ров! С до_ ми_ шек

сдул кры_ ши, как с мо_ ло_ ка

пе_ ну, и ес_ ли гвоздь к до_ му

при_ гнать кон_ цом ост_ рым,

1. без мо_ лот_ ка, сра_ зу, он

сам вой_ дёт в сте_ ну. // 2. в чу_ жу_ ю

врос гряд_ ку и сно_ ва там вы_ рос.

Музыкальный фрагмент, состоящий из двух нотных стенов. Первый стенов содержит ноты с паузами и аккорды Cm и %%Φ. Второй стенов содержит ноты с паузами, аккорды G7, Замедляя, Cm и завершается двойными чертами. Под нотами расположены русские слова: А // тро_ на. Ка_ // без мо_ лот_ ка, сра_ зу, он сам уй_ дёт в сте_ ну.

А // тро_ на. Ка_ // без мо_ лот_ ка,
сра_ зу, он сам уй_ дёт в сте_ ну.

«ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ»

Свет маяка в необозримой ночи,
Словно рука, расставил пальцы-лучи.
Как зеленоватая медузина спина
В море отражается луна.

Трепет волны приводит в трепет луну:
То разорвёт, то снова слепит в одну.
Там, где об утёсы ударяют буруны
Звонче обрываемой струны.

Кто нам песню споёт?
Кто нас уверит, что не всё пройдёт?
Кто фонарями перед нами впотьмах
Засветит небылицы?

Нет, никто не споёт.
«Летучий голландец» на дрова пойдёт.
Кок приготовит нам на этих дровах
Паштет из Синей Птицы.

Грустно на пристани свернулся канат —
Ветром растрёпан, как дворняга, мохнат.
Сяду на канат, припомню лучшие года,
Те, что не бывали никогда.

Солнечный зайчик обитал в парусах
С брызгами моря на янтарных усах.
Был, словно не был он
И не был, словно был.
Не был, но усами шевелил.

Кто нам песню споёт?
Кто нас уверит, что не всё пройдёт?
Кто перед нами фонарями впотьмах
Затеplit небылицы?

Нет, никто не споёт.
«Летучий голландец» на дрова пойдёт.
Кок приготовит нам на этих дровах
Паштет из Синей Птицы.

Не спеша (♩=64)

См G₇

Свет ма_я_ ка в не_о_бо_зри_мой но_чи,

См G₇

слов_но ру_ка, рас_ста_вил паль_цы-лу_чи.

См G₇

Как зе_ле_но_ва_та_я ме_ду_зи_на спи_на

См*)

в мо_ре от_ра_жа_ет_ся лу_на.

G₇

Тре_пет вол_ны при_во_дит в тре_пет лу_ну:

Fm См

то ра_зо_рвёт, то сно_ва сле_пит в од_ну.

G₇

Там, где об_у_тё_сы у_да_ря_ют бу_ру_ны

**)

звон_че об_ры_ва_е_мой стру_ны.

См

¿ ¯ ¿ ¯ Кто нам пес_ню спо_ёт?

Кто нас у_ве_рит, что не всё прой_дёт? Кто фо_на_

ря ми пе ред на ми впоть мах за све тит
не бы ли цы?
Нет, ни кто не спо ет. «Ле
ту чий гол лан дец» на дро ва пой дет.
Как при го то вит нам на э тих дро
вах па штет из Си ней
Пти цы.
Груст но на // А - а - а... (закр. ртом)
Та - ра - ра... (закр. ртом)
Замедля

*) Во втором куплете автор исполняет здесь гитарный проигрыш, аналогичный последующим

**) Соло гитары

ЦЫГАНКА-МОЛДАВАНКА

Развесёлые цыгане по Молдавии гуляли
И в одном селе богатом ворона коня украли.
А ещё они украли молодую молдаванку:
Посадили на полянку, воспитали как цыганку.

Навсегда она пропала
Под тенью загара!
У неё в руках гитара,
Гитара,
Гитара!
Позабыла всё, что было,
И не видит в том потери.
(Ах, вернись,
Вернись,
Вернись!
Ну, оглянись, по крайней мере!)

Мыла в речке босы ноги, в пыльный бубен била звонко.
И однажды из берлоги утащила медвежонка,
Посадила на поляну, воспитала как цыгана;
Научила бить баклушки, красть игрушки из кармана.

С той поры про маму, папу
Забыл медвежонок:
Прижимает к сердцу лапу
И просит деньжонок!
Держит шляпу вниз тульёю...
Так живут одной семьёю,
Как хорошие соседи,
Люди, кони и медведи.

По дороге позабыли: кто украл, а кто украден.
И одна попона пыли на коне и конокраде.
Никому из них не страшен никакой недуг, ни хворость...
По ночам поют и пляшут да в костры бросают хворост.

А беглянка добрым людям
Проходим
Ворожит:

Всё, что было, всё, что будет,
Расскажет,
Как может...

Что же с ней, беглянкой, было?
Что же с ней, цыганкой, будет?
Всё, что было, — позабыла.
Всё, что будет, — позабудет.

1961

Не спеша (♩=80)

Раз ве сё лы е цы га не по Мол да ви и гу ля ли и в од ном се ле бо га том во ро на ко ня у кра ли. А е ще о ни у кра ли мо ло ду ю мол да ван ку: по са ди ли на по лян ку,

В свободном ритме, замедляя **Темп I**
вос пи та ли как цы ган ку. На все гда о на про па ла под тень ю за

Cm Fm
 га ра! У не ё в ру ках ги та ра, ги
 G7 Cm C
 та ра, ги та ра! По за бы ла всё, что
 Fm В свободном ритме E♭ Темп I
 бы ло, и не ви дит в том по те ри. (Ах, вер
 1. G7 Cm
 нись, вер нись, вер нись! Ну, ог ля
 G7 Cm
 нись, по край ней ме ре!) Мы ла //
 2. G7 Cm G7 Замедлить
 ро ши е со се ди, лю ди, ко ни и мед
 Темп I
 Cm %♯ G7 Cm
 ве ди. По до // бы ло, — по за бы ла.
 G7 Замедлить Темп I
 Cm
 Всё, что бу дет, — по за бу дет. Ла - ла -
 G7 Cm G7 Замедлить Cm
 ла...
 (закр. ртом)

ТАНЦУЕМ ТАНЕЦ!

Танцуем танец, танцуем танец,
Танцуем целый день!
Танцуем танец, танцуем танец,
А кончить танец — лень!

Танцуем танец, танцуем танец,
Танцуем целый год!
Танцуем танец — и песня тает
На языке, как мёд.

За кругом круг,
За кругом круг, —
Звёзды,
Месяц,
Заря...
За кругом круг,
За кругом круг,
Ни на что не смотря!

Один — с душой
Ритм отбивает,
Другой — с ленцой
Ритм отбивает,
А третий что-то напевает
Про себя...

От танца щёки горят, как мак!
Не для чего-то, а просто так,
Просто так танцуем танец, танец,
Просто так танцуем танец, танец,
Просто так танцуем танец, танец,
Просто так,
Просто так,
Просто так!

Танцуем танец, танцуем танец, —
Раз два три, раз два три...
И вот светает,
И льдинки тают,
И гаснут фонари...

цу_ ем та_ нец, а кон_ чить та_ нец — лень! Тан_
 цу_ ем та_ нец, тан_ цу_ ем та_ нец, тан_ цу_ ем це_ лый
 год! Тан_ цу_ ем та_ нец — и пес_ ня та_ ет
 на я_ зы_ ке, как ме_ д. За кру_ гом круг, за
 кру_ гом круг, — звёз_ ды, ме_ сяц, за_ ря... За
 кру_ гом круг, за кру_ гом круг, ни на что не смот_
 ря! О_ дин — с ду_ шой ритм от_ бы_ ва_ ет, дру_
 гой — с лен_ цой ритм от_ бы_ ва_ ет, а тре_ тий что-то
 на_ пе_ ва_ ет про се_ бя... От тан_ ца
 ще_ ки го_ рят, как мак! Не для че_ го-то, а прос_ то так,

G₇ C G₇

прос_ то так тан_ цу_ ем та_ нец, та_ нец, прос_ то

C G₇

так тан_ цу_ ем та_ нец, та_ нец, прос_ то

C G₇ C

так тан_ цу_ ем та_ нец, та_ нец, прос_ то так

1. G₇ C 2. G₇ C

прос_ то так. Тан_ // прос_ то так.

ТАЛАНТ НА ДВОИХ

Мы слышали слух
О двух музыкантах,
Но слух не о двух
Отдельных талантах,
Поскольку у них
Талант на двоих.

Один был трубач,
Другой — барабанщик,
Один был трепач,
Другой был обманщик, —
Талант на двоих,
Талант на двоих.

Расстаться они
Мечтали давно,
Но чуть начинали делить домино, —
Не мог барабан
Покинуть трубу:
Труба с барабаном связала судьбу.

Один был трубач,
Другой — барабанщик,
Один был трепач,
Другой был обманщик.
Талант на двоих,
Талант на двоих.

И тот и другой
Любили одну:
Вдвоём к одному приходили окну.
И первый трубил
(Как будто грубил!),
Второй барабанил сильнее, чем любил.

Один был трубач,
Другой барабанщик,
Один был трепач,
Другой был обманщик, —

ТАЛАНТ НА ДВОИХ,
ТАЛАНТ НА ДВОИХ,
ТАЛАНТ НА ДВОИХ!

1961

Сдержанно (♩=104)

Мы слы_ша_ли слух о двух му_зы_кан_тах, но
слух не о двух от_дель_ных та_лан_тах, по_сколь_ку у
них та_лант на дво_их. О_дин был тру_
_бач, дру_гой — ба_ра_бан_щик, о_дин был тре_пач, дру_
_гой был об_ман_щик, — та_лант на дво_их, та_
_лант на дво_их. Рас_стать_ся о_ни меч_та_ли дав_
_но, но чуть на_чи_на_ли де_лать до_ми_но, — не
мог ба_ра_бан по_ки_нуть тру_бу: тру_ба с ба_ра_

Chord symbols: Cm, Fm, Cm, Fm, Cm, G7, Cm, G7, Cm, G7, Cm, Fm, Cm, G7, Cm, G7, Cm, G7, Cm, E^b, Fm, E^b, B, E^b, Fm.

ба ном свя_ за_ ла судь_ бу. О_ дин был тру_

бач, дру гой — ба_ ра_ бан_ щик, о_ дин был тре_

пач, дру гой был об_ ма_ щик. Та_ лант на дво_

их, та лант на дво_ их. И //

2. Cm Замедляя G7 Cm

их, та лант на дво_ их!

ПЕСНЯ ПРО КОТЁЛ

В тиши весенней,
В тиши вечерней,
Вблизи от прерий,
Вдали от гор
Стояла ферма,
Стояла ферма,
А возле фермы
Пылал костёр.

В котле широком
Кипело что-то,
А рядом
Кто-то
Сидел — мечтал...
Котел кипящий —
Огонь шумящий
Ему о чём-то
Напоминал.

Вот ночь настала —
Костра не стало:
Последний уголь
Погас,
Погас...
А тот, сидящий,
В огонь смотрящий, —
Он тоже скрылся,
Скрылся
Из глаз...

И мы не знаем,
Ах, мы не знаем:
Был или не был
Он на земле,
Что в тихом сердце его
Творилось
И что варилось
В его котле.

Не спеша (♩=68)

Та - ра - ра...

В ти_ ши ве_ сен_ ней, в ти_ ши ве_

чер_ ней, вбли_ зи от пре_ рий, вда_ ли от

гор сто_ я_ ла фер_ ма, сто_ я_ ла

фер_ ма, а воз_ ле фер_ мы пы_ лал кос_

тёр. В кот_ ле ши_ ро_ ком ки_ пе_ ло

что - то, а ря_ дом кто - то си_ дел — меч_

тал... Ко тёл ки_ пя_ щий — о_ гонь шу_

мя щий е_ му о чём - то на_ по_ ми_ нал
 Та - ра - ра...
 Что в ти_ хом серд_ це е_ го тво_ ри_ лось
 и что ва_ ри_ лось в е_ го кот_ ле.

БРАТЬЯ КАПИТАНЫ

В закатных тучах красные прорывы.
Большая чайка, плаваний сестра,
Из красных волн выхватывает рыбу,
Как головню из красного костра.

Двумя клинками сшиблись два течения, —
Пустился в пляску ящик от сигар,
И, как король в пурпурном облачении,
При свете топки красен кочегар.

Мы капитаны, братья капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Мы дерзким килем море пропороли
И пропололи от подводных трав.

Но кораблям, что следуют за нами,
Придётся драться с теми же волнами
И скрежетать от той же самой боли,
О те же скалы рёбра ободрав.

На что, на что смышлён весёлый лоцман, —
Но даже он стирает пот со лба:
Какую глубь ещё покажет лот нам?
Какую даль — подозрная труба?

Суровый юнга хмурится тревожно
И апельсин от грубой кожиры
Освобождает так же осторожно,
Как револьвер — от грубой кобуры.

Мы капитаны, братья капитаны,
Мы в океан дорогу протоптали,
Но корабли, что следуют за нами,
Не встретят в море нашего следа;

Нам не пристали место или дата;
Мы просто были где-то и когда-то.
Но если мы от цели отступали, —
Мы не были нигде и никогда.

Умеренно (♩=80)

В за_кат_ных ту_чах крас_ны_е про_ры_вы.

Боль_ша_я чай_ка, пла_ва_ний сест_ра,

из крас_ных волн вы_хва_ты_ва_ет ры_бу,

как го_ло_вню из крас_но_го кост_ра.

Дву_мя клин_ка_ми сшиб_лись два те_чень_я, —

пус_тил_ся в пляс_ку я_щик от си_гар,

и, как ко_роль в пур_пур_ном об_ла_чень_е,

при све_те топ_ки кра_сен ко_че_гар.

Мы ка_пи_та_ны, брать_я ка_пи_та_ны,

мы во_ке_ан до_ро_гу про_топ_та_ли,

мы дера_ким ки_лем мо_ре про_по_ро_ли

и про_по_ло_ли от под_вод_ных трав.

Но ко_раб_лям, что сле_ду_ют за на_ми,

при_дёт_ся дра_ть_ся с те_ми же вол_на_ми

и скре_же_тать от той же са_мой бо_ли,

о те же ска_лы ре_б_ра о бо_

драв. На что, на // _гда.

ВЕРЕСК

Осыпается вереск мой,
Что у моря был сорван мной,
И не верится в это мне,
И не верится!

Но не здесь этот вереск рос, —
Так большой ли с бедняги спрос?
Я уж как-нибудь обойдусь
И без вереска.

Не грущу о чужих цветах,
А грущу о родных цветах,
От которых того и жди,
Что опять засекут дожди,
Или ветер забьёт,
Или — просто придёт черёд...

Осыпается вереск мой,
Осыпается, осыпается...

Этот вереск напомнил мне
О пустынных местах,
О пустынных местах, —
Пограничных постах;
О пустых палисадниках,
Заметённых песком,
О гарцюющих всадниках,
О идущих пешком...

Осыпается вереск мой,
Что у моря был сорван мной,
И не верится в это мне,
И не верится!

Но не здесь этот вереск рос, —
Так большой ли с бедняги спрос?
Я уж как-нибудь проживу
И без вереска.

Но не стану теперь опять —
 Но не стану цветы срывать!
 ...Осыпается вереск мой,
 Осыпается,
 Осыпается...

Осень 1961

Не спеша (♩=56)

О_сы_ па_ ет_ ся ве_ реск мой, что у
 мо_ ря был сор_ ван мной, и не ве рит_ ся в э_ то
 мне, и не ве рит_ ся! Но не // _ка. Не гру_
 шу о чу_ жих цве_ тах, а гру_ шу о род_ ных цве_ тах, от ко_
 то рых то_ го и жди, что о_ пять за_ се_ кут дож_
 ди и ли ве тер за_ бьёт, и ли —прос_ то при_ дёт че_
 рéd... О сы_ па_ ет_ ся ве_ реск мой, о_ сы_
 па_ ет_ ся, о_ сы_ па_ ет_ ся... Э_ тот

ве_реск на_пом_нил мне о пус_тын_ных мес_тах, о пус_тын_ных мес_тах, — по гра_нич_ных пос_тах; о пус_тых па_ли_сад_ни_ках, за_ме_тён_ных пес_ком, о гар_цу_ю_щих всад_ни_ках, о и_ду_щих пеш_ком... О_сы_ // мой, о_сы_па_ет_ся, о_сы_па_ет_ся...

Chords: B, E^b, B, E^b, Fm, B, E^b, Fm, E^b, Fm, G₇, Cm G₇, Темп I ♯, E^b, G₇, Замедляя, C

ДОРОЖНАЯ

С чемоданом да с клетчатый узлом
Я примчался вприпрыжку на вокзал.
Как связался я с узлом,
Так связался я со злом:
Ведь не я его, а он меня связал!

Все входили в вагоны, как река
С гордой миной вступает в берега...
Я же бросился в вагон,
Как бросаются в огонь,
Как бросаются в атаку на врага!

Я дорогу-плутовку не терплю!
Я тревогу дорожную трублю!
Пассажиров не люблю
И мильон проклятий шлю
Самолёту, вертолёту, кораблю!

...Шёл состав, разворотистый такой!
Сам помахивал дымом, как рукой,
И с презреньем короля
Горы, доли и поля
Он отбрасывал заднею ногой...

Я притих и запомнил с этих пор
Необузданный, бешеный простор,
Семафоры под луной
И на полках надо мной
Многосложный дорожный разговор...

Я дорогу тревожную люблю!
Я тревогу дорожную трублю!
Домоседов не терплю!
И привет весёлый шлю
Самолёту, вертолёту,
Кораблю!..

Оживленно (♩=96)

Musical score for the song 'Песня по памяти'. It consists of ten staves of music in 2/4 time, with a tempo of 96 beats per minute. The key signature is one sharp (F#), indicated by a G7 chord symbol at the beginning. The melody is written in treble clef. Chord symbols (G7, Dm, C) are placed above the notes to indicate the harmonic accompaniment. The lyrics are written below the notes, with some words underlined. The score includes a first ending (1. C) and a second ending (2. C).

С че_мо_ да_ ном да с клет_ча_ тым уз_лом
 я при_мчал_ся впри_прыж_ку на вок_зал.
 Как свя_зал_ся я с уз_лом, так свя_зал_ся я со
 злом: ведь не я е_го, а он ме_ня свя_зал!
 Как свя_зал_ся я с уз_лом, так свя_зал_ся я со
 злом: ведь не я е_го, а он ме_ня свя_зал! Все вхо_//
 га! Я до_ро_гу - плу_тов_ку не тер_плю!
 Я тре_во_гу до_рож_ну_ю труб_лю! Пас_са_
 жи_ров не люб_лю и миль_он про_кля_тий шлю са_мо_

лёту, вертолёту, кораблю! ...Шёл со //
 вогу до роженую трубулю! Домо-
 севдов не терплю! И привет всё лышлю само-
 лёту, вертолёту, кораблю!.. Домо // лю!

ДОМА БЕЗ КРЫШ (Окраина)

Летняя ночь была
Тёплая, как зола...
Так,
Незаметным шагом,
До окраин я дошла.
Эти окраины
Были оправлены
Вышками вырезными,
Кружевными кранами.

Облики облаков,
Отблески облаков
Плавали сквозь каркасы
Недостроенных домов.
Эти дома без крыш
В белой ночной дали
В пустошь меня звали,
В грязь и глину завели.

На пустыре ночном
Светлый железный лом,
Медленно остывая,
Обдавал дневным теплом.
А эти дома без крыш
В душной ночной дали
Что-то такое знали,
Что и молвить не могли.

Из-за угла, как вор,
Вынырнул бледный двор:
Там на ветру волшебном
Танцевал бумажный сор.
А эти дома без крыш
Словно куда-то шли,
Шли —
Плыли,
Как будто были
Не дома, а корабли.

Встретилась мне в пути
 Между цементных волн
 Кадка с какой-то краской,
 Точно в тёплом море — чёлн.
 Палка-мешалка в ней,
 Словно в челне весло...
 От кораблей кирпичных
 Кадку-лодку отнесло.

Было волшебно всё:
 Даже бумажный сор,
 Даже мешалку-палку
 Вспоминаю до сих пор.
 И эти дома без крыш,
 Светлые без огня;
 Эту печаль и радость,
 Эту ночь с улыбкой дня.

1961—1962

Неторопливо (♩=60)

№ Ст

Лет_ня_ я ночь бы_ ла тёп_ ла_ я, как зо_

ла... Так, не_ за_ мет_ ным ша_ гом, до о_

^{1.} кра_ ин я до_ шла. Э_ ти ок_ ра_ и_ ны

бы_ ли о_ прав_ ле_ ны выш_ ка_ ми вы_ рез_

ны ми, кру_ жев_ ны ми кра_ на_ ми. //

2.

вал днев_ным теп_лом. А э_ти до_ма без крыш

в душ_ной ноч_ной да_ли что - то та_ко_е

зна_ли, что и мол_вить не_мог_ли. // дня.

(закр. ртом)

ВОДОСТОЧНЫЕ ТРУБЫ

Дождь,
Дождь вечерний
Сквозь водосточные трубы.
Мокрые стены,
Зелёная плесень да мох...
Ах, эти трубы!
Сделали трубочкой губы,
Чтобы
Проходим
Выболтать тайны домов.

Трубы, вы трубы, —
Я вашим тайнам не рада.
Ржавые трубы,
Вы бросьте про тайны трубить!
Я вас не знаю,
Мне ваших секретов не надо:
Зная секреты,
Трудно мечтать и любить.

Верю, ах, верю
Тому, что за этою дверью
И в том окошке
Измена, обида, обман...
Верю, ах, верю! —
Но почему-то... не верю.
И улыбаюсь каменным этим домам.

Верю надежде,
Даже как будто напрасной,
Даже напрасной,
Совсем невозможной мечте...
Вижу я город,
Вижу я город прекрасный
В белом тумане,
В чёрном вечернем дожде.

Трубы вы, трубы, —
Бедные! —
Вы ещё стары.

Вся ваша плесень —
 Лишь первый пушок над губой.
 Вы ещё стары,
 А мы уже юными стали,
 Хоть мы узнали
 Самую старую боль.

...Дождь,
 Дождь осенний
 Сквозь водосточные трубы;
 Мокрые стены,
 Зелёная плесень да мох...
 Ах, эти трубы!
 Сделали трубочкой губы,
 Чтобы
 Проходим
 Выболтать тайны домов.

1961—1962

Не спеша (♩=56)

Дождь, дождь ве_ чер_ ний сквозь во_ дос_ точ_ ны_ е
 тру_ бы. Мок_ ры_ е сте_ ны, зе_ лё_ на_ я пле_ сень да
 мох... Ах, э_ ти тру_ бы! Сде_ ла_ ли тру_ боч_ кой
 гу_ бы, что_ бы про_ ходим вы_ бол_ тать тай_ ны до_

См Fm B E7
_мов. Ах, э_ти тру_бы! Сде_ла_ли тру_боч_кой гу_бы,
См G7 Cm
что_бы про_хо_жим вы_бол_тать тай_ны до_мов.

АХ, КАК ДОЛГО ЕДЕМ!

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры.
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поёт погонщик,
Только песню о любви поёт погонщик,
Да порой встряхнётся мул
И колокольчики на нём,
И колокольчики на нём забьются звонче.

Ну, скорей, скорей, мой мул!
Я вижу, ты совсем заснул:
Ну поспешим — застанем дома дорогу!..
Ты напьёшься из ручья,
А я мешок сорву с плеча
И потреплю тебя и в морду поцелую.

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры.
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поёт погонщик,
Только песню о любви поёт погонщик
Да порой встряхнётся мул
И колокольчики на нём,
И колокольчики на нём зальются звонче.

Подвижно (♩=120)

Ах, как дол_ го, дол_ го е_ дем! Как труд_

на в го_ рах до_ ро_ га! Чуть вид_ ны вда_

ли хреб_ ты ту_ ман_ ной Сьер_ ры.

Ах, как ти_ хо, ти_ хо

в ми_ ре! Лишь по_ ро_ ю из-под му_ ла,

про_ шу_ мев, со_ рвёт_ ся в без_ дну ка_ мень

се_ рый. Ти_ ши_

на. Лишь толь_ ко пес_ ню о люб_ ви по_

ёт по_ гон_ щик, толь_ ко пес_ ню о люб_

ви поёт погонщик
 да порой встряхнётся мул и ко_ло_
 _ко_ль_чи_ки на нём, и ко_ло_коль_чи_
 _ки на нём за_бьют_ся звон_че.
 Ну, ско_ //_рый. //звон_че.

Fm
 G7
 1. Cm
 2. Cm Замедляя G7 Cm

Друг отошёл и, чтобы скрыть обиду,
Книгу достал, потрёпанную с виду,
С грязным обрезом, в пёстром переплётё, —
Книгу о том, что горе — не беда...

...Право, уйду! Наймусь
К фата-моргане:
Стану шутком в волшебном балагане,
И никогда меня вы не найдёте:
Ведь от колёс волшебных нет следа.

Но караван всё шёл через пустыню,
Шёл потому, что горе — не беда.

1962

Довольно медленно (♩=64)

Мой ка_ра_ ван ша_ гал че_ рез пус_ ты_ ню,
мой ка_ ра_ ван ша_ гал че_ рез пус_ ты_ ню,
пер_ вый вер_ блюд о чём - то с грусть_ ю ду_ мал,
и о_ сталь_ ны_ е вто_ ри_ ли е_
му. И го_ ло_ // му... (конец) Зме_ и шур_
ша_ ли сре_ ди пес_ ка и зно_ я... Что э_ то там? Что

э_ то там та_ ко_ е? Бе_ лый ко_ рабль, снас_

тей пе ре_ пле_ тень_ е, яр_ кий фла_ жок, киль_

_ ва_ тер го_ лу_ бой... // _ной! Пу_ ть мой да_ //

Дру_г о_ то_ шёл и, что_ бы скры_ть о_ би_ ду,

кни_ гу до_ стал, по_ трё_ пан_ ну_ ю с ви_

ду, с гряз ным об_ ре_ зом, в пёс_ тром пе_ ре_

плё те, — кни_ гу о том, что го_ ре — не бе_ да...

*) Повторить с начала до слова "конец". Две строки перед словами "Но караван всё шёл через пустыню" поются с закрытым ртом

КИСТЬ ХУДОЖНИКА

Кисть художника везде находит тропы.
И, к соблазну полисменов постовых,
Неизвестные художники Европы
Пишут красками на хмурых мостовых.

Под подошвами шагающей эпохи
Спят картины, улыбаясь и грустя.
Но и те, что хороши, и те, что плохи,
Пропадают после первого дождя.

Понапрасну горемыки живописцы
Прислоняются к подножьям фонарей
Близ отелей,
Где всегда живут туристы —
Посетители картинных галерей.

Равнодушно, как платил бы за квартиру,
За хороший иль плохой водопровод,
Кто-то платит живописцу за картину
Либо просто подаянье подаёт.

Может, кто-то улыбнётся ей от сердца?
Может, кто-то пожелает ей пути?
Может, крикнет: «Эй, художник! Что расселся?
Убери свою картинку! Дай пройти!»

Но, как молнии пронзительную вспышку,
Не сложить её ни вдоль, ни поперек;
Не поднять её с земли, не взять под мышку, —
Так покорно распростертую у ног.

И ничьи её ручищи не схватили,
Хоть ножищи по её лицу прошли.
Много раз за ту картину заплатили,
Но купить её ни разу не смогли.

Не торопясь (♩=60)

*)

Кисть ху_ дож_ ни_ ка вез_ де на_ хо_ дит

тро_ пы. И, к соб_ лаз_ ну по_ лис_ ме_ нов по_ сто_

вых, не из_ вест_ ны_ е ху_ дож_ ни_ ки Ев_

ро пы пи_ шут крас_ ка_ ми на хму_ рых мо_ сто_

1. Сm 2. Сm Г7

_вых. (конец) // _дя. Ла - ла - ла...

Сm

*) Соло гитары

КАПИТАНЫ БЕЗ УСОВ

Вот передо мною море голубое:
Плещет волна, волна...
Знаю, о чём (о чём?)
Шепчет она, она.

Шепчет она о том, что нет предела
Снам и мечтам, мечтам...
И всё зовёт, зовёт
К дальним местам, местам.

Я хочу под ветром яростным
Плыть,
Плыть,
Плыть на судне парусном!
Право, нравятся мне очень мало
Корабли без парусов!
Может быть, они удобнее
И во многом бесподобнее,
Но —
Всё равно они подобны странным
Капитанам без усов!

Капитан без усов, усов,
Словно судно без парусов,
А капитаны с усами,
Словно суда с парусами.

В чём клянусь вам шаландами,
Неграми шоколадными,
Льдиной, моржом, эскимосом,
Якорем, трапом и тросом!

Что обращаюсь я к волне безвестной,
Словно к родной, родной?
Мечта о плаванье,
Ты не со мной!
(Со мной!)

Море и небо почернели грозно,
Парус надут, надут!

В гавань суда (сюда)
Вновь не придут!
(Придут!)

Я хочу под ветром яростным
Плыть,
Плыть,
Плыть на судне парусном!
Право, нравятся мне очень мало
Корабли без парусов!

Может быть, они удобнее
И во многом бесподобнее,
Но —
Всё равно они подобны странным
Капитанам без усов!

Капитан без усов, усов,
Словно судно без парусов,
А капитаны с усами,
Словно суда с парусами.

В чём клянусь вечно юными
Рыболовными шхунами,
Яхтой, баркасом, вельботом
И старичком-пакетботом!

1962

Умеренно (♩=80)

Вот пе_ре_до мно_ю мо_ре го_лу_бо_е: пле_щ_ет вол_на, вол_на... Зна_ю, о чём (о чём?) шеп_чет о_на, о_на. Шеп_чет о_на о том, что

нет пре_ де_ ла снам и меч_ там, меч_ там...

И всё зо_ вёт, зо_ вёт к даль_ ним мес_ там, мес_

там. Я хо чу под вет_ ром я_ рост_ ным

плыть, плыть, плыть на суд_ не па_ рус_ ном! Пра_ во,

вра_ вят_ ся мне о_ чень ма_ ло ко_ раб_ ли без па_ ру_

сов! Мо жет быть, о_ ни у_ доб_ не_ е

и во_ мно_ гом бес_ по_ доб_ не_ е, но — всё рав_

но о ни по_ доб_ ны стран_ ным ка_ пи_ та_ нам без у_

сов! Ка пи_ тан без у_ сов, у_ сов, слов_ но

суд_ но без па_ ру_ сов, а ка_ пи_ та_ ны с у_ са_ ми,

слов_ но су_ да с па_ ру_ са_ ми. В чём кля_

_ нусь вам ша_ лан_ да_ ми, нег_ ра_ ми шо_ ко_

_ лад_ ны_ ми, льди_ ной, мор_ жом, э_ ски_ мо_ сом,

я_ ко_ рем, тра_ пом и тро_ сом! // _том!

ПОЖАРНЫЙ

Жил-был пожарный в каске ярко-бронзовой,
Носил, чудак, фиалку на груди.
Ему хотелось ночью красно-розовой
Из пламени кого-нибудь спасти.

Мечта глухая жгла его и нежила:
Вот кто-то спичку выронит, и вот...
Но в том краю как раз пожаров не было, —
Там жил предусмотрительный народ.

Из-за ветвей следить любила в детстве я,
Как человек шагал на каланче.
Не то чтобы ему хотелось бедствия,
Но он грустил о чём-то... вообще.

Спала в пыли дороженька широкая,
Набат на башне каменно молчал,
А между тем, горело очень многое,
Но этого никто не замечал.

1962

Умеренно (♩=68)

Жил-был по_ жар_ ный в кас_ ке яр_ ко - брон_ зо_

_ вой, но_ сил, чу_ дак, фи_ ал_ ку на гру_

ди. Е_ му хо_ те_ лось

ночь_ ю крас_ но - ро_ зо_ вой из пла_ ме_ ни ко_

В B^b E^b G_7

го-ни будь спас-ти. Меч-та глу-ха я жгла е-го и

См B E^b B

не жи-ла: вот кто - то спич-ку вы-ро-нит, и

E^b G_7

вот... Но в том кра-ю как раз по-жа-ров

См G_7

не бы-ло, — там жил пре-ду-смо-три-тель-ный на-

1. *) Cm

род.

2. Cm G_7 Cm

чал. Но э-то-го ни-кто не за-ме-чал.

*) Соло гитары

СЛЕДЫ

Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы...
Над плоскодонною пропастью
Эхо, как пушечный дым.

Видно, прошёл тут — и шёпотом
Песню пропел пилигрим;
Долго стреляющим хохотом
Горы смеялись над ним.

Вижу, как ночь приближается
Высохшим руслом реки...
Но всё равно продолжается
Песня, словам вопреки.

— Где это море? — вы спросите, —
Где этот пляшущий риф?
Где — без морщинки, без проседи —
Юный зелёный залив?

Где эти заросли тесные
В лунной бессонной пылице?
Звери да птицы чудесные?
Люди — с огнём на лице?

Гибкие пальцы упрямые,
Чаши? Цепочки с резьбой?
Эхо, не путай слова мои, —
Я говорю не с тобой!

...Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы...
Над плоскодонною пропастью
Эхо, как пушечный дым.

Начало 60-х гг.

Довольно медленно ($\text{♩} = 68$)

*)

Ночь на пе_ ча_ та_ ла про_ пись_ ю

чи-то на гли_ не сле_ ды... Над плос_ ко_ дон_ но_ ю

про_ пасть_ ю э_ хо, как пу_ шеч_ ный дым.

Э_ хо, как пу_ шеч_ ный дым, дым,

дым. (конец) Вид_ но, про_ шёл тут и шё_ по_

_ том пес_ ню про_ пел пи_ ли_ грим;

дол_ го стре_ ля_ ю щим хо_ хо_ том го_ ры сме_

_ я_ лись над ним — ля - ля - ляй - ля.

Ви_ жу, как // _ля. Где э_ то //

ля - ляй - ля - ля. Где э_ ти // ля - ля - ляй -

ля. // ля.

*) Вариант гармонизации по 2-му и 3-му куплетам

**) Повторить с начала до слова «конец»

ГОРИЗОНТ

Видишь?
Зелёным бархатом отливая,
Море лежит спокойнее, чем земля.
Видишь?
Как будто ломтик от каравая,
Лодочка отломилась от корабля.

Яхты и пароходы ушли куда-то.
Видишь? По горизонту они прошли,
Так же,
 как по натянутому канату
В цирке
 канатоходцы пройти могли.

Словно за горизонтом обрыв отвесный —
Пропась. И пароходы идут, скользя,
Робко и осторожно держась над бездной,
Помня, что отступаться туда нельзя.

Ты же
Так хорошо это море знаешь
И песни, песни
 про эту пропасть
 поёшь,
 поёшь...

Что ж ты за горизонтом не исчезаешь?
Что ж ты за пароходами не плывёшь?

Видишь?
Канатоходцами по канату —
Снова по горизонту они прошли
Снова — в Константинополь, Суэц, Канаду,
Снова — по краю моря на край земли.

Умеренно (♩=78)

Ви_дишь? Зе_лё_ным бар_ха_том от_ли_ва_я,
 мо_ре ле_жит спо_кой_не_е, чем зем_ля.
 Ви_дишь? Как буд_то лом_тик от_ка_ра_ва_я,
 ло_доч_ка от_ло_ми_лась от ко_раб_ля. Ях_ты
 и па_ро_хо_ды у_шли ку_да - то.
 Ви_дишь? По го_ри_зон_ту о_ни про_шли,
 так же, как по на_тя_ну_то_му ка_на_ту
 в цир_ке ка_на_то_ход_цы прой_ти мог_ли.
 // _вёшь? // _ли.

*) Соло гитары

**) Вариант мелодии 4-го куплета

ВОДОПАД

Дышит осень незаметно
На деревья и кусты —
И от ветра и без ветра
Опадают с них листья.
 И листом осенним с неба
 В море падает звезда;
 Не вернуться ей на небо,
 Не вернуться никогда.

А водопад —
Он не то что листопад, —
Не печалит он, а радует
Там, где падает;
Водопад не листопад,
Водопад не звездопад —
Он весёлый от макушки и до пят.

Водопад,
Падай всласть!
Можно пасть, чтоб не упасть,
И упасть, чтобы не пасть
И всё на свете не проклясть.
 И грохочет водопад,
 И хохочет невпопад,
 Словно хочет
 в этой пропасти пропасть.

Ручеек стремится в пропасть —
Грозной бездны патриот:
Разве в пропасть нужен пропуск?
Пропусти его вперёд!

Но едва преодолееет
Он запретную черту —
Обомлеет,
Обмелеет,
Спрячет камешки во рту.

А водопад,
Как весёлый акробат,

Вызываемый на «бис»,
Летит, летит с уступа вниз...
Водопад не листопад,
Водопад не звездопад,
Он весёлый от макушки и до пят...

Водопад,
Падай всласть!
Можно пасть, чтоб не упасть,
И упасть, чтобы не пасть
И всё на свете не проклясть.
...И грохочет водопад,
И хохочет невпопад, —
Силы жизни,
Силы счастья в нём кипят.

Около 1962

Не торопись, в свободном ритме ($\text{♩} = 48$)

Музыкальная партитура в нотной записи. Ключевое обозначение: $\% \text{См}$. Темп: $\text{♩} = 48$. Метр: 3/4. Песня написана в тональности ми-бемоль мажор (F major). Текст песни:

Ды_ шит о_ сень не_ за_ мет_ но
на де_ ре_ вья и кус_ ты —
и от вет_ ра и без вет_ ра о_ па_ да_ ют
с них лис_ ты. И лис_ том о_
сен ним с не_ ба в мо_ ре па_ да_

Музыкальные обозначения: Fm^6 , G_7 , См , Fm^6 .

*) Cm G7

ет звез_ да; не вер_ нуть_ ся

Замедляя

ей на не_ бо, не вер_ нуть_ ся ни_ ко_

Подвижно, соблюдая ритм (♩=78) Cm

гда. А во до_ пад —

Fm

он не то что лис_ то_ пад. Не пе_ ча_ лит_ он, а

Cm G7 B

ра_ ду_ ет там, где па_ да_ ет; во_ до_ пад не

E^b B E^b

лис_ то_ пад, во_ до_ пад не звез_ до_ пад — он ве_

G7 Cm

сё лый от ма_ куш_ ки и до_ пят. Во_ до_ пад,

G7

па_ дай власть! Мож_ но пасть, чтоб не у_ пасть, и у_

Cm G7

пасть, что бы не пасть и всё на све_ те

B E^b

не про_ клясть. И гро_ хо_ чет во_ до_ пад, и хо_

В E^b G₇ ☉☉
 хо чет не_ впо_ пад, слов_ но хо_ чет в э_ той про_
 C^m
 па сти про_ пасть.
 ☉☉ G₇ ☉☉☉☉
 //_тиг с у_ сту_ па вниз... //счас_
 C^m
 тя в нём ки пят.

*) Соло гитары

ПОЛОВОДЬЕ

Волны шумят и плещут, режут глаза сверканьем;
 Мокрая щепка блещет, как драгоценный камень!
 Кружится половодье, злится, мосты смывает...
 Я опушу поводья: конь мой дорогу знает.

Выберусь на дорогу: глина на ней размыта.
 Жаль, что по ней не могут звонче стучать
 копыта!

Ах, как мне снится лето! Тёплое и сухое;
 Сосны сухого цвета, с легким дыханьем хвоя,

Тонкой калины ветки, грустной кукушки «слёзки»
 И на берёзках редких — пятнышки и полоски!
 ...Кружится половодье, злится, мосты срывает...
 Я опушу поводья:
 Конь мой дорогу знает.

1963

Подвижно (♩=132)

Вол_ ны шу_ мят и пле_ щут, ре_ жут гла_
 за свер кань_ ем; мок_ ра_ я щеп_ ка
 бле_ щет, как дра_ го_ цен_ ный ка_
 мень! Кру жит_ ся по_ ло_ водь_ е,
 злит_ ся, мос_ ты смы_ ва_ ет... Я о_ пу_

щу по_ воть_ я: конь мой до_ ро_ гу
В свободном ритме
 зна_ ет. Я о_ пу_
Темп I
 щу по_ воть_ я: конь мой до_ ро_ гу
 зна_ ет.

ПЕСНЬ О ДАЛЁКОЙ ДАЛИ

Где-то
в далёких краях
Есть одинокий маяк.
Старенький сторож на нём обитает,
Серые волны, скучая, считает.
Знаю: встречает, потом — провожает

Все уходящие вдаль корабли.

Знаю: пучина морей
Скрыла троих сыновей.
Не оттого ли с тех пор и доньше
Старенький сторож перечит пучине?
Пальцем грозит океанской пустыне,

Бурю встречая, трясёт головой...

Но временами маяк
Весь расцветает, как мак:
Лодка подходит к нему с провиантом.
Сторож зачем-то нарядится франтом, —
Шляпу с коричневым кожаным бантом

Держит рукой, чтобы ветер не снёс...

Всё же в конце-то концов
Лодка уносит гребцов.
Не оттого ли с такою тревогой
Вдруг просыпаюсь я ночью глубокой?

Только помыслишь о дали далёкой, —
Кругом от грусти идёт голова...

Неторопливо (♩ = 64)

Ст

Где - то в да_ лё_ ких кра_ ях

G7

есть о_ ди_ но_ кий ма_

Ст

як.

Ст

ста_ рень_ кий

сто_ рож на нём о_ би_ та_ ет, (м - м)

се_ ры_ е вол_ ны, ску_

G7

Ст

ча_ я, счи_ та_ ет. Зна_ ю: встре_

Fm

Ст

ча_ ет, по_ том — про_ во_ жа_ ет (м - м)

1.

G7

Замедляя

все у_ хо_ дя_ щие в даль ко_ раб_

2.

Ст

G7

ли. // кру_ гом от грус_

Ст

ти и дёт го_ ло_ ва...

АДРИАТИКА

Волны бегут,
белый песок лаская,
Клочья травы
всюду с собой таская,
А в глубине
тихо лежит морская —
Странно большая, очень большая —
Раковина!
Вижу её
В солнечную погоду,
Вижу: прилив над ней подымает
синюю воду,
И в глубине — ах, глубина какая! —
Великанья раковина,
Как росинка маковая,
Кажется мала!
То пропадёт,
то под водой проглянет...
Море сожмёт,
море её растянет,
Но всё равно
ближе она не станет:
Как далека в небе звезда,
Так и она.
Вижу её
В пасмурную погоду,
Вижу: отлив над ней завивает
Тёмную воду...
Кто мне её, ах, кто мне её
Достанет?
Водолазил водолаз,
Водолазу не далась —
Чья тут вина?!

Умеренно (♩=88)

Вол_ ны бе_ гут, бе_ лый пе_ сок лас_ ка_ я,
 клоч_ я тра_ вы всю_ ду с со_ бой тас_ ка_ я,
 а в глу_ би_ не ти_ хо ле_ жит мор_ ска_ я — стран_ но боль_ ша_ я,
 о_ чень боль_ ша_ я — ра_ ко_ ви_ на!
 Ви_ жу е_ ё в сол_ неч_ ну_ ю по_ го_ ду,
 ви_ жу: при_ лив над ней по_ ды_ ма_ ет си_ ню_ ю во_ ду, и в глу_ би_ не — ах, глу_ би_ на ка_ ка_ я! —
 ве_ ли_ кань_ я ра_ ко_ ви_ на, как ро_ син_ ка

ма ко ва я, ка жет ся ма ла! //

на?! Ла - ла - ла...

Во до ла зил во до лаз, во до ла зу

не да лась — чья тут ви на?!

Замедляя

ШАРМАНЩИК

На землю падал снег,
И кто-то пел о том,
Как жил да был старик
С шарманкой и сурком;
Что он вставал чуть свет
И шёл за песней вслед.
О том, что на земле
Шарманок больше нет.

Шарманок,
Шарманок,
Шарманок больше нет.

Скажите, а зачем
Шарманка вам нужна?
И сильная совсем,
И хрипая, она
Скрежещет, как возок,
Скрипит, как бурелом,
Как флюгер, как сапог,
Как дерево с дуплом.

Как дерево, как дерево,
Как дерево с дуплом.

Достойные друзья!
Не спорю с вами я;
Старик шарманщик пел
Не лучше соловья.
Но, тронет рукоять,
И... — верьте, что порой
Он был самостоя-
тель-
нее,
чем король.

И счастье и печаль
Звучали в песне той;
Был тих её напев
Старинный и простой...

Не знаю, как мне быть!
 Нельзя ли как-нибудь
 Шарманку обновить?
 Шарманщика вернуть?

— Шарманщик!
 — Эй, шарманщик!
 — ...Шарманщика вернуть.

1963

С движением (♩=152)

На зем_лю па_дал снег, и кто - то
 пел о том, как жил да был ста_рик
 с шар_ман_кой и сур_ком; что он вста_
 _вал чуть свет и шёл за пес_ней вслед.
 О том, что на зем_ле шар_ма_нок
 боль_ше нет. Шар_ма_нок, шар_ма_нок,
 шар_ма_нок боль_ше нет.

Ска_ // на скре_ же_ щет, как во_ зок,
 скри_ пит, как бу_ ре_ лом, как флю_ гер,
 как са_ пог, как де_ ре_ во с дуп_ лом.
 Как де_ ре_ во, как де_ ре_ во, как де_ ре_
 во с дуп лом. До_ // нуть? Шар_ ман_ щик! —
 Замедляя Шар_ ман_ щик! — ...Шар_ ман_ щи_ ка вер_ нуть.

ВЕНГЕРСКАЯ БАЛЛАДА

Ивану Куруру

В старом, старом Будапеште
Жил слепой парнишка.
Не видал ни зги. Но сам
Был ярок, точно вспышка.

С гибкою и дерзкой
Скрипкою венгерской
По дворам ходил на ощупь
Тот слепой парнишка.

Он играл. И все охотно
Слушали слепого.
И не все его бросали
Без куска и крова.

С гибкою и дерзкой
Скрипкою венгерской
Можно смело прокормить
И обогреть — любого.

Динь, динь, динь, — колокольчик,
Динь, динь, динь, — колокольчик, —
Отскочило колесо!
Выходи, колёсный мастер, —
Всю повозку — почини!

Динь, динь, динь — колокольчик,
Динь, динь, динь, — колокольчик...
А колёсный мастер — спит,
А во сне, бездельник, видит,
Что повозку... починил!

Но однажды вдруг напал
На город враг жестокий.
В эту пору мальчик спал
Под вязом, у дороги.

Он проснулся в полдень, —
Сразу скрипку вспомнил,
И тихонько заиграл,
Без горя и тревоги.

Песню Венгрии свободной
Враг услышал злобный;
Для него она звучала
Музыкой надгробной!

С гибкою и дерзкой
Скрипкою венгерской
Чужаку не показалась
Венгрия удобной!

Динь, динь, динь, — колокольчик,
Динь, динь, динь, — колокольчик,
Отскочило колесо,
Выходи, колёсный мастер,
Всю повозку почини.

Динь, динь, динь — колокольчик,
Динь, динь, динь, — колокольчик...
А колёсный мастер — спит,
А во сне, бездельник, видит,
Что повозку — починил.

Не скажу — что было дальше:
Это так обычно!
Ясных глаз, давно закрытых,
Не закрыть вторично.

В Будапеште старом
Мальчик жил недаром
И незрячими глазами
Видел всё отлично!

Динь, динь, динь, — колокольчик!
Динь, динь, динь, — колокольчик, —
Отскочило колесо...
Выходи, колёсный мастер,
Всю повозку почини!

Динь, динь, динь, — колокольчик,
Динь, динь, динь, — колокольчик, —
А колёсный мастер — спит,
А во сне, бездельник, видит,
Что повозку — починил!

Умеренно ($\text{♩} = 80$)

В свободном ритме

В ста ром, ста ром Бу да пеш те жил сле пой пар
 ниш ка. Не ви дал ни зги. Но сам был

Неторопливо. Соблюдая ритм ($\text{♩} = 60$)

я рок, точ но вспыш ка. С гиб ко
 ю и дерз кой скрип ко ю вен гер

ской по дво рам хо дил на о щупь тот сле

пой пар ниш ка. // го. День, день,

день, — ко ло коль чик, день, день, день, — ко ло

коль чик, — от ско чи ло ко ле со!

Вы хо_ ди, ко_ лёс_ ный мас_ тер, —
 всю по_ воз_ ку — по_ чи_ ни! Динь,
 динь, динь, — ко_ ло_ коль_ чик, динь, динь,
 динь, — ко_ ло_ коль_ чик... А ко_ лёс_ ный
 мас_ тер — спит, а во сне, без_ дель_ ник,
 ви_ дит, что по_ воз_ ку... по_ чи_
 _ нил! // ги. // по_ чи_ нил. // _ нил!
 Та-ра- ра...
 Та-ра- ра...

(Ох! Вот ведь какая
судьба!
Ах! Сокрушительно
злая судьба!)

А впрочем, не стану скрывать:
Болят мои пятки.
К тому же дорога, видать,
Опять не в порядке.

Не скоро до вас добреду,
Устану же — скоро.
Я лучше совсем не приду!
Прощайте, сеньора!..

Ах! Вот ведь какая...
Непростительно
злая судьба!

1964

Неторопливо (♩=60)

Пла_ ток вы_ ши_ ва_ я цвет_ ной, ни ста_ рый, ни
но_ вый, я зна_ ю, — для встре_ чи со мною вы нын_ че го_
то_ вы. Сво_ и же на_ ме_ ре_ ни_ я о_ зна_ чу сло_
ва_ ми: на си_ вом на ме_ ри_ не я при_ е_ ду за
ва_ ми. (Ох! — вот ведь ка_ ка_ я судь_ ба!

G₇ C

Ах! — у_ди_ви_тель_но зла_ я судь_ба!

1. G₇

Ох! — вот ведь ка_ка_ я судь_ба! Ах! —

C

по_ра_зи_тель_но зла_ я судь_ба!) A //

2. C Dm/G

вот ведь ка_ка_ я... (закр. ртом)

G₇ C

Не_про_сти_тель_но зла_ я судь_ба!

И в тёплом ветре ловить опять
 То скрипок плач,
 То литавров медь...
 А что я с этого буду иметь?
 Того тебе — не понять.

1964

Не спеша (♩=80)

(закр. ртом)

Ла - ла - ла...

Ра - ра - ра...

Люб_ ви мо_

ей ты бо_ ял_ ся зря, — не так я страш_ но люб_

лю! Мне бы_ ло до_ воль_ но ви_ деть те_

бя, встре_ чать у_ лыб_ ку тво_ ю. И ес_ ли

ты у_хо_дил к дру_гой и_ли про_сто был не_из_

Сm G7 Сm G7

_вест_но где, мне бы_ло до_воль_но то_го, что

Сm

твой плащ ви_сел на гвоз_де. Ко_

Em Bb Сm

_гда же, наш ми_мо_лёт_ный гость, ты у_мчал_ся,

G7 Сm

но_вой судь_бы и_ща, мне бы_ло до_воль_но то_

Fm Сm G7

го, что гвоздь о_стал_ся пос_ле пла_

1. Сm 2. Сm % G7

_ща. Ля - ля // - ра. // Ра - ра - ра...

Сm G7 Сm G7 Сm

ПАРОХОДЫ ВДАЛИ

После бури в ночи ни проплыть, ни пройти...
Пароходы сбиваются нынче с пути.
Поперхнётся матрос, проморгав переход,
Захлебнётся чужою волной пароход...

Пароходы вдали,
Вы куда забрели?
Здесь чужая волна,
Здесь чужая страна.

Если все станут петь, а потом танцевать,
А меня позабудут на праздник позвать, —
Я не стану проситься к чужому огню:
Хорошо иногда обойти западню!

Пароходы вдали,
Вы куда забрели?
Здесь чужая волна,
Здесь чужая страна.

Если много стерпеть мне придется обид,
Я не стану кому-то их ставить на вид,
Я не стану ни плакать, ни горько рыдать,
Только песню матросскую вспомню опять:

Пароходы вдали,
Вы куда забрели?
Здесь чужая волна,
Здесь чужая страна.

Не спеша (♩=90)

Пос_ ле бу_ ри в но_ чи ни про_ плыть, ни прой_

_ ти... Па_ ро_ хо_ ды сби_ ва_ ют_ ся нын_ че спу_

_ ти. По_ перх_ нёт_ ся мат_ рос, про_ мор_ гав пе_ ре_

_ ход, за_ хлеб_ нёт_ ся чу_ жо_ ю вол_ ной па_ ро_

_ ход... Па_ ро_ хо_ ды вда_ ли, вы ку_ да за_ бре_

_ ли? Здесь чу_ жа_ я вол_ на, здесь чу_ жа_ я

стра_ на. Ес_ ли // на.

ОДЕРЖИМЫЙ ДЖИМ

Джим! Джим! Джим!
 Чем ты одержим?
 Плечи понурены, брови нахмурены,
 Взор твой недвижим...
 Если покой
 Здесь недостижим,
 Что же делать? Ну что же делать?
 Ну хочешь — убежим?

Джим! Джим! Джим!
 Хочешь, убежим?
 Горной тропой... А коней нам с тобой
 Раздобудет знакомый ковбой...
 Сорной травой
 Порос участок твой!
 Громко смеются золотоискатели
 Над твоей бедой...

(Всё не туда,
 Всегда не в ту даль
 Многие стремятся...
 И Джим — он тоже такой.)

Ну-ка, Джим,
 Куда мы податься решим?
 Хочется если — в Испанию, Данию, Швецию,
 Грецию,
 Рим, —

Если там
 Желанный твой причал...
 — Дальше, дальше! Ах, дальше, дальше! —
 Вдумчиво Джим отвечал.

А! Может быть,
 Устал ты по суше бродить?
 Хочется не по сухому бродить,
 а по мокрому хочется плыть?
 Море и шквал! — не там ли твой причал?
 — Дальше, дальше... Ах, дальше, дальше... —
 Сумрачно Джим отвечал.

(Всё не туда,
Всегда не в ту даль
Многие стремятся,
И Джим — он тоже такой!)

Молви, Джим,
Не медля и не ддя:
Если тебя перестала устраивать
 грешная наша земля,
Рвёшься ли ты
В потусторонний свет?
— Дальше, дальше... Ах, дальше, дальше! —
Джим заявляет в ответ.

Ну вот и опять
Нам тебя не понять!
Чего тебе надо — не разобрать,
 такой-сякой!

Ничего
Джим не сказал,
Только вздохнул да махнул рукой.

Ничего
Джим не сказал,
Только вздохнул, да рукою махнул,
 да другою провёл по глазам,
Только вдаль
Молча указал...
— Вот и прекрасно!
Всё стало ясно!
Так бы и сказал...

И всё не туда,
Всегда не в ту даль
Многие стремятся!
И Джим — он тоже такой...

Не быстро (♩.=72)

Джим! Джим! Джим! Чем ты о_дер_жим?
 Пле_чи по_ну_ре_ны, бро_ви на_хму_ре_ны, взор твой не_дви_
 _жим... Ес_ли по_кой здесь не_до_сти_жим,
 что же де_лать? Ну что же де_лать? Ну хо_чешь — у_бе_
 _жим? Джим! Джим! Джим! Хо_чешь, у_бе_жим?
 Гор_ной тро_пой... А ко_ней нам с то_бой раз_до_
 _будет зна_ко_мый ков_бой... Сор_ной тра_вой по_рос у_час_ток
 твой! Гром_ко сме_ют_ся зо_ло_то_ис_ка_те_ли
 над тво_ей бе_дой... (Всё не ту_да, все_гда не в ту даль
 мно_ги_е стре_мят_ся... И Джим — он то_же та_кой.) //

%Cm
 G₇ Cm G₇ Fm
 Cm Fm Cm
 G₇
 Cm
 G₇ Cm G₇
 Fm Cm Fm Cm
 G₇ Cm G₇ 1. Cm

2. Cm %Φ В Eb В

кой!) // Ну вот и о_ пять нам те_ бя не по_

Еb В Еb

нять! Че_ го те_ бе на_ до — не ра_ зо_ брать, та_ кой- ся_

В Cm G7

кой! Ни_ че_ го Джим не ска_ зал, толь_ ко вздох_

В свободном ритме, замедляя

Сm

нул да мах_ нул ру_ кой. Ни_ че_ го Джим не ска_

Fm Cm G7

_ зал, толь_ ко вздох_ нул, да ру_ ко_ ю мах_ нул, да дру_

Fm Cm Темп I Fm

_ го_ ю про_ вёл по гла_ зам. Толь_ ко

Сm G7

вдаль мол_ ча у_ ка_ зал... — Вот и пре_ крас_ но!

Сm Fm

Всё ста_ ло яс_ но! Так бы и ска_ зал... И всё не ту_

Сm G7

_ да, все_ гда не в ту даль мно_ ги_ е стре_

В свободном ритме, замедляя

Сm G7 Cm

_ мят_ ся! И Джим — он то_ же та_ кой...

ДОН ХОСЕ

(Из пьесы «Трактир "Четвереньки"»)

Дон Хосе де Мосэнергос
Говорил меньшому брату:
«Лишь тебе, мой брат любимый,
Тайну сердца я открою:

Как во храм пойдет Пресьоса,
Потупляя очи долу, —
Ах, как жарко сердце бьётся!
Как стремится вслед за ней!

Ах, как жарко сердце бьётся!
Как стремится вслед за нею!
Ах, как жарко сердце бьётся!
Как стремится вслед за нею!

Но люблюсь я Пресьосой
(Ты плохого, брат, не думай!)
Не как фат, не как мошенник,
Не как наглый похититель,

А люблюсь я Пресьосой,
Сердца пыл сдержав смиренно,
Как поэт, и как влюблённый,
И как набожный католик.

Ах, как жарко сердце бьётся,
Как стремится вслед за нею!
Ах, как жарко сердце бьётся,
Как стремится вслед за нею!

Насажу ли в час полночный
Я соперника на шпагу,
Да и то — во славу Божью,
К торжеству Его и благу!

И проникну к ней в окошко
По верёвочному трапу,
Потому что почитаю
Католического Папу.

Ах, как жарко сердце бьётся!
 Как стремится вслед за нею!
 Ах, как жарко сердце бьётся,
 Как стремится вслед за нею!»

1965

Умеренно (♩=66)

Дон Хо_ се де Мос_ э_ нер_ гос го_ во_ рил мень_

шо_ му бра_ ту: «Лишь те_ бе, мой брат лю_ би_ мый,

тай_ ну серд_ ца я от_ кро_ ю: как во храм пой_

дёт Пресь_ о_ са, по_ туп_ ля_ я о_ чи до_ лу, —

ах, как жар_ ко серд_ це бьёт_ ся! Как стре_ мит_ ся

вслед за ней! Та-ра - ра...

Ах, как жар_ ко

серд_це бьёт_ся! Как стре_мит_ся вслед за не_

ю! Но лю_бу_юсь

я Пресь_о_сой (ты пло_хо_го, брат, не ду_май!)

не как фат, не как мо_шен_ник, не как наг_лый

по_хи_ти_тель, а лю_бу_юсь я Пресь_о_сой,

серд_ца пыл сдер_жав сми_рен_но, как по_эт, и

как влюб_лён_ный, и как на_бож_ный ка_то_лик.

Ра - ра...

Ах, как жар_ко серд_це бьёт_ся,

Замедляя См

как стре_ мит_ся вслед за не_ ю! Ах, как жар_ ко

Темп I G7

серд_ це бьёт_ ся, как стре_ мит_ся вслед за не_

См *)

_ю!

См %См %См

По_ то_ _ю!

*) Соло гитары

ПРОПОВЕДНИК

Осушая слёзы о передник,
Плачут жёны, плачет народ:
Старый Роббин, чёрный проповедник,
Простирает руку вперёд.

— О, братья мои, сёстры,
Много бед у вас, увы!
Перед вами, братья мои, сёстры,
Я стою такой же, как вы.

Что я могу поделатъ?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сёстры,
Буду вечно, вечно — в долгу!

Алабама — вся — одно рыданье, —
Страшен, страшен Ку-клукс-клан!
Балахоны ходят там рядами,
Как рядами ходит туман.

И горят, — и горят кресты по взгорьям,
Полыхая и дымясь...
На таком кресте или подобном
Умирал Спаситель за нас.

Ну а я, — что я тут могу поделатъ?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сёстры,
Буду вечно, вечно в долгу.

Как горошек, проповедь наивна.
Проповедник чуть не в себе.
Прихожане плачут непрерывно
И кричит ребёнок в толпе...

Ну а я, — что я тут могу поделатъ?
Чем помочь я вам могу?
Перед вами, братья мои, сёстры,
Буду вечно, вечно в долгу.

Не спеша (♩=64)

О_ су_ ша_ я слё_ зы о пе_ ред_ ник, пла_ чут жё_ ны,

пла_ чет на_ род: ста_ рый Роб_ бин, чёр_ ный про_ по_

вед ник, про_ сти_ ра_ ет ру_ ку впе_ рёд.

— О, бра_ть_ я мо_ и, сёст_ ры, мно_ го

бед у вас, у_ вы! Пе_ ред ва_ ми, бра_ть_ я мо_ и, сёст_ ры,

я сто_ ю, та_ кой же, как вы // веч_ но — в дол_

гу! А ла_ ба_ ма — вся — од_ но ры_ дань_ е, —

стра_ шен, стра_ шен Ку - клукс - клан! Ба_ ла_ хо_ ны

хо_ дят там ря_ да_ ми, как ря_ да_ ми хо_ дит ту_ ман.

И го_ рят, — и го_ рят крес_ ты по взгор_ ям,

по_лы_ха_я и ды_мясь... На та_ком крес_те и ли по_
 _доб_ном у_ми_рал Спа_си_тель за нас. Ну а
 я, — что я // _гу. Как го_//_бё_нок в тол_пе... Ну а
 я, — что я тут мо_гу по_де_лать? Чем по_
 мочь я вам мо_гу? Пе_ред ва_ми, брать_я мо_и,
 сёст_ры, бу_ду веч_но, **Замедляя** веч_но в дол_гу.

НОЧЬ НОВОГОДНЯЯ

Ночь, ночь новогодняя,
Снег — синий, синий!
В заботах сегодня я,
А сёстры ушли танцевать.

Пламя в печи не горит никак,
Но почему-то горит в руках!
Свечи в напывах-воротниках
Что-то мне шепчут опять...

Мети, метель, по тёмной крыше,
Чтоб до полночи Золушке не спать!
Из норки вышли мыши,
Сказали: — Тише, тише!
Ну-те-ка, давайте-ка плясать!..

Я раздуваю пушинку огня, —
Пламя бушует, и варятся щи...
Если за печкой не сыщешь меня,
То уж нигде не ищи!

Метель метёт, а мыши пляшут,
И не видят меня перед собой:
На мне так много сажу,
Что я не знаю даже:
Есть ли я под сажой и золой!

Я разгребаю монетку огня,
Пламя бушует, и варятся щи...
Если за печкой не сыщешь меня,
То уж нигде не ищи!

1966—1967

Неторопливо (♩=76)

*)

Ночь, ночь но_во_год_ня_я, снег — си_ний, си_ний!

В за_бо_тах се_год_ня я, а сёс_тры уш_ли тан_це_

ва_ть. Пла_мя в пе_чи не го_рит ни_как,

но по_че_му - то го_рит в ру_ках!

Све_чи в на_плы_вах-во_рот_ни_как что - то мне шеп_чут о_

п_ять... Ла - ла - ла...

Ме_ти, ме_тель,

по тёмной крыше, чтоб до полночи
Зо-лушке не спать! Из норки
вышли мыши, скажи: — Тише, тише!
Ну - те - ка, давай - те - ка плясать!.. //
_лой. //

ПЕСЕНКА ПРО ПОЧТАЛЬОНА

Едет!
Кто это едет?
Едет, держит руль без перекоса.
Едет!
Дорогу цедит
Сквозь велосипедные колёса.

Кто не пел про почтальона?
Почтальону и почёт
и честь!
Птицей в сумке почтальона
Бьётся радостная весть!

По садам, садам зелёным
Видишь? — даже солнце ходит следом,
Следом за почтальоном,
За его простым велосипедом...

Кто не пел про почтальона!
Почтальону и почёт
и честь!
Птицей в сумке почтальона
Бьётся радостная весть!

Если ж
Дурные вести, —
Почтальона, братцы, не корите,
Только
Со мною вместе
Песенку эту повторите...

Почтальоны ведь не боги, —
Те же люди, что и вы,
точь-в-точь,
Тем любезнее в итоге
Вам готовые помочь!

Кто не пел про почтальона!
Почтальону и почёт
и честь!
Птицей в сумке почтальона
Бьётся радостная весть!

Умеренно (♩=88)

Е_дет! Кто э_то е_дет? Е_дет, дер_жит
 руль без пе_ре_ко_са. Е_дет! До_ро_гу
 це_дит сквозь ве_ло_си_пед_ны_е ко_лё_
 _са. Кто не пел про поч_таль_о_на! Поч_таль_
 _о_ну и по_чёт и честь! Пти_цей в сум_ке поч_таль_
 _о_на_ бьёт_ся ра_дост_на_я весть! //весть!

ОКЕАН, ОКЕАН

Океан,
 Океан играет весело
 Бригантиною в пять парусов,
 парусов,
 А на палубе, на палубе —
 пять пар
 Сапог
 И пять пар,
 И пять пар,
 Пять пар усов. Э-гей!
 И пять пар
 Усов,
 Усов,
 Усов,
 Усов...

Кто ж такие,
 Кто ж такие там, на палубе?
 Что добавить к усам да к сапогам?
 Раздаются проклятья, стоны, жалобы:
 — Отдавай мои деньги!
 — Не отдам!
 (Э-гей!)
 — Отдавай мои деньги!
 — Не отдам!

Океан,
 Океан зашёл за правый
 Борт:
 Почернели над ними небеса...
 Всё успели разделить,
 Но видит правый
 Бог:
 Не успели убрать паруса!
 (Э-гей!)
 Не успели убрать паруса.

Океан,
 Океан их принял вежливо
 И задвинул за ними свой засов

(Да, свой засов),
И пошли на дно,
Пошли на дно
Пять пар
Сапог
И пять пар, и пять пар,
и пять пар усов.

(Э-гей!)
И пять пар усов, усов, усов,
усов...

И надломятся мачты горделивые,
И пробьётся на палубе трава...
Вот что значит — поступки некрасивые
И безбожные глупые слова!
(Э-гей!)
И безбожные глупые слова.

Не помрут, так другим могилу выкоют:
Пусть несутся их души к праотцам!
Но... Романтику они символизируют, —
Хоть за это спасибо подлецам!
(Э-гей!)
Уж хоть за это спасибо подлецам!

1968

Не спеша (♩=72)

О ке_ан, о ке_ан и гра_ет ве_се_ло бри_ган_ти_но_ю в пять па_ру_сов, па_ру_сов, а на па_лу_бе, на па_лу_бе пять пар са_пог и пять

пар, и пять пар, пять пар у_сов. Э-гей!

1. А на па_лу_бе, на па_лу_бе — пять пар са_

_пог и пять пар у_сов, у_сов, у_сов, у_сов...

2. Кто ж та // — От_да_вай мо_и день_ги! — Не от_

_дам! (закр. ртом)

О_ке // не ус_пе_ли у_брать па_ру_са.

О_ке_ан, о_ке_ан их при_нял веж_ли_

_во и за_дви_нул за_ни_ми свой за_сов (да, свой за_

_сов), и по_шли на дно, по_шли на дно пять пар са_пог и пять

пар, и пять пар, пять пар у_сов. Э - гей!

И пять пар у_ сов, у_ сов, у_ сов, у_ сов...

(закр. ртом)

И над_ // // _цам!

ЕХАЛ СОЛДАТ...

Ехал солдат лесом,
Ехал целый день.
(Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой!
Ель, сосна... Да...)
А навстречу бабка,
Глупая как пень:
«Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой! —
Говорит она. —

Едешь, солдат, едешь,
А твоя жена
Тебе, молодому,
Больше не верна!»
Солдат зашатался,
Побелел, как плат:
«Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой! —
Говорит солдат. —

Если мне и вправду
Больше не верна
Моя молодая
Верная жена... —
С этими словами
Зарядил ружьё:
— Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой!
Я убью её!»

Едет солдат полем,
А навстречу дед
(Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой!
Тын да лён... Да...)
«Что сказала бабка —
Тому веры нет!
Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой! —
Произносит он. —

Твоя молодая
Верная жена
Тебе, молодому,
Очень верна!»
Солдат засмеялся —
Весел,
 весел,
 рад:
«Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой! —
Говорит солдат. —

Если мне и вправду
Очень верна
Моя молодая
Верная жена,
Значит, я не стану
Убивать её!..»
(Ай-ай! Ай-ай-ай!
Ой-ой! Ой-ой-ой!)
Разрядил ружьё.

Так, пока он ехал,
Пока подъезжал, —
Заряжал его, разряжал его,
Разряжал его, заряжал его
И как быть — не знал!

Около 1969

В умеренном темпе (♩=80)

Ст G₇

Е_ хал сол_ дат ле_ сом, е_ хал це_ лый день.

Ст G₇

(Ай - ай! Ай - ай - ай! Ой - ой! Ой - ой - ой! Ель, со_ сна... Да...)

Ст G₇

А на_ встре_ чу баб_ ка, глу_ па_ я как пень:

Ст G₇

«Ай - ай! Ай - ай - ай! Ой - ой! Ой - ой - ой! — го_ во_ рит о_

Ст В E^b

на. — Е_ дешь, сол_ дат, е_ дешь, а тво_ я же_ на

В E^b

те_ бе, мо_ ло_ до_ му, боль_ ше не вер_ на!»

Ст G₇

Сол_ дат за_ ша_ тал_ ся, по_ бе_ лел, как плат:

Ст G₇

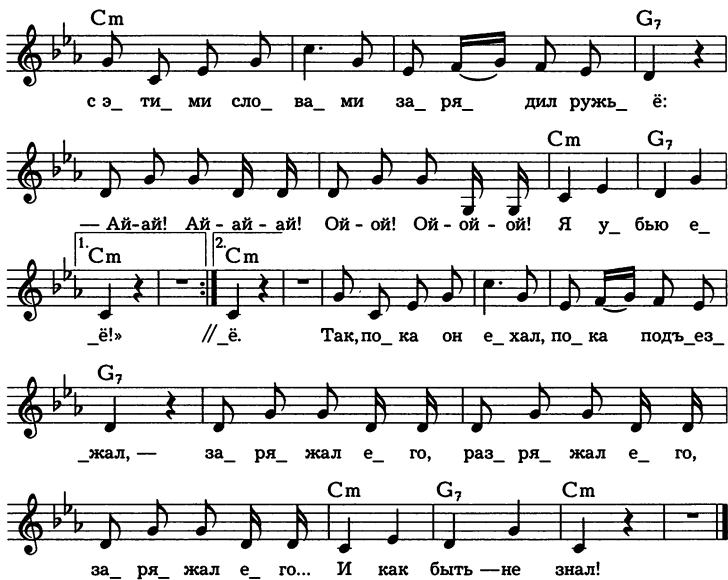
«Ай - ай! Ай - ай - ай! Ой - ой! Ой - ой - ой! — го_ во_ рит сол_

Ст В E^b

дат. — Ес_ ли мне и вправ_ ду боль_ ше не вер_ на

В

мо_ я мо_ ло_ да_ я вер_ на_ я же_ на... —

с_ти_ми сло_ва_ми за_ря_дил ружь_ё:

— Ай-ай! Ай - ай - ай! Ой - ой! Ой - ой - ой! Я у_бью е_

ё!» // ё. Так, по_ка он е_хал, по_ка подъ_ез_

жал, — за_ря_жал е_го, раз_ря_жал е_го,

за_ря_жал е_го... И как быть — не знал!

ПОЭТЫ

Памяти Тугора Артези

Когда потеряют значение слова и предметы,
 На землю, для их обновленья, приходят поэты.
 Под звёздами с ними не страшно: их ждёшь,
как покоя!
 Оглядятся и спросят (так важно!): «Ну, что здесь
такое?

Опять беспорядок на свете без нас!»

(Крутом суета:
 Мышь ловит кота,
 К мосту рукава пришиты...
 От всякой букашки ищет защиты
 Бедный великан!

Зелёный да алый
 На листьях дымок:
 Их бархат усталый
 В жаре изнемог...)

Вступая с такими словами на землю планеты,
 За дело, тряхнув головами, берутся поэты:
 Волшебной росой вдохновенья
кропят мир несчастный
 И сердцам возвращают волненье,
а лбам — разум ясный.

А сколько работы ещё впереди!
 Живыми сгорать,
 От ран умирать,
 Эпохи таскать на спинах,
 Дрожая, заклинять моря в котловинах,
 Небо подпирать!

(Лучами блистает
 Роса на листе,
 Спеша, прорастает
 Зерно в борозде.)

Привет сочинителям славным, чьи судьбы предивны!
 Но колбасникам, тайным и явным, поэты противны —
 Что в чужие встречают печали, вопросы решают...
 «Ах, вопросы нам жить не мешали: ответы — мешают!»
 И скажут ребятам такие слова:

«Вы славу стяжали,
Вы небосвод
На слабых плечах держали,
Вы горы свернули,
В русла вернули
Волны грозных вод...»

Потом засмеются
И скажут потом:
«Так вымойте блюдец
За нашим котом!»

Когда потеряют значение слова и предметы,
На землю, для их обновления, приходят поэты,
Их тоска над разгадкою скверных, проклятых

вопросов —

Это каторжный труд суеверных старинных матросов,
Спасających старую шхуну Земли.

70-е гг.

Не спеша (♩=60)

Музыкальный фрагмент в нотной записи. Песня в тональности ми-бемоль мажор (два бемоля) и 4/4 такта. Темп 60 ударов в минуту. Музыка состоит из пяти строк нот. Под нотами указаны слова: «Ля - ля - ля - лляй - ля - ля...» и «Ко_гда_по_те_ря_ют зна_чень_е сло_ва и пред_». В начале второй строки нот стоит знак секстона (♯). В конце первой строки нот и в начале второй строки нот есть аккорды: Fm. В начале второй строки нот — Cm, в начале третьей строки нот — E♭, в начале четвертой строки нот — Cm, Fm, Cm, G7, Cm. В начале пятой строки нот — G7, G7.

ме ты, на зем лю, для их об нов лень я, при
 хо дят по э ты. Под звёз да ми с ни ми не
 страш но: их ждёшь, как по ко я! О гля
 дят ся и спро сят (так важ но!): «Ну, что здесь та ко е?
 О пять не по ря док на све те без нас!»
 (Кру гом су е та: мышь ло вит ко та, к мос
 ту ру ка ва при ши ты... От вся кой бу каш ки
 и щет за щи ты бед ный ве ли кан!
 Зе лё ный да а лый на листь ях ды
 мок: их бар хат у ста лый в жа ре из не

Cm G7
 G7 Cm
 G7 Cm
 Fm G7 Замедляя
 G7 Cm Темп I G7 Cm
 Fm Cm G7 Cm
 G7 Cm G7 Cm
 G7
 Cm G7 *gliss.*

1. Cm

2. Cm

♯♯ G₇ Cm

мог...) Всту // _том». Ко_ // _тро_ сов,

Замедляя G₇ Cm

спа_ са_ ю_ щих ста_ ру_ ю шку_ ну Зем_ ли.

Detailed description: The image shows a musical score for a song. It consists of two staves of music. The first staff has a treble clef and a key signature of two flats (B-flat and E-flat). It starts with a first ending bracket labeled '1. Cm' and a second ending bracket labeled '2. Cm'. The melody consists of quarter notes and rests. The lyrics are: '_мог...)' Всту_ // _том». Ко_ // _тро_ сов,'. Above the second ending, there is a key signature change to two sharps (F-sharp and C-sharp) and a chord symbol 'G7', followed by 'Cm'. The second staff also has a treble clef and the same key signature. It begins with the instruction 'Замедляя' (Ritardando) and a 'G7' chord symbol. The melody continues with quarter notes and rests. The lyrics are: 'спа_ са_ ю_ щих ста_ ру_ ю шку_ ну Зем_ ли.' The staff ends with a double bar line and a repeat sign.

СИНЕЕ МОРЕ*Поэту Ивану Киуру*

Синее море — белая пена;
Бурных волн бесконечная смена...

Знаю: за той чертой,
За поволокою,
За волоокою
Далью далёкою, —
Знаю: за той чертой
Вечно чудесные,
Мне неизвестные страны лежат.

В зарослях тёмных райские птицы
Там горят, как лучи сквозь ресницы!

Там по побережью дружную парюю
Ходят рядом какаду с кукабаррою.
А за утёсами
Там носом к носу мы
Можем столкнуться,
Можем столкнуться порой
С утконосами.

(В дюнах, под солнца
лучами раскосыми.)

А за лианами
Переплетёнными
Там водопады стоят
веретёнами...

Ветер травой шумит, равнина тянется...
Там кенгуру пробежит и вдруг — оглянется!..

Синее море,
Белая пена,
Бурных волн бесконечная смена...

Неторопливо (♩=60)

См Fm

Си_не_е мо_ре — бе_ла_я пе_на;

G7

бур_ных волн бес_ко_неч_на_я сме_на...

E♭ B E♭

Зна_ю: за той чер_той, за по_во_ло_ко_ю,

B E♭

за во_ло_о_ко_ю даль_ю да_лё_ко_ю, —

B E♭

зна_ю: за той чер_той веч_но чу_дес_ны_е,

1. Fm G7 См

мне не_из_вест_ны_е стра_ны_ле_жат.

Fm

В за_рос_лях тём_ных рай_ски_е пти_цы

B E♭

там го_рят, как лу_чи сквозь рес_ни_цы! //

2. E♭ Fm

Мо_жем столк_нуть_ся, мо_жем столк_нуть_ся по_

E♭

рой с ут_ко_но_са_ми. (В дю_нах, под солн_ца лу_ча_

В E^b В E^b
 _ми рас_ко_сы_ ми,) А за ли_ а_ на_ ми

В E^b В
 пе_ ре_ пле_ тён_ ны_ ми там во_ до_ па_ ды сто_ ят

G_7 Cm
 ве_ ре_ тё_ на_ ми... А - а - а - а, о - о - о - о.

В E^b В E^b
 Ве_ тер тра_ вой шу_ мит, рав_ ни_ на_ тя_ нет_ ся...

Cm Fm
 Там кен_ гу_ ру, там кен_ гу_ ру про_ бе_ жит и вдруг о_

E^b Cm
 _ гля_ нет_ ся!.. Си_ не_ е мо_ ре, бе_ ла_ я

Fm E^b **Замедляя** G_7 C
 пе_ на, бур_ ных волн бес_ ко_ неч_ на_ я сме_ на...

ДОЛИНА

Липа зацвела у перекрёстка;
Ствол корявый,
а цветы её легки.
Книзу, книзу катится повозка,
Воле послушны,
на рогах у них венки.

Солнце за деревьями склонялось,
Так казалось,
будто вовсе не зайдёт!
Только
легкой дымкой заслонялось,
На завтра ясный
обещало небосвод.

Ветром не испуганный нисколько,
Лист жасмина
уловил зарницы дрожь;
Ночью
дождь накрапывал тихонько, —
На шум ненастья
не был шум его похож.

Утра полусонная прохлада,
Чуть порхая,
пересиливала зной,
Знала,
Что грозой считать не надо
Роптанье сада, —
запах свежести ночной.

Липа
Зацвела у перекрёстка;
Ствол корявый,
А цветы её легки.
Книзу,
Книзу катится повозка,
Воле послушны,
А дороги далеки.

Умеренно (♩=108)

Ли_ па за_ цве_ ла у пе_ ре_ крёт_ ка;

Ствол ко_ ря_ вый, а цве_ ты е_ ё лег_

ки. Кни зу,

кни_ зу ка_ тит_ ся по_ воз_ ка, во_ лы по_

слуш_ ны, на ро_ гах у них вен_ ки. //

на ро_ гах у них вен_ ки.

СТАРИННЫЙ БРОДЯГА

В мороз и зной
 в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня.
Свой дом и очаг
 у каждого есть,
Но нет его у меня.

У птицы есть, у ящериц есть,
Есть у крота, у всех, кто живёт,
И только меня на празднество дня
Никто не ждёт, не зовёт.

Проскачет всадник, следом другой,
Но я ничего у них не прошу,
Я только спою: «Дорога — мой дом», —
И дальше
 в путь
 ухожу...

Люблю я солнца первый восход,
Люблю я погоду, если тиха,
Гнездо жаворонка в желтых полях,
Костёр,
 костёр пастуха.

Люблю я даль с гуртами овец
И над очагами тающий дым,
Боярышника
 багряный венец
И месяц ранний над ним.

В мороз и зной
 в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня.
Свой дом и очаг
 иметь может всяк,
Но нет его у меня.

Негоропливо (♩=96)

Сm Hdim Сm G₇ Сm

(закр. ртом)

В мо_ роз и зной в ю_ до_ ли зем_ ной

В E^b Сm

ви_ жу я ночь_ ю свет без ог_ ня. Свой дом и о_

Hdim Сm G₇ ♯

чаг у каж_ до_ го есть, но нет е_ го у ме_

1. Сm 2. Сm

_ ня. У //вёт. Про ска_ чет всад_ ник,

G₇ Сm

сле_ дом дру_ гой, но я ни_ че_ го у

В E^b

них не про_ шу, я толь_ ко спо_ ю: «До_

Fm G₇

_ ро_ га — мой дом», — и даль_ ше в путь у_ хо_ жу...

♯♯ Сm

Люб_ // ним. В мо_ // _ ня.

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ПРИНЦА

(к сказке Г.-Х. Андерсена
«Принцесса на горошине»)

Плывёт в океане судно.
Плывёт много дней...
Подружку найти нетрудно,
Невесту — куда трудней!

Покуда неизвестную,
Но ту, что всех милей,
Ищу себе невесту я
Из рода королей.

Плывёт в океане судно —
Тысячу дней...
Невесту найти нетрудно,
Принцессу — куда трудней!

Я дал ей три работы,
Три дела — ей одной:
Принцессой быть,
Невестой быть
И встретиться со мной!

Идёт в океане судно
Много, много дней...

1972 — 1973

Довольно медленно (♩=52)

Плы_ вёт в о_ке_ а_ не суд_ но. Плы_ вёт мно_ го дней... Под

_ руж_ ку най_ ти не_ труд_ но, не_ вес_ ту — ку_ да труд_

Cm B
 _ней! По_ку_да не_из_вест_ну_ю, но ту, что всех ми_

Eb Cm
 _лей, и_щу се_бе не_вес_ту я из

G7 1. C 2. C
 ро_да ко_ро_лей. Плы_ // мной! И_

G7 Замедля C
 _дёт в о_ке_а не суд_но мно_го, мно_го дней...

ПЕСЕНКА ПРИНЦЕССЫ

(к сказке Г.-Х. Андерсена
«Принцесса на горошине»)

Ах, не спрашивайте, королева,
Хорошо ль я сегодня спала!
Говорю вам это не для гнева,
Но — как дурно я ночь провела!

Чем набиты у вас тюфяки?
Чем насыпаны пуховики?
В них, наверное, кухарка прячет
Тёрки, вертелы, вилки, котелки!
Тёрки, вертелы, вилки, котелки!

Лучше спать на камнях мостовой,
Чем на этой перине пуховой!

Ах, не спрашивайте, королева,
Хорошо ль ваша гостя спала...
Говорю вам это не для гнева, —
Но — как дурно я ночь провела!
Очень скверно я нынче спала...
Ах, как гадко сегодня я спала!

1973

Умеренно (♩=100)

Ах, не спрашивайте, королева, хо ро_

шо ль я се_ год_ ня спа_ ла! Го_ во_ рю вам э_ то

не для гне_ ва, но — как дур_ но я ночь про_ ве_

См E^b В E^b
 ла! Чем на би ты у вас тю фя ки?

В E^b 1. См
 Чем на сы па ны пу хо ви ки? В них, на

вер но е, ку хар ка пря чет тёр ки, вер те лы,

G₇ См G₇
 вил ки, ко тел ки! Тёр ки, вер те лы, вил ки, ко тел

См 2. См § См G₇
 ки! // Ах, не // О чень сквер но я нын че спа

См Замедляя G₇ См
 ла... Ах, как гад ко се год ня я спа ла!

МЕНУЭТ**Дуэт Принца и Принцессы**

(к сказке Г.-Х. Андерсена
«Принцесса на горошине»)

— Как странно
Видеть вас рядом!
Думал, вас в мире
Вовсе нет!

Всё думал:
С кем же я стану
Танцевать танец
Менуэт?

— Милый друг, ну-ка,
Дайте мне руку, —
Чересчур скользкий здесь
Паркет.
Целыми днями
Буду я с вами
Танцевать учтивый
Менуэт.

Гадала:
Я кому вытку
Золотой ниткой
Рукава?

С кем рядом
На коне сером
Буду день целый
Гарцевать?

— Но рукав золо-
том у камзола
Будет вам трудно
Расшивать:
Целыми днями
Буду я с вами
По лесам зелёным
Гарцевать!

Неторопливо (♩=100)

— Как стран_но ви_ деть вас ря_ дом! Ду_ мал, вас

в ми_ ре во_ все нет!

Всё ду_ мал: с кем же я ста_ ну тан_ це_ вать та_ нец

ме_ ну_ эт? — Ми_ лый друг,

ну_ ка, дай_ те мне ру_ ку, — че_ рес_ чур скольз_ кий

здесь пар_ кет. Це_ лы_ ми дня_ ми бу_ ду я

с ва_ ми тан_ це_ вать уч_ ти_ вый ме_ ну_ эт.

Га_ //

*) Соло гитары

У СТАРОЙ ДОРОГИ...

(К сказке Г.-Х. Андерсена
«Пастушка и трубочист»)

Татьяне Александровой

У старой дороги стоял когда-то дом.
В нём были чуланы и лестница винтом.
И жили в том доме с неведомых пор
Картинки, игрушки и чайный фарфор.

Как белая роза, а с нею тёмный лист,
Жила там Пастушка, там жил Трубочист.

Судьба не напрасно их вместе свела.
Плетёнка для хлеба их счастью помогла,
Но не было в мире такого угла,
Где жизнь их удачно сложиться могла.

Как белая роза, а с нею тёмный лист,
Жила там Пастушка, там жил Трубочист.

Всегда окружал их игрушек целый хор...
Но дверь покосилась, и выцвел ковёр.
И ставни забиты, и старый дом забыт...
А сказка всё длится, а песня — звучит:

«Как белая роза, а с нею тёмный лист,
Жила здесь Пастушка, здесь жил Трубочист».

1976

Неторопливо (♩=68)

The musical score is written in G major (one sharp) and 3/4 time. It consists of two staves of music. The first staff has a treble clef and a key signature of one sharp (F#). The tempo is marked 'Неторопливо (♩=68)'. The lyrics are written below the notes. The second staff continues the melody and lyrics. The lyrics are: 'У ста_рой до_ро_ги сто_ял ко_гда-то дом. В нём бы_ли чу_ла_ны и лес_т_ни_ца вин_том. И жи_ли в том'.

Ем Ам Ем

У ста_рой до_ро_ги сто_ял ко_гда-то дом. В нём

D G

бы_ли чу_ла_ны и лес_т_ни_ца вин_том. И жи_ли в том

до_ ме с не_ ве_ до_ мых пор кар_ тин_ ки, иг_
 руш_ ки и чай_ ный фар_ фор. Как
 бе_ ла_ я ро_ за, а с не_ ю тём_ ный лист, жи_
 ла там Па_ стуш_ ка, там жил Тру_ бо_ чист.

КОРАБЛИ

(Из пьесы «Предсказание Эгля»)

Памяти Александра Грина

Как прекрасны старые корабли!
Будто — жарким днём в холодке квартир —
Кружевницы гентские их плели,
их плели,
А точили резчики и ювелир.

Кружевницы гентские
Их плели, их плели,
А точили резчики
И ювелир.

Грациозно выгнуто их крыло,
И настолько тонкий на них чекан,
Будто их готовили под стекло,
под стекло,
(А послали всё-таки — в ураган!).

Будто их готовили
Под стекло, под стекло...
А послали всё-таки
В ураган.

Были души чистые, как хрусталь,
Тоньше кружев, угольев горячей...
Их обидеть было жаль,
Покоробить было жаль,
Но ушли они в перестук
Мечей,

Словно к мысу Горн — корабли,
Корабли...

1972

Умеренно (♩=84)

Как пре_ крас_ ны ста_ ры_ е ко_ раб_ ли!

Буд_ то — жар_ ким днём, в хо_ лод_ ке квар_ тир — кру_ жев_

ни_цы гент_ски_е их пле_ли, их пле_ли, а то_

чи_ли рез_чи_ки и ю_ве_лир. Кру_жев_ни_цы

гент_ски_е их пле_ли, их пле_ли, а то_чи_ли

рез_чи_ки и ю_ве_лир. // в_у_ра_ган.

Бы_ли ду_ши чис_ты_е, как хрус_

та_ль, тонь_ше кру_жев, у_голь_ев го_ря_чей...

Их о_би_деть бы_ло жаль, по_ко_ро_бить бы_ло

жаль, но у_шли о_ни в пе_ре_стук ме_чей. Их о_//

Замедляя

чей, слов_но к мы_су Горн —ко_раб_ли, ко_раб_ли...

ФРЕГАТ. ПЕСНЯ ГРЭЯ

(Из пьесы «Предсказание Эгля»)

Пропал фрегат высокий мой —
Его пираты взяли в плен.
Зато достался мне взамен —
Кораблик маленький такой,
Кораблик маленький такой!

На ясных палубах покой,
А паруса горят огнём!
А сам он маленький такой,
Что ни матросов,
Ни капитана
Не видно, не слышно на нём.

Пропал фрегат высокий мой —
Его пираты взяли в плен.
Зато достался мне взамен —
Кораблик маленький такой!
Кораблик маленький такой.

Но ветер мне приносит весть,
Что у него хозяйка есть!
Да где ж теперь её искать?
В какую дверь,
В какие двери постучать?

И что мне делать с ним теперь?
Уплыть на нём нельзя никак...
Ну что ж — пойми, ну, что ж — поверь:
Одно осталось —
Игрушку эту
Держать осторожно в руках.

Держать в руках — не упустить.
А то судьба нам не простит!
Держи в руках — не упусти,
А то судьба,
А то судьба,
А то судьба нам не простит!

Умеренно (♩ = 68)

Про_ пал фре_ гат вы_ со_ кий мой —

е_ го пи_ ра_ ты взя_ ли в плен.

За_ то до_ стал_ ся мне вза_ мен — ко_

раб_ лик ма_ лень_ кий та_ кой, ко_ раб_ лик

В ма_ лень_ кий та_ кой! На_ яс_ ных па_ лу_

ба_х по_ кой, а па_ ру_ са го_

ря_т ог_ нём! А сам он ма_ лень_ кий та_ кой,

что ни мат_ ро_ сов, ни ка_ пи_

та_ на не вид_ но, не слыш_ но на нём. Про_

пал фре_ гат вы_ со_ кий мой — е_

го пи ра_ ты взя_ ли в плен. За_ то до_

стал ся мне вза_ мен — ко_ раб_ лик

ма_ лень_ кий та_ кой! Ко_ раб_ лик ма_ лень_

кий та кой.

Но // две_ ри по_ сту_ // _тит!

ПЕСЕНКА ПОЛИЦЕЙСКОГО

(из пьесы «Предсказание Эгля»)

Сидит кошка на заборе.
Воробей клюёт зерно.
А инспектор контрабанду —
Тра-ра-рам, пиф-паф! Гоп-гоп!

А инспектор контрабанду,
А инспектор контрабанду-банду,
банду,
банду,

А инспектор контраба
(Не перечь мне, шантрапа!) —
Тра-ра-рам, пиф-паф! Гоп-гоп!

Не стирай, капрал, портянки
И не вешай их сушить:
В это самое мгновенье
Тебя могут задушить!

В это самое мгновенье —
На верхушке вдохновенья-венья,
венья,
венья, —

В эту самую мгновень
Обстановочку проверь!
Тра-ра-рам, пиф-паф! Гоп-гоп!

1975

Умеренно (♩=88)

Си_дит кош_ка на за_бо_ре. Во_ро_бей клю_ёт зер_но. А ин_спек_тор кон_тра_бан_ду —

тра - ра - рам, пиф- паф! Гоп - гоп! А ин_спек_тор
 кон_тра_ бан_ду, а ин_спек_тор кон_тра_
 бан_ду - бан_ду, бан_ду, бан_ду, а ин_спек_тор
 кон_тра_ ба (Не пе_речь мне, шан_тра_па!) —
 Тра - ра - рам, пиф- паф! Гоп - гоп! //_гоп!

ПЕСНЯ ПО ПАМЯТИ

(Из пьесы «Предсказание Эгля»)

Начинайте песню по памяти —
Скуку дней оставьте земле!
Вы представьте, что выступаете
Летним днём на большом корабле.

С берега чайки летят —
Музыки бурной хотят,
Но ваши мысли настроены
На мирный лад,
Ваши мечты успокоены —
Тихо парят...

Вы сыграйте что-нибудь тихое,
Как вечерний лёгкий туман...
Как часов настенное тиканье,
Должен с моря звучать барабан.

Флейта, не сразу вступай:
В песне лишь ленты купай,
Но уже если приступишься —
Не отступай!
Нотой-другой не откупишься:
Третью давай!

Но потом — потом нарастание:
Это песнь больших кораблей!
Барабан, греми неустаннее,
Веселей! Веселей! Веселей!

Скачет дельфин по волнам.
Чайки торопятся к нам.
Струнами снасти становятся
По временам...
А музыканты готовятся
Плыть по волнам...

В умеренном темпе (♩=60)

На_чи_ най_ те пес_ню по па_мя_ти — ску_ку

дней о_ ставь_те зем_ле! Вы пред_ ставь_те, что вы_сту_

па_е_те лет_ним днём на боль_шом ко_ раб_ле.

С бе_ре_га чай_ки ле_тят — му_зы_ки бур_ной хо_

тят, но ва_ши мыс_ли на_стро_е_ны

на мир_ный лад, ва_ши меч_ты у_спо_ко_е_ны —

ти_хо па_рят... Вы сыг_ // _нам...

СКРИПОЧКА

(из пьесы «Предсказание Эгля»)

На том подворье скрипочка пиликает,
Она сердца забытые тревожит.
Кто пьёт без горя, тот его накликает.
Кто пьёт от горя, тот его умножит.

Шарманка, друг!
Позвонче пой!
Живётся тут неплохо нам с тобой!
Шарманка, друг,
Не смей скрипеть!
Ну что нам стоит песенку допеть?

Но если видишь: выпить хочет кто-то,
Притом — моряк, притом — душа морская,
То как-то сразу петь, играть охота
И веселиться, устали не зная!

Шарманка, друг,
Позвонче спой!
Живётся тут неплохо нам с тобой!
Шарманка, друг,
Не смей сипеть!
Ну что нам стоит песенку допеть?!

1978

Не спеша (♩=90)

На том по_ дворь_ е скри_ поч_ ка пи_ ли_ ка_
ет, о на серд_ ца за_ бы_ ты_ е тре_
во жит. Кто пьёт без го_ ря, тот е_ го на_ кли_ ка_

_ет. Кто пьёт от го_ря, тот е_го у_
 мно_ жит. Шар_ман_ка, друг! По_звон_че
 пой! Жи_вёт_ся тут не_пло_хо нам с то_
 _бой! Шар_ман_ка, друг, не смей скри_
 _петь! Ну что нам сто_ит пе_сен_ку до_
 1. _петь? Но ес_ли //петь?!
 2.

РЕКА

Когда одна я, совсем одна,
И вечер свеж после жарких дней,
И так высоко светит луна,
Что земля темна и при ней,

И холодный ветер пахнет травой,
И веки смыкаются в полусне, —
Тогда является мне на стене
Река
И чёлн теневой.

А в том челне старина Гек Финн
Стоит вполуоборот;
И садится он,
И ложится в челнок,
И плывёт, закурив, плывёт...

В лучах пароходов и городов,
Один-одинёшенек-одинок,
Становится точкой его челнок,
Но не так, чтоб исчезнуть совсем,
Но не так, чтоб исчезнуть совсем.

И все ему на реке слышны
Остроты встречных плотовщиков...
Спросите: а чем они так смешны?
И смысл у них каков?

А просто — смех на реке живёт,
А просто — весело ночью плыть
Вдоль глухих берегов,
По реке рабов,
Но в свободный штат, может быть!

Вдоль глухих берегов,
По реке рабов,
Но в свободный штат, может быть...

Медленно. В свободном ритме

Ко_гда од_на я, сов_сем од_на, и ве_чер
 свеж пос_ле жар_ких дней, и так вы_со_косто_ит лу_
 на, что зем_ля тем_на и при ней, и хо_лод_ный
 ве_тер пах_нет тра_вой, и ве_ки смы_
 ка_ют_ся в по_лу_сне, — то_гда яв_
 ля_ет_ся мне на сте_не ре_ка
 и чёлн те_не_вой. А в том чел_
 не ста_ри_на Гек Финн сто_ит впо_лу_о_бо_
 рот; и са_дит_ся он, и ло_жит_ся в чел_

С Am E₇ Am
 нок, и плы вёт, за_ ку_ рив, плы_ вёт...

С G₇ E₇ Am
 В лу_ чах па_ ро_ хо_ дов и го_ ро_ дов,

С G₇ E₇ Am
 о_ дин - о_ ди_ нё_ ше_ нек - о_ ди_ нок,

Dm Am Dm Am
 ста_ но_ вит_ ся точ_ кой е_ го чел_ нок, но не

Строго в ритме (♩=108)
 С G₇ С
 так, чтоб ис_ чез_ нуть сов_ сем, но не так, чтоб ис_

В свободном ритме
 G₇ С E₇
 чез нуть сов_ сем. И все е_ му на ре_ ке слыш_

Am E₇
 ны ост ро_ ты встреч_ ных пло_ тов_ щи_

Am Dm G₇ С
 ков... Спро си_ те: а чем о_ ни так смеш_ ны? И смысл у

G₇ С G₇ С
 них ка_ ков? А про_ сто — смех на ре_ ке жи_ вёт,

а про_сто — ве_се_ло ночь_ ю плыть вдоль глу_

_хих бе_ре_гов, по ре_ке ра_бов,

но в сво_бод_ный штат, мо_жет быть! Вдоль глу_

_хих бе_ре_гов, по ре_ке ра_бов,

но в сво_бод_ный штат, мо_жет быть...

Chords: G7, C, E7, Am, Dm, A

СТРАНА ДЕЛЬФИНИЯ

Набегают волны синие.
Зелёные? Нет, синие.
Как хамелеонов миллионы,
Цвет меняя на ветру.
Ласково цветёт глициния —
Она нежнее инея...
А где-то есть земля Дельфиния
И город Кенгуру.

Это далеко! Ну что же? —
Я туда уеду тоже.
Ах ты, Боже, ты мой Боже,
Что там будет без меня?
Пальмы без меня засохнут,
Розы без меня заглохнут,
Птицы без меня замолкнут —
Вот что будет без меня.

Да, но без меня в который раз
Отплыло судно «Дикобраз».
Как же я подобную беду
Из памяти сотру?
А вчера пришло, пришло, пришло
Ко мне письмо, письмо, письмо
Со штемпелем моей Дельфинии,
Со штампом Кенгуру.

Белые конверты с почты
Рвутся, как магнолий почки,
Пахнут, как жасмин, но вот что
Пишет мне родня:
Пальмы без меня не сохнут,
Розы без меня не глохнут,
Птицы без меня не молкнут...
Как же это без меня?

Набегают волны синие.
Зелёные? Нет, синие.
Набегают слёзы горькие...
Смахну, стряхну, сотру.

Ласково цветёт глициния —
 Она нежнее инея...
 А где-то есть страна Дельфиния
 И город Кенгуру.

Оживлённо (♩=120)

На бе_га_ют вол_ны си_ни_е. Зе_лё_ны_е? Нет,
 си_ни_е. Как ха_ме_ле_о_нов мил_ли_о_ны,
 цвет ме_ня_я на вет_ру. // ру. **)

Э_то да_ле_ко! Ну что же? — Я ту_да у_е_ду то_же.
 Ах ты, Бо_же, ты мой Бо_же, что там бу_дет без ме_
 _ня? // ня. **)

паль_мы без ме_ня не сох_нут, ро_зы без ме_ня не
 глох_нут, пти_цы без ме_ня не молк_нут...

Как же э_ то без ме_ ня? //
 го_ род Кен_ гу_ ру. И го_ род Кен_ гу_ ру.

*) Соло гитары

**) Вариант мелодии последнего куплета

КЛЮЧ ФАНТАЗИИ

Когда Вселенная открывает нам
добровольно
Явления, о которых скептик твердил:
«Крамольно!»,
При чём тут я и чему я радуюсь так —
не знаю,
Какая польза мне в том — не знаю.
Но я — довольна.

1980

ВЫ ДУМАЛИ...

Вы думали, что я не знала,
Как вы мне чужды,
Когда, склоняясь, подбирала
Обломки дружбы.

Когда глядела не с упрёком,
А только с грустью,
Вы думали — я рвусь к истокам,
А я-то — к устью.

Разлукой больше не стращала.
Не обольщалась.
Вы думали, что я прощала,
А я — прощалась.

1960

МНЕ КАЖЕТСЯ...

Мне кажется порой, что умерли стихии —
Такие, как Земля, Огонь, Вода и Воздух.
А заменили их... какие-то другие —
Из приготовленных на беззаконных звёздах;

Что до сих пор трава, наш друг многовековый,
Напрасной зеленью сияла перед нами;
Что кто-то изобрёл закон природы новый,
Повелевающий расти ей — вверх корнями!

Что в джунгли отпустил шарманщик обезьянку,
Но джунглей больше нет; их царственное платье
Сорвали, вывернули, с криком, наизнанку!
Мне кажется, о них — век буду горевать я,

И плакать буду я — счастливым на потеху
По истинным слезам и подлинному смеху.

5 октября 1961

Маугли
В странах холодных
Встретил слонов накомодных
И состраданьем проникся
К этим созданьям из гипса.

— Что это с вами, с моими слонами? —
Маугли крикнул в печали...
— Дай нам дорогу, не стой перед нами, —
Хором слоны отвечали.

Маугли
В странах холодных
Встретил слонов накомодных
И состраданьем проникся
К этим созданьям из гипса.

— Что это с вами, с моими слонами? —
Маугли крикнул в печали...
Хором подумав: «Ой, что это с нами?», —
Хором слоны промолчали.

1961

МИХАЙЛОВСКОЕ

В омут ночи Звёздный Ковш упущен.
Как песок, ко дну его пристали
Маленькие звёзды.
Едет Пуцин
К Пушкину — из тёмной зимней дали.

Скрип да звон...
Светает понемногу.
Гривы у коней заиндевели.
Заморозок выдубил дорогу.
Снег на стороне завил деревья.

Вот он, двор!
Окошки в полумраке,
Но внутри как будто свет мелькает...
Без плаща, в расстёгнутой рубахе,
На крыльцо хозяин выбегает;

Две руки (одна — с пером гусиным)
Путника обхватывают туго,
Кудри с блеском седовато-синим
Жарко примерзают к шубе друга...

Звук дрожащий, пьяный быстрым бегом,
Весь из колокольчика не выпал...
Молча поцелуями и снегом
Зимний гость хозяина осыпал,

Между тем, дрова роняя громко,
По дому Арина суетилась
И слеза (старинная знакомка!)
По щеке морщинистой катилась...

1961, ВЛК

ВЕСЕННИЙ ПУТЬ

Полный шума, шороха, тревоги
Мокрый сад сгущается в ночи.
На большой темнеющей дороге
После ливня лужи, как лучи.

Лунный ветер веет беспредельно
В сыроватых нежных облаках...
Светятся — кто вместе, кто —
отдельно
Огоньки в далёких далеках.

Я забыла ночи дикой стужи, —
В лунный свет мне хочется уйти;
Пусть горят серебряные лужи
По всему далёкому пути!

Я иду туда, где вечный Запад
До зари затмиться не готов!
Сосен серебро... Пунцовый запах
Прячущихся в зелени цветов...

Если я нарву цветов душистых, —
Соловья вспугну или сову?
Нет! Ни хриплых я, ни голосистых
Не вспугну; душистых — не нарву;

Жизнь твоя и так — в едином миге!
Так живи насколько хватит сил,
Аромат, таинственный и дикий,
Что в пути меня остановил.

1948—1963

* * *

Шафранные дорожки зоопарка
Я исходила вдоль и поперёк,
Но было в нём не так светло и жарко,
Как я воображала наперёд.

В моих мечтах пестрей была цесарка,
И лев желтей, и толще бегемот...
Ну что за слон? Вот мой — придуман ярко:
Мой вашего — хвостом перешибет!

Как не похож на призрак, на мельканье
Воображённый мир, где я жила!
Где холод камня — каменнее камня,
Где звон стекла — стекляннее стекла,

Где сны — всерьёз. И где железный скрежет
Острее железа руку вдруг порежет!

1963

* * *

Вот и осень приблизилась.
Даже тени осунулись.
Предрассветная изморозь
Уложила осу на лист.

И лежит на листе она,
И дрожит у неё крыло,
Колокольчик росой свело,
Отсырела стена.

Не сюда ли, не в эти ли
Мы ходили места и часы?
Отчего же не встретили
Мы тогда ни листа, ни осы?

Ни того колокольчика,
Что теперь цепенеет в тени?
Или... только что, только что
Появились они?

Ах, не только что, не теперь
Появились они. Да вот
Мы-то — в двери, они — за дверь,
Мы в ворота, они — из ворот...

Мы их видели много дней,
Да не зоркий бросали взгляд, —
Просто стали они видней
Оттого, что уйти хотят!

Вот и осень приблизилась —
Даже тени осунулись!
Предрассветная изморозь
Уложила осу на лист.

И лежит на листе она,
И дрожит у неё крыло...
Колокольчик росой светло.
Тишина.

22 марта 1965

НЕПОЛНЫЕ СТРАХИ

Как румяный домик пряничный
Надкусила бы Яга,
Ночь у Дня отъела краешек, —
Стали тусклыми стога.

Ветром пугало наполнено —
Рукава оживлены;
Шелестят, по грядкам ползая,
Испитой ботвы вьюны.

Я заклею рамы в комнатах,
Наколю сухих дровец;
Я построю из наколотых
В печке огненный дворец.

Улетайте, гуси-лебеди,
А я дома отдохну;
Чтоб не слышать, как в трубе гудит,
Уши пальцами заткну.

Но ольхи листва оборвана!
И с берёзы сорван лист...
К ним участием ободрена,
Выйду смело — в белый свист!

Чтобы снова
Безоружное
Сердце враз оборвалось:
Через поле, поле вьюжное
Чёрной тенью скачет лось!

Март 1965

МЕЧТАНИЕ ГОРОДА

Толпа глядит, бледна и длиннолица —
Нос-полумесяц остро вздёрнут вверх.
Как в облаках дыхания мелиссы
Зеленоватых — реет судоверфь.

На крышах — кошек чёрный фейерверк.
Спускающихся улиц вереницы...
На вывесках, витающих, как птицы,
Ключ. Апельсин. Башмак. Посуда. Вепрь.

Трёх пансионов лесенки кривые
С половиками красными, как жар,
Скакнут, имея целью мостовые,
Но, не допрыгнув, плавят солнца шар.

И странники бредут по эспланадам:
Живые — с нарисованными рядом.

1963—1969 гг.

Размеров ты достигло в одичании!
Пропавшее в пространствах обворованных,
Хозяйство Странников Разочарованных...

Форельное хозяйство навещали мы,
Но никакой форели там не видели.

1981

ТАЙНА

Узор берёсты нем. А весь подход
К берёзе — в нём! Вот на её загровке
Склонённом — сел, как бабочка. А вот
Ушёл в кору, как в каменные сливки...

Сказала бы «рассказ». Но он вперёд
Не движется... Гравюра? Нет. Обрывки
Сюжетов недоконченных, в разбивке,
Схватил и кружит ствол-водоворот.

Дорисовать? Но где тот карандаш?
Дорассказать? Так замысел не наш!
Вдали,— из-под земли, из небосвода

Он рос,— один... Во тьме... Как божество!
И неподвластна нам его свобода.
И непонятна — скованность его.

80-е гг.

ЧАГА

Из бочагов, — из очагов,
Где вместо жара мгла и влага,
Из тех дождистых облаков,
Откуда пух роняет гага;
Из бесконечного зигзага
Ручьёв, оврагов, берегов,
Из ветра в гриве тростников —
Скроился гриб древесный — чага.

Он как бы взялся от пещер.
Он как бы трясся в их обозе.
Он как бы нёс давление сфер,
Пока не вырос на берёзе;
Как только выткалась она
Из нежных нитей волокна —
Уж вид придал древесный гриб ей
Лесных морщинистых реликвий.

И вот на чагу — буйный спрос
(Спаси лесов остатки, Боже!).
И этот спрос — гроза берёз,
И чаге, значит — гибель тоже.
И вот — берёзовый атлас
Ножом срывает перочинным
Прохожий! Вроде в этот раз
По «уважительным причинам»?

Но для того ль древесный скрип
Так долго шел к нам издалёка,
Чтоб лес под пытку погиб
У пересохшего потока?
В последний раз подняв высоко —
Молитвенником землекопа —
Тебя, о чага, чёрный гриб!

80-е гг.

* * *

Церковь Воскресенья
На Успенском Вражке.
Как воды прохладной бульканье в баклажке,
Свежесть воркованья в горле голубином.
И заря за крышами — гаснущим рубином.

Изморозью купол оперён жемчужной.
А в еёмкой нише на стене наружной,
В чистоте мороза, в царстве ледозвона —
Николай Угодник, старая икона.

Снега осыпанье из лазури звонниц,
Звонницы — приюты галочьих бессонниц.
Под лазурью звонниц галки чёрно-сини,
Словно в платьях бедных — схимницы пустыни.

Крестится старушка, никнет перед нишей.
В платье галок чёрных, изморози тише.
Снег росой садится на цветы сухие.
Ох же ты, надрыва клятая стихия!

Славно Дидероту, весело Вольтеру
Подвергать сомненью и не брать на веру
Странности и дивы сущности неясной
Под горячим солнцем Франции прекрасной!

А у той старушки все поумирали.
Того прежде — беды молодость украли.
Вместо винограда, флейт и тамбурина
Ей — на платье чёрном — капли стеарина.

Посреди природы северной, невзрачной,
Где на сучьях голых домик галки мрачной,
От раздумий тяжких ей одно спасенье:
На Успенском Вражке Церковь Воскресенья!

РАННЕЕ ЛЕТО

Уперся луч в горячее стекло.
И чай до дна прозрачен в чашках рыжих.
Пойдем-ка в сад! Уже и там тепло...
Шмели качаются в нарциссах тяжело,
Как темноглазые вельможи в белых брыжах
Из Микрофландрии!
Куда ни шло —
На этот раз мы к ним на пир поспели!
А прошлым летом — вспомни! — были

тут

Тогда, когда шмели посуду бьют,
Когда жасмин отцвёл (тому как с полнедели),
Остались только листья, черенки,
Но глубоко в траве ещё белели
Его разбитых чашек черепки.

*21 мая 1983***ЧУТКОСТЬ КОТА**

Смотри-ка, брови у него — локаторы!
Иван Киуру

А у кота у моего — как будто рация!
Вот он прислушивается... Усы во лбу — локаторы!
И уж видны ему вдали, где спит акация,
Жуки-лазутчики и мухи-провокаторы!

Вот так оказия! Теперь оказывается,
Что он отслушивает (как вулканов кратеры!)
Цветки — тишайшие! Что даже крапины
На них — грубят ему, когда он с ними связывается...

Он по-охотничьи ступает... Он принюхивается,
А из травы ему клопы лесные — на-ко-ся!
И, морщась, он себе скроит старухино лицо
От оскорбительно НЕПРАВИЛЬНОГО запаха!

Он, как фактуру, видит вещи, в чём-то МНИМЫЕ.
В тиши ночей — со стороны — он видит сны мои.

1968—1983

ВОСПОМИНАНИЕ

Мама, помнишь тот сад полночный
И черёмухи свет молочный?
Зной стоял. До утра мы не спали —
Всё полынь молодую искали.

У соседки в горшках петунии
Огневели в воздухе мёртвом.
Всем казалось, что мы — колдуньи
И ночами — скотину портим!

Но не портили мы скотину
Ни рогатую, ни безрогу;
Это ветер пугал картину, —
Пел в берёзах... Звал нас в дорогу —

По верховному соизволенью
Той весенней ночи высокой,
Недоступной закабаленью,
Беспокойной и одинокой.

1987

ЧЕРЁМУХА

Следи
Предрассветную ранью,
Как дышит черёмуха в зной
Безветренной роскоши рванью,
Разрывами и глубиной.

Смотри!
На листах — ни росинки.
Стволы в тяготеющей смоле.
Но гроздий большие рисинки
Бурлят в гулливерском котле
Зелёного зноя...
На грушах
Цветенья ноздристость видна

(Сад что-то там варит, нагнувшись)
И взрывами рисовых кружев
Черёмуховых
Взрыхлена
Медовая темь. Он условный,
Он где-то внутри золотист —
Чуть вяжущий, сплошь баснословный
Цветущий небесный батист!
А в запахе — как бы жасмина
С разломленной тыквою сплав,
Речных камышей сердцевина
И пурпур тропических трав,
И заспанность,
И беззаботность,
И сахарный хлад,
И огонь.
И хлопьев кудрявых щекотность,
Сующих вам рыльце в ладонь.
В тех запахах пряном потоке
Всех рвений расплавлена цель.
Но, в них погружаясь, как боги,
Мы знаем их меньше, чем шмель.

...Шелково-медовая ветошь
Цветенья
Свергается вниз...
Какая там ветошь? Да это ж
Плов дэвов!
Чудовищный рис
В котлах догорающей ночи,
Клубясь, кувыркается, глянь!

Чего не привидится, впрочем,
В рассветную душную рань.

ВОДЯНЫЕ ТРАВЫ

Эти водоросли — ламинарии,
Безотчётная целина,
Бесконечные комментарии
К вековечной загадке дна!
Их наплывы зелёно-карие,
В чёрных грибах — голубизна.

То в лионском гуляют бархате,
То распустятся в слизь, в кисель,
То растянутся свитком хартии,
Непрочитанной нами досель, —
От Лапландии до Ломбардии
Раскрутившаяся карусель...

В их мохнатой ковровой ветхости
Бездна свежести всё равно!
Подымающееся к поверхности,
Погружающееся на дно,
Их несметное множество — редкости
И единственности равно.

Никогда не бывает с кланами,
Не случается так с людьми:
Их бесчисленности ведь не планы,
А единственности сродни!
И опять они замелькали мне, —
Словно плаванье вслед за бакланами
И под низкими хижин дверьми...

Ах, плавучая роскошь хвастливая!
Это лисьих хвостов хвастовство!
Но не вижу, смотря без отрыва, я
Безобиднее всё ж ничего,
Чем речная трава молчаливая,
Чем течение неприхотливое
И смиренные тени его...

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА*Ивану Кууру*

Царевна-Лягушка, парчовая спинка!
Осенняя — в листьях дубовых — тропинка.
Но где же разминка?
Скачи! Не сиди! Уходи
К воде, что лежит далеко-далеко впереди!..

Лягушка не слышит. А ей до болотца
Пятнадцать минут проскакать остаётся!
А ей без воды можно только четыре часа!
Но где ж то болотце?
Хоть лужица! Хоть бы роса...

Часы утекли... У Лягушки минуток
Всё меньше... Лягушка! Тебе не до шуток!
Как времени мал промежуток!
Пространство-то как велико!
Вода впереди далеко-далеко...
Далеко!

Скачи! Продвигайся, такая-сякая!..
И вдруг показалась, блестя и сверкая
Осенняя лужица в бурой пожухлой траве...
Ну, прыгай, Лягушка!
Имей же ты ум в голове!

Лягушка послушалась, прыгнула в воду.
Мы звука прекрасней не слышали сроду!
Конец переходу!
Мы снова спокойны: она
Теперь спасена! Спасена!

...Вся в листьях дубовых, кленовых
тропинка.
Земля холодна, будто в погребе кринка,
Где плавает льдинка. Вода — и того холодней;
Большая, большая,
Как тыква,
Луна отражается в ней.

КНЯЗЬ, КЛЮЧНИК И МЫШЬ-ПОЛЁВКА

Князев ключник Пантелей
Мышь-полёвку изловил —
Под корнями тополей
В мышеловку посадил.

— Князь! Князь! Отзовись!
Перед нами объявись!
Пантелея прогони, —
Меня, Мышь, ослобони!

Есть у Мыши тайный клад.
Он от врагов заклят.
А для княжеских палат
Пригодится аккурат!

Ежли князя разорят,
Пусть берёт полёвкин клад
Да на рынок шлёт гонцов
Купить гору леденцов!

Я из этих леденцов,
Что из ценных изразцов,
Путь-дорожку проведу —
Князю кланяться приду.

Князь! Князь! Отзовись!
Под дубком остановись!
Пантелея прогони,
Меня, Мышь, ослобони!

Ежли князя обхитрят,
Оплетут-оговорят,
Стянут, свяжут по рукам, —
Я свободу князю дам.

Враз из норок полевых
Кликну я сестёр моих
Даровати князю жисть —
Его путы перегрызть.

В подземельях тайный ход
Нам прорыть поможет Крот;
Не стесняйся, князь, беги!
Не возьмут тебя враги!

В молодом начале дня
Подведём тебе коня;
Конь копытом оземь бьёт —
Князя странствовать зовёт...

Но... в неволе я сама:
Мышеловка мне — тюрьма!
Где тот храбрый человек,
Что устроит мне побег?

Князь! Князь! Выйди, гланы!
Перед наши глазки стань!
Пантелейку прогони,
Меня, Мышь, ослобони!

Я зерна не изведу, —
Я с полей твоих уйду!
Князь, не любящий мышей,
Мышь-полёвку — пожалей!

1988

ВЫСОКОЕ ОКНО

Так высок над площадью ночной
Свет окна, что с полною луной
Мы в ночи его нередко путали.

Но затем спохватывались мы:
На луне, — догадывались мы, —
Не бывает ни цветов, ни утвари!

1989

* * *

Светятся дома многоэтажные
В несколько разрозненных огней.
Тени их, как ткани трикотажные,
Тянутся, становятся длинней...

Штопают их улицы прозрачные,
С каждой тени взяв по рукаву.
Лампы, канареечно-чердачные,
Где живут — не скажут никому.

Точки света с местностью не вяжутся, —
В воздухе запутан их янтарь;
Комнатные уличными кажутся,
Одомашнен — уличный фонарь...

Спят газон, косилка, — время самое.
Льётся ночь, как тень воды морской.
К ночи
Переходит в область зауми
Вывеска сапожной мастерской.

Что за притча? — и темно, а зелено!
Притаившись, дышит резеда.
Меж домов далеких есть расселина,
В ней дрожит зелёная звезда.

Травянисто брызжется да плавится,
Оскользнётся — и опять плывёт,
Думает с теченьем ночи справиться,
Как пловец — с напором встречных вод.

Замерли дома многоэтажные,
Тень от них — дороги в Рим длинней.
Ночь выкрадывает
Перлы радужные
Из короны сонных фонарей.

КЛЮЧ ФАНТАЗИИ

Ключ, оброненный в траву,
Ключ от комнаты моей
Превратился в синеву
Ключевой воды! В ручей!

Я гадаю: как тут быть?
Как теперь мне дверь открыть?
Хорошо — ключом дверным,
Да легко ли — водяным?

И нежданно слышу я
Из травы ответ ручья:
— В каждой капле этих вод
Есть и выход, есть и вход!

Наклонись, черпни, испей,
И окажешься, ей-ей,
Где угодно! Может быть,
Даже... в комнате своей.

1990

• • •

В том лесу,
Где мы болотце по бревну переходили,
Мы края бревна искали и краёв не находили:
В тех краях края тонули, где не видно было края
В зарастаньях, застреваньях и в дурманах Иван-чая.

Волчья ягода, орешник, белый гриб, Иван-да-Марья
Всю дорогу занимали наше бодрое вниманье;
Папоротник (уходящий — сам — неспешно
в завитушку)
Нас привёл к воде просвета на душистую опушку.

Шлюпку озеро украло и опять к песку прибило;
С мелодическим журчаньем, с плеском привязь теребило,
Гипнотически зубрило заклинания... Купавы,
Сдержанны и желтоглавы, нам кивали из канавы.
Ряд китайских мандаринов — кукол с водяным
заводом
Их цветы напоминали, принудительно кивая,
Знаками изображая путешествие по водам,
Но приветствиям поверить повода не подавая.

Там была какой-то странной, слишком толстой, паутина —
Из капроновых, нежданно-современно-жёстких нитей...
Как боялась я увидеть этой сети господина!
Тоже слишком современный — да не выйдет из укрытий!

Зверобой златомедовый плавал в мареве от жара.
И, задумчив, на излучке, видный близко через реку,
Там стоял (как я решила!) «дом безумного Эдгара», —
Добрый сруб американский девятнадцатого веку.

Как других нельзя отвадить от пиона и от флокса,
Так — от диких трав смиренных оторвёшь тебя — едва ли!
На стихи о зверобое в это время ты отвлёкся,
А меня — лесного дома чары к месту приковали.

Что-то в нём от пуританства наблюдалось.
И от ловли
Счастья вечной. Но не столько в брёвнах стен,
в архитектуре,

Сколько в дымке, трепетавшей на волнах рифлёной
кровли,
Словно к нам его пригнали где-то стихнувшие бури.

Автор «Ворона», Вы дома? Кто-то скрипнул: «Не надейся!»
Это ворон, пролетая, снова крикнул: «Здесь нечисто!»
Как боялась я увидеть НАСТОЯЩЕГО владельца!
Как признать я в нём страшилась местного авантюриста!

За одно лишь выраженье на лице его — под стражей
Продержала бы я шельму всё оставшееся лето!
Пусть он лучше не выходит!
Пусть *не портит*
мне пейзажей,
Раз уж въехал незаконно в дом великого поэта.

1982—1987

ДВОЕ Баллада

Два ручейка в ущелье —
Шелли и Мери Шелли*, —
Вырыв ущелье шире,
Вырваться мы решили;

Слившись в поток единый,
Даль проницая взглядом,
Дна (да и дня!) серединой
Об руку мчатся рядом.

Об руку мчатся, мчатся, —
Облаку поклоняться,
Роц корневищным силам,
Бабочкам пестрокрылым,

* П.Б.Шелли — крупнейший английский поэт-романтик прошлого века. Одно время исповедовал однако же нигилизм, постулаты которого принимала и жена его — Мери Шелли (Мери Уолстонкрафт), автор знаменитого «Франкенштейна». Поэт Шелли погиб молодым: в бурю утонул в озере.

Солнцу на хмеле диком,
Там, где коней купанье,
Там, где стволов по бликам
Видно переступанье,

Где лабиринт из хижин,
Лестниц, мостков, сараев
То до трясин понижен,
То — воспарит на сваях...

...Вместе и пораздельно
Льются неканительно
Зримые издалёка
Два молодых потока.

Тучи повечерели,
Стала тускнеть округа...
Шелли и Мери Шелли,
Видно ли вам друг друга?

Шелли!
Твой гений странен:
Светел,— а вверен ночи, —
Той,— без краёв и с краем,
Тоже бескрайним, впрочем.

Шелли! Ужели месяц —
Серп над готовой жатвой?
Демоны ждут... Не смейся!
Их раздражает дар твой!

Жар твой —
готовой жертвой
Видится им с досады...
Демон — ведь он не джентль-
мен! — так не жди пощады!

Шелли, отринь безверье, —
Верь, коли сердце любит!
Мери!
Не пестуй зверя
Ночи, — он вас погубит!

Пусть малыши в кроватках
Требуют страшных сказок:
Ужасы в духе Ратклифф —
Лишь для счастливых — праздник.

Лишь для наивных — нега,
Для не видавших страха...
Эй, не лети с разбега!
Не наскочи с размаха,

Мери, на грозный фантом
Горя, беды великой!
Станным, как сон, талантом
Гибели не накликай!

Где там! Не слышат, льются...
Свет берегут. Однако
На уговоры мрака
Исподволь поддаются...

Два ручейка ущелья —
Шелли и Мери Шелли
Шепчут: «А мы решили, —
К морю бежать решили...»

Кто их удержит, кроме
Чуткой души, Психеи?

Дети!
Не надо к морю!
Вас разлучат стихии!..

Смутная ночь — предтеча
Бедствий... Одно спасенье:
Вечная — в Вышних — Встреча, —
Вечное Воскресение.

Август 1992

* * *

Набрела на правильную строчку
(Как бывало иногда)
Но дала ей — в записи — отсрочку
И — опять забыла! Не беда:

Может статься, в странах неоткрытых
Всё равно найдется место ей
Где-то там — среди людей забытых,
Дел забытых и забытых дней.

Декабрь 1992

* * *

Когда всё равно опаздываю
И жить не могу быстрее,
Беспечность
Бывает опасною,
Как песня на Москестреме,
Как смех над водоворотами,
Подхваченный скал толпою,
Где нет прибоя...
Но то-то и
Ужасно, что нет прибоя!

Высокий прыжками львиными,
Прибой знаменит наскоком.
Но гибель — ещё ль не унылее,
Где к берегу волны — боком?
И ни пены нет,
Ни препоны нет!
Но муторно, но отвратно
Могущественно-неуклонное
Раскручиванье обратно

Всех вод — от амфитеатра скал!
Был час — мы и в рифах спасались.
Кто ждал, чтобы — вдруг — патриаршеские

ДУХЭТАЖНАЯ ЖИЗНЬ ЖИРАФЫ

Жирафы взбрыкивают вбок.
Ногами вскидывают яро.
Но шея их длиннее ног
И сверху не слышать удара

Им собственных копыт своих.
И улетающие морды
Полны вниманья к дымам города
На горизонтах голубых.

Их несуразный взгляд прикован
И к трубам, пурпурно-морковным,
И к вышкам, близящим грозу...

А взбрыки, плеч толчки пятнистых,
Их стычки (где-то там, внизу!)
Не стоят их раздумий чистых.

31 июля 1993

ЖИВОПИСЬ*Ивану Куруру*

Пусть Живопись нас приютит,
Мои терзания прекратит.
Единственная, кто дала
Не знать мне и не делать зла, —
Пусть Живопись нас приютит.

Мы красок не приобрели,
Этюдников не завели,
И всё равно не знали мы
Той бесхудожественной тьмы,
Что многих души тяготит...

Пусть Живопись нас приютит!

Мы не расписывали холст,
Не знаем — тонок он иль толст.
Но — слава Живописи! —
В ней
Спасались мы от тёмных дней!
Бывало, вспыхнет, заблестит...

Пусть Живопись нас приютит.

Ван-Дейком-дамой никогда
Не быв, я шла через года.
И Апеллесом ты не стал,
Но ты живописать мечтал!
А кто мечтанье воспретит?
Пусть Живопись нас приютит.

Да, Апеллесом ты не стал,
И всё же ты — живописал!
Пускай не кистью,
Пусть — пером,
Но, как за тучей ясный гром,
В нём жили масло, тушь, графит,
Вся киноварь, весь лазурит
(Что никого не разорит,
Но всякий угол озарит!).

Пусть Живопись нас одарит!

Свершилось чудо из чудес:
В Поэзии — ты Апеллес!
Кому сам Хронос не указ!
Кто Цвет Естественности спас.
Кто Подлинность раскрепостит.
Кого Паллада защитит!

Пусть Живопись приветит нас.

Пусть Живопись нас приютит,
Довоплотит, озолотит, —
Единственная, кто дала
Не знать мне и не делать зла!
Под небом всех кариатид
Пусть Живопись нас приютит!

А грех унынья да простит
Мне Бог...

Июнь 1992

ЗОЛОТОЙ ТРЕЗУБЕЦ

...

Художник, незнакомый с поощреньем,
А знаешь ли? В тени пожить не грех:
Не ослепляясь счастья опереньем,
Мир как он есть увидеть без помех.

Негромким смехом встретить грубый смех,
Злорадство — ледяным обдать презреньем...
Нас невеликость наша высшим зреньем
Снабдит. И высший нам суждён успех.

Чтобы затем, с победою помешкав,
С насмешливым поклоном взять реванш.
Так Гулливер — игрушка бробдингнецев —
Мог разглядеть морщины великанш,

Чью красоту считали в Бробдингнеге
Вершиной безупречности и неги.

1962

* * *

Известно, что Альфред де Мюссе, автор «Исповеди сына века», был сильно увлечён писательницей Жорж Санг (в девичестве — Аврора Дюгеван).

Когда Аврора, чьё гремело имя,
Вдруг вышла за неизвестного (пока!)
Поэта,— пропасть разницы меж ними
Открыл сосед, племянник скорняка.

«Аврора,— так смекнул он,— знаменита.
Её супруг? Что ж... Тоже ничего!
Но говорят, что книжечкам его
В Париже нет достаточного сбыта...»

И, уж совсем привыкнув думать вскоре
«Мы с нею» — о себе и об Авроре,
А на Мюссе взирая свысока,

Забыл дурак, что, если б автор некий
И впрямь был ниже автора-коллеги, —
Насколько же он выше — пошляка!

12 октября 1963

СИМВОЛ ЗЛА

*Больше не могло быть сомнений:
это был Тартараграндафлориус!..
На земле показалось несколько тре-
щин... .. Одна из них мчалась пря-
мо ко мне...*

(«Союз действительных» за 1969 г.)*

Приснился мне в ребячестве когда-то
(Боявшийся — годами — оглашенья!)
Цветок, что достигал корнями — ада
И созидал земной коры крушенье.

Сверхплотных лепестков его громада
Была отнюдь не флоры украшенье,
А гибель слабым, храбрым — устрашенье,
Разбой на пастухов и мор для стада.

Когда он распускался, вихрь упругий,
Им поднятый, гнул рощи, тряс лачуги...
Снимались птицы с гнезд, кружа над далью...

...Едва, как змей, раскручиваться начал
Могучий стебель, свёрнутый спиралью, —
Крича, проснулась я... Что сон мой значил?

1963—1971

* «Союз действительных» — неопубликованный роман Новеллы Матвеевой.

ЛОСКУТНОЕ ОДЕЯЛО

Смешенье опыта с высоким идеалом
И мысли — с действием... почти обречено!
Несообразностью, лоскутным одеялом
Умчавших таборов мне кажется оно,

В котором ветхое «куриное» рядно,
Рябое, дышащее ветром и привалом,
Где — сшито с байкой, где — с куском атласа алым,
Где — искрами костров цыганских сожжено.

И пыль на нём, и грязь, и снежная мякина...
Вестимо — жизнь пестра, как платье Арлекина,
А в людях — ни в шальных, ни в хитрых — правды нет.

Им не до Заповедей! Но и не до схемы
Слепых философов, — способных целый свет
Втянуть в утопии и заковать в системы.

1971

БО-ЦЗЮЙ-И*

С месяцем гляделся в водоём.
Кутал ивы пухом золотым.
С девой сладкогласной пел вдвоём.
Вместе с цаплей белой — стал седым.

За дугой лазоревых ворот
Брызжет колокольчиками храм.
Птицы ветра!
Мастер — это тот,
Кто умеет радоваться вам.

Я не просто говоритель слов;
Я бессмертный мастер Бо-Цзюй-и...
Но какой бессмысленный улов! —
Кто-то душу вынул у земли.

И скитаюсь, дух, из края в край
Я по древней крепостной стене...
Ты ли это, ветхий мой Китай,
Что навеки был завещан мне?

На дорогах — сердце защежит! —
Столь косноязычен шорох слив.
Клён, боясь доносов, не шумит,
Свой язык волшебный прикусив.

Лишь для пыток вымахал бамбук.
Онемел камыш священных рек.
Ибо предан песни вещей звук
И гроша не стоит человек!

И, лишенный памяток земли,
Отражённый в зеркале кривом,
Я, поэт великий, Бо-Цзюй-и,
Вытираю слёзы рукавом.

70-е гг.

* По следам «культурной революции» в Китае.

СОН В ДОРОГЕ

Памяти Рагищева

Во сне я был царём.
Высокие чертоги
Сияли вокруг меня убранством золотым.
Заранее в раю живут земные боги;
Я жил в раю земном. Я Богом был земным.

Но не архангелы вокруг меня летали,
Не серафимов там теснилася толпа:
Смиренные рабы моих велений ждали
(К задворкам оттеснив мятежного раба).

Я первого из них послал на подвиг бранный,
Второго — милостыню царскую творить,
Доверив третьему весь окоём пространный
Державе мирно покорить.

Когда ж рабы мои, не выказав роптанья,
Считая пустяком тяжёлый дальний путь,
Пускались выполнять мои предназначанья,
Самодовольствие мне распирало грудь.

И вдруг... как будто снег пошёл в толпе
придворных...
Под сердце ужас мне закрался ледяной:
Прекрасна и страшна, в своих одеждах чёрных,
Внезапно Истина предстала предо мной.

«Ты слеп, — она рекла, — не видишь, где
и кто ты!
Дай, бельма отыму с обманутых очей!
Не на сирот и вдов пролил твои щедроты,
А на бесстыдный блуд их бросил Казначей!

Военачальник твой в жестокости бессвязной
Твоих же воинов крушит, а не врагов!
Твой Мореплаватель резвится в луже грязной, —
В пороках плавает не дале двух шагов...

Ты видишь? Вот кольцо. Возьми его на память
О голосе моём. Внутри кольца шипы...»
И, жалящий металл на мой надвинув палец,
Пропала в трещине раздавшейся толпы.

И понял я, прозрев, сколь жизнь моя презренна!
Кольцо же мой сустав сжимало, как змея...
И в мерзости греха, и в тине по колено,
И по уши в крови себя увидел я.

А рядом светска чернь, — за недостатком лоску
Себя украсивши куриной скорлупой, —
То — шляпкою вперед — вгоняла гвозди
в доску,
То в нечестивый скок пускалася толпой...

Я зрел, как, срезаны под корень беззаконьем,
Просители — в дверях судейских — шапки мнут,
Как пахарь за плужком поковылял по комьям,
Как по спине его прошёлся трижды кнут...

И Севера прозрев далёкое свеченье,
И старца в хижине, укрытой мхом седым,
Всех тронов и венцов я вспомнил назначенье
И, старца полюбив, склонился перед ним.

Тогда, не в силах снести огромность откровенья,
Проснулся... Вижу — ночь, ямщик да конь гнедой...
А слёзы по лицу — всё той же цепи звенья! —
Всё льются, всё бегут горячей чередой...

Забыл однако ж я
(Обманут грёзой сонной),
Что люди слабые, привычные царить,
Не ищут истины и не страшатся оной,
А истину и ложь стремятся примирить.

Я тот же самый сон увидеть мог иначе.
В картинах более житейских и простых:
Не всяк вельможа зол.
Цари бывают зрячи.
Но Истина бежит чертогов золотых.

Лето 1975, Сходня

ПОЖЕЛАНИЕ СКРОМНИКУ

Это был стеснительный нахал...
(И.Эренбург. Из книги «Годы и судьбы»)

— О нет! Он не нахал, не вор:
Не пикнет вам наперекор!
И даже рот, бывает,
Ладошкой прикрывает!

— Скажи, пожалуйста, на кой
Он прикрывается рукой,
Тогда как мог бы — разом! —
Накрыться медным тазом?

Не тем,
С которым Дон Кихот
(Приняв его за шлем) в поход
Летел с восторгом дивным, —
А... самым примитивным;

Таким,
В каком (то от тоски,
То от похвал пьянея)
Стирала жуликам носки
Альдонса-Дульсинея...

1976

...

Странно! Неужто какие-то хваты
Мир проиграют в лото?
По Достоевскому — ВСЕ виноваты,
А по Толстому — НИКТО.

Нам же сдаётся (столпы дорогие,
Классика, не обессудь!),
Что виноваты одни. А другие —
Не виноваты ничуть.

Около 1980

ОТЗЫВ НА ОТЗЫВЫ

*Я убедилась, что ни в развёртывании
наполеоновских войн, ни в той войне
Северных и Южных Штатов... ..
равно как в изнурительных битвах
Алой и Белой Розы — я не повинна ни
сном, ни духом...*

(«Союз действительных», 1965 г.)

Пример бесчеловечности плачевной
Я вам являю в опытах моих,
Вставая то зверюгой-Палачевой,
То бледным эльфом декадентских книг;

Пигмеицей в добре, в зле — Каланчевной,
Как вам когда ловчей... Встаёт мой стих
То призрачностью замков родовых,
То себялюбья скотскою харчевней.

Что только мне ни ставилось на вид!
Сдвиг звёзд... Несходство города с деревней...
«Там человек сгорел!» — неслась цитата...

Да как же я могу быть виновата
В злодействах ваших, если я пиит
«Оторванный от жизни повседневной»?!

1980

ПОЭЗИЯ

Не в том, какого колорита
Ваш тон; не в том, какой вам цвет
Милей — оракулом зарыто
Ручательство, что вы — поэт.

Вниманье к тем, чья жизнь забыта,
Чья суть забита, чей расцвет
Растоптан злобно — вот предмет
Заботы истинной пиита.

Поэзия есть область боли
Не за богатых и здоровых,
А за беднейших, за больных.

А там — едино: голубой ли
Иль рыжий; вольный иль в оковах;
Классический иль новый стих.

80-е гг.

ФРАНСУА ВИЙОН

С лицом, навсегда озабоченным
Отдачей неясных даров,
Он медленно брёл по обочинам
Каштаново-рыжих дорог.

Травинками Франция трогала
Его. И шептала: «Поэт!».
Потом без него жить попробовала
Пять сотен томительных лет.

Остались окутаны тайною
Его бытие и конец.
И толки ходили случайные:
«Кем был гениальный певец?»

Кем был? Разумеется, гением!
Вы слышите ль голос живой?
Так что ж вы глядите с сомнением,
Качая в ответ головой?

Не верьте суду современников,
Ему справедливость — пустяк!
Он славит вельможных мошенников,
Но травит он нищих бродяг.

Он был, говорите, стяжателем,
Но суд ему дал по рукам?
Зачем же он создал (не скажете ли?)
«Анафему клеветникам»?

Запутавшийся, опустившийся,
В рутне, в осквернениях уст...
На золото чужое польстившийся?
Так что же карман его пуст?!

Напраслина — страшная силища!
Не худо бы вспомнить о том.
Но вновь мы стоим за судилище,
А не за певца под судом!

Зря ждал, что хоть после окупятся
Невзгоды пропащих времен,
Никто и В ВЕКАХ не заступится
За Ваши лохмотья, Вийон.

Простится предательство,
Скряжничество,
Убийств и палачества смрад...
Но гиблое дело — бродяжничество! —
Его и В ВЕКАХ не простят.

КНИГОЛЮБ

Между мудрых вопросов бывают вопросы некстати.

— Что читал Иван Грозный?

— Да когда ж ему было читать?!

На пол сброшен Сенека, недочитан Светония свиток...

Так и рвут человека меж читалкой и комнатой пыток!

Да, большая толпа в его комнатах книжных
возилась...

На замашках царёвых, наверно, сие отразилось;

Как-никак, среди КНИЖКОВ чинились

кровавы затеи!

Да не все книголюбы такие уж вам книгочеи.

Жертв истошные вопли неслись из подвалов протяжно.

Что читал душегубец? Не знаю. Мне как-то не важно.

Что писал? Не берусь рассудить. Вероятно, указы.

Ряд угроз. Патологию. Страшные длинные фразы.

Но, склонясь, как над розана недорасцветшею
почкой,

Ищут нежность потомки под грубой его
оболочкой.

И среди его свойств (меж пытаемых криком
и воем)

Образованность! — вот что запомнилось
больше всего им.

Мирный нрав у меня... Не могу же назвать «шелудивцем»

Я того, кто писательства знак начертал

над всеобщим убивцем,

Поэтическим перлом почтя цензурцину всяку

В бесноватом письме, продиктованном

думному дьяку.

1. «И эта страна прекрасная — Царство Воспоминания!»

Н. Матвеева

Санаторий «Сукманиха». Надежда Тимофеевна Матвеева-Орленева с фокстерьером Лютиком и Николай Николаевич Матвеев-Бодрый (справа). Конец 30-х годов.

**2. «Сестра! Всё-всё прошло,
Но есть воспоминанья...»**

Н. Матвеева

Роза-Лиана и Новелла Матвеевы. Конец 30-х годов.

3. «Было что-то в нас от Гека Финна / И от Тома Сойера тогда».

Н. Матвеева

Семья Матвеевых среди друзей. Вторая слева в первом ряду — Роза-Лиана Матвеева. Далее слева направо: Новелла, Николай Николаевич, Надежда Тимофеевна Матвеевы. Конец 30-х годов.

4. «Ты жил в огне труда и в бедности святой!»

Н. Матвеева

Николай Николаевич Матвеев-Бодрый с дочерью Новеллой. Конец 30-х годов.

5. «Двинем багром,— а ну-ка!»

И. Киуру

Иван Киуру (крайний справа в первом ряду) в рабочей бригаде. Предположительно — Карелия, 50-е годы.

6. «Зима. Посёлок, замётённый бурей...»

Подмосковье. Чкаловский детский дом. Посёлок «Юная республика». Конец 50-х годов.

7. «Новый год нам сегодня / В океане встречать».

Роальд Матвеев-Бодрый

Роальд Николаевич Матвеев-Бодрый. Конец 50-х годов.

8. «В такую стынь, — подумай, — где же лесу / Дорожку нашу тёплой сохранить?»

Н.Т. Матвеева-Орленева

Надежда Тимофеева Матвеева-Орленева с дочерью Новеллой. Санаторий МИД, 60-е годы.

9. Санаторий МИД. Надежда Тимофеевна Матвеева. 60-е годы.

10. Рoальд Николаевич Матвеев-Бoдрый.

11. «Кто нам песню споёт?»

Н. Матвеева

Новелла Матвеева в квартире на Беговой. 60-е годы.

12. Переделкино. Новелла Матвеева. 60-е годы.

13. Иван Киру и Новелла Матвеева. 1963 год, Москва.

14. «Ведь нет, Гек Финн, у
твоей реки / Ни берегов, ни
дна».

Новелла Матвеева. Конец 60-х
годов.

15. Иван Киуру. Сходня. 1974 г.

16. Новелла Матвеева в квартире на Малой Грузинской. 70-е годы.
Фото Михаила Баранова.

**17. «Река протянула руки
За видимые пределы...»**

Н. Матвеева

Новелла Матвеева в период
книги «Река» (70-е годы).

**18. «Летнюю книгу эти гла-
за читали, / Мелкого шриф-
та вынести не смогли, /
И различать во мгле предве-
черней стали / Только боль-
шие, главные вещи земли».**

Н. Матвеева

Переделкино, Дом творчества.
1982 год.

**19. «И я не знаючи творю, / Поскольку сердцем понимаю,
Что речь правдиво говорю / И чувствую вещему внимаю».**

И. Киуру

Переделкино. Дом творчества. Иван Киуру. 1982 год.

20. «Осень пришла,— темно и светло в лесах...»

Н. Матвеева

Сходня, 80-е годы. Осень.

21. На концерте. 80-е годы.

22. Новелла Матвеева. Середина 80-х годов.

23. «С тобой мы сотни вёрст прошли...»
Сходня, «Черёмуховый листок». 80-е годы.

24. Иван Киуру. Середина 80-х годов

ВОКАЛИЗ

Тип стихотворца есть: не то он роза,
Беспомощно трепещущая в бриз,
Не то лиса, свалившаяся с воза
(Смахнув сперва хвостом всю рыбу вниз, —

Её алчбы, да не её привоза!).
О, этот, голосами дохлых лис
В поэзию вносимый, вокализ!
О, эта вечно-жертвенная поза

Воротников растянутых! Не то
Пропавших дев! Нет. Честных, как никто,
Святых! Которых самоотречение
Ни из чего не видно. Вроде спят,
Но в щель ресниц, ракалии, следят —
Какое производят впечатленье!

21 мая 1989

МЕРКУЦИО

(Из цикла «Прочтение ролей»)

С глубокой раной века Возрождения
Лежит на яркой площади, в веках,
Меркуцио — двуногое Сомнение
В остроконечных странных башмаках.

Весной времён, меж солнц ума и гения,
Он вдруг увидел (сам не зная как)
Вселенную, лишённую строения;
Бермудский свищ; неподнадзорный мрак

Всех наших Чёрных дыр... В садах цветущих
Он декаданса гусениц грядущих
Расслышал шорох (через триста лет

Возникнуть должный!)... Проклял эти знаки,
Паясничая, выбежал на свет,
Вмешался в спор — и пал в нелепой драке.

Ноябрь 1990

И О ВНЕШНЕМ

Наружность гениев изменчива, как море:
Есенин то хорош, то плох. Один портрет
С другим не вяжется! Лицо в одном наклоне —
Одно. В другом — оно совсем другое! Свет

За облик борется, а тьма — за силуэт
Марины. То она, дорической колонне
Подобная, стоит. То — с лёгкостью каноз
По водам жизни мчит... Но взмах! — и тайны след

Простыл... И в сушу вдруг уткнётся неказисто...
Лик Лермонтова то в гримасе исказится,
То звёздной нежностью оденутся черты

И вспыхнет грусть в очах прекрасных богомольно...
— Да он почти урод! — один вскричит неволью,
Другой найдёт в нём то, что лучше красоты.

1971—1992

ВЕЛИЧИЕ?

Величие мы часто видим в том,
Чтоб, ни греха не чуя, ни вины,
Напасть на безоружного — гуртом,
Впотьмах, из-за угла и со спины.

В кощунстве — там, где во скиту святом
Жил мученик. В грабительстве казны.
Величие мы в девках видим... В том,
В чём непотребство видеть бы должны.

Мы с виду — хоть куда! (Хотя не раз
Со стороны подошвы видел нас
Щенок бездомный, сын пинков и травль.)

Но в грозных сечах нам страшнее всех —
Бунт роз. Ягнячье право. Мёртвый лев.
И хиросимский маленький журавль.

1989—1992

ЧТО ЕСТЬ ГРЕХ

Перед неграмотным блеск знаний обнаружить —
Вот грех! Божиться грех. Но грех божбу и слушать.
Грех клясться клятвою! (Особенно тогда,
Когда заранее решил её нарушить!)

10 сентября 1992

* * *

...На богатство фантазии так
Обижаются,
Что «богатством» уже называть
Не решаются.
Не согласны признать за ней даже
Зажиточность,
А придумали хитрое слово:
«Избыточность»!

Экий грех!
На виду у Европы и Азии
(Словно кто навязал неземное
Отцовство им),
Так открыто страдать от избытка
Фантазии,
И притом от избытка ЧУЖОЙ!
Не от собственной...

Ноябрь 1992

ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ

Вы — Утешитель.

Вы — как патер Браун.

Дыханье Ваше в Вышних Бога славит.

И скорби здешней слишком тяжкий мрамор,

Как снег долин, под Вашим солнцем тает.

Вы — Утешитель. Вроде чуждый Мому

Достоинством простым и монолитным.

Хотя порой смеётесь несмешному,

Как добрякам присуще беззащитным.

Да, это очень красочная мета! —

Когда звучит — не демона, не фавна, —

А чистый, честный, детский смех Поэта

Над шуткой, что не всякому забавна.

Не так ли горесть Ваша (совокупно

С отвагой Вашей!) — многим недоступна?

За карликовый вензель на эмали

Стих Ваш парнасский, движущийся крупно,

Иные принимали!

Не Вы стояли в позе над толпою —

Толпа пред Вами в позы становилась.

Та, что подняв кумира над собою,

Им «снизу» помыкать приноровилась.

Всегда Вы что-то «предали»! То скотство,

То Идеал... То — старое знакомство...

Чужой природы с нашею несходство

Считать привыкли мы за вероломство.

Будь ты хоть гений — разве вправе гений

Владеть самостоятельностью мнений?

Во лбу семь пядей?

А на дню семь пятниц

Сменить изволь, как семь бумажных платиц! —

Другие — всей толпой идут на это —

Лишь ты один упёрся против света!

Но думам вольным не закрепоститься.

...А рожь цветёт,
А лютик золотится,
В плюще бурлят речные ветры, вея...
Не странно ли, что новый век родится
Не из твердынь, а из Беседки Грзя?!

Где лист баллады, камешком прижатый
(Баллады без балласта улетают!),
Где преданные Вам, как медвежаты,
Две девочки у Вас в глазах читают.

Дар Ваш высокий грустен без юродства.
Свободен — но Отечеству любезен.
Содружествен. Но в рощах первородства
Лишь соловей соавтор Ваших песен.

Так
Счастью учит Феб, а жизнь — терпению.
За трудолюбьем гордым — год из года, —
За божеством слепящим — ходят тенью
Пустой досут, постылая свобода.

Но вы прозренью брат:
Вы патер Браун.
Раденье Ваше в Вышних Бога славит!
Пловцам открыта
Ваших песен гавань
И примет всех, кого судьба оставит.

Октябрь—декабрь 1992

НЕУВЯЗКА

Со свиным рылом — да в калашный ряд?
(Простонародное)

Как на брусках из чистого сапфира,
Точа свой слог на образцах Шекспира,
И Пушкин и Уайльд считали годным
Мешать высокое с простонародным.

И... вот уж вы болтать берёте право,
Что идеал рождается из сплава
Высокого и НИЗКОГО!
Но не из
Высокого и мерзкого, надеюсь?

Надеялась, но — тщетны упования!
Вы тоже бойтесь разочарования,
Когда суётесь, гордые затеей,
В калашный ряд... с классической камеей?

1987—1993

* * *

...Изящных неточностей полный, стих
Построился не от сих до сих,
Но от таких-то и до таких-то,
Как полурыба и полупихта.

В нём что-то есть, а чего-то нет...
Но если и не был в нём явлен — поэт,
То был — человек! И сосед наш сверху;
Глотавший книги, читавший сверху,

Историк. И стоик! И друг отца!
Пришедший, как луч из развалин дворца,
Из тех — оставшихся до конца
Немногими — кратких минут уюта,
Что были так люто завидны кому-то!

Минут,
Которых так мало ВСЕГДА
(Видать, увела их чужая звезда,
Украла у нашей — в порядке наживы)!
Минут,
Когда мы с тобой — были живы!

13 марта 1993

Я ПОНИМАЮ ВАС!

Достойный дю Белле писал из Рима другу,
Что мало пишется, что вдохновенья нет.
Но звонко между тем сонет сонету вслед
Из-под пера его летел, как вихрь по лугу...

Что это значило б? Неужто лгал поэт?
И ловко пряча взлёт, изображал натугу?
Нет. Просто... он не мог вменить себе в заслугу
Без чувства РАДОСТИ набросанный терцет...

Сама поэзия «не в счёт», когда унынье
Ей точит карандаш. Когда забота клинья
Вбивает между строф. Растёт стихов запас...

Но если качество творишь без увлечения,
То и количеству не придаёшь значенья.
Высокочтимый мэтр, я понимаю Вас!

После 20 июня 1993

ЧЕГО ЖЕ БОЛЕ?

Мы вам «обещали» (по вашему мнению)
«Стихами — так много! А где выполненье?
Где в сущее взнос долгожданный?»

Но мы не рабы. Ни в каком смысле слова.
И мы вам не можем таскать (за «здорово
Живёшь») из огня каштаны.

Остаться в веках обещал Гораций
И выполнил. Но не обязан стараться
Свой Памятник несть на спине вам.

В СТИХАХ — обещанье и есть выполненье,
Когда в них — Призванье. Когда в них —
волненье,

Борение спазма с напевом,
И смех,
Опаляемый гневом.

5 августа 1993

«БУДЬТЕ, КАК ДЕТИ»

Нам завещал Спаситель «быть, как дети».
Одно с тех пор нам удалось на свете:
От образца отделаться; добиться,
Чтоб... сами дети — не были «как дети»!

28 августа 1993

ЗОЛОТОЙ ТРЕЗУБЕЦ

I. Догадка

Наш старый агроном был раб высокомерью.
В рабочий перерыв он задал мне вопрос:
— Ты веришь в равенство? Вон что... А я не верю.
И пальцев пятерню мне сунул чуть не в нос!

Нет, он не сплёл их в то, что всех надежд потерю
Изображало бы, и всех крушенье грёз;
Он просто указал, уча меня, тетерю,
На их различный вид и на неравный рост.

— На! Уравняй-ка их! — ...И тут лучом неожиданным
Догадка вспыхнула в уме моём простом,
Что сам-то он себя не числит Безымянным,
Что ИМЕННО СЕБЯ он мнит Большим Перстом.

Что значит — интеллект! Мы для него — мизинцы:
Ему, читай, рабы, а куму — челядинцы...

1989

II. Золотой трезубец

Единственная — три-единственная! — вещь
(В балласте баррикад — небесное богатство),
Которую нельзя на вздоры перевести,
Была: Свобода, Равенство и Братство.

Как странно, что теперь, когда из баррикадства
Все вещи вырвались — и рухнули как есть,
Нам помешала Та, в которой вечность есть!
В которой нет зато ни лжи, ни святотатства, —

Свобода, Равенство и Братство! Золотой
Трезубец гласности; защита равноправья;
Наследство гениев и средство от бесславья!
А впрочем... жадны мы до Вольности святой.

Но в миг Свободного расхвата лучших платьев
Ты не подсовывай ни Равных нам, ни Братьев!

21 июня 1993

III. На отрицание равенства

Нетрудно равенство найти в своём кругу
Меж тех, кого мечта, судьба и предпочтение
Связали поисками общего растенья
И общих раковин на белом берегу.

А ты найди его, как шпильку в том стогу,
Среди стихийного судеб хитросплетенья,
В космичности несходств, неродств, несовпаденья,
В толпе хромых, кривых, сгибаемых в дугу...

«Свобода, Равенство и Братство»! За бутылкой
В их триединую природу тыча вилкой
(Как будто это всё — твой личный кресс-салат!),

Напрасно мнишь разъять расчётливостью дикой
Единственную весть парижских баррикад,
Поднесь оставшуюся честной и великой.

21 июня 1993

ИВАН
КИУРУ

ОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК, ИЛИ МЕЛОДИЯ ДЛЯ ГИТАРЫ

В поэме «Абул Ала Маари» Исаакян говорил: «Неизведанный путь несчётностью чар манил и ласкал Абул Алу...»

«Очарованными странниками» называл отдельных людей герой моего рассказа. Очарованным странником (лесковским ли, исаакяновским ли) — нельзя не назвать его самого: Поэта, песни которого хочется петь.

...Родился Иван Семёнович Киуру (Хейно Иоханнес Киуру) 1 февраля 1934 года в деревне Пугарево Ленинградской области. А уже в 1938-м семью Киуру оттуда выселили. Всю их финскую деревню выселили — якобы под полигон понадобилась. Между тем, даже если предположить, что люди — хорошо, а полигон — лучше, то это тоже был обман и никаких таких полигонов не последовало...

Семья переехала в Бернгардовку, сняв дом в лесу. А 26 марта 1942 года — новое выселение. И путь по Ладоге, по льду, так называемой «Дорогой жизни», и — ратче далее! — в Сибирь. «В один вагон втокнули пятьдесят человек, — рассказывает старший брат Ивана Киуру Эйно Семёнович. — В обоих концах — двойные нары. Взрослые спали по очереди... Больного старика втиснули на ходу в товарный вагон, и ему днём и ночью пришлось в дверях, а через несколько дней старик скончался».

Спустя долгое время два вагона, в одном из которых находилась и семья Киуру, были отцеплены в Ачинске. Тем часом от населения ВСЕГО поезда в живых осталось меньше тридцати человек — многих скопил по дороге

тиф. Чуяло сердце Марии, тёти поэта, что надо ей — перед ссылкой — родной земле поклониться!

Перед родным селеньем,
Я помню,— на коленях
Стоит тётя Мария...

А дальше... «Вдали земли родимой / Нашла она покой / Над жёлтым над Чулымом — / Сибирской рекой» — рассказывается в стихотворении «Час тети Марии».

Несколько весенних месяцев жили в деревне Симоньке на Чулыме. «Весенним днём там роза дикая цвела, / Дурман курила,— над тайгой царила; / Там лиственница — весела, нежна, светла,— целебной хвоей нас дарила, / От мора и чуть-чуть от глада — берегла...» Затем переселились в деревню Еловку, куда Семён Иванович (любимый дядя поэта) поступил в МТС шофером грузовика. Был там у семьи сначала хороший дом, но его быстрёхонько облюбовала для себя первая учительница малолетнего Вани. Ничего не подозревая, сам же он и привел её — по просьбе её и приказу — «осматривать помещение». Вёл, да ещё гордился, бескорыстно радовался: «Учительницу веду!» И вот «высоконравственная» просветительница с удобствами расположилась в пристанище наших изгнанников, а их самих переселили в дом поплосше — с печью, бесприютно вздымавшейся посреди единственной комнаты,— да не одних, а вместе с многочисленной семьёй туберкулёзного в последней стадии Табонайнена, час которого в этом-то доме скоро и пробил... Тут же, в «комнате», помещались и телята Табонайненов, полученные ими на выкорм для Совхоза, и куры, и прочая живность — все попережку...

Из Сибири Киуру вырвались под тем предлогом, что дети должны учиться в Карелии, а сначала написали письмо далекому Куусинену... Взрослые выехали полунелегально, якобы детей проводить, но и они в Сибирь так и не вернулись.

Конец августа 1946 года. Вот и родная земля!.. Но дерзко-нескромная мысль попасть к себе прямо домой привела к неудаче. Дом семьи Киуру уже был занят чужими людьми. От бывших хозяев отделались небольшой суммой, отчасти даже в «натуре». Но швейную машинку, к

примеру, Сусанне Ивановне, матери поэта, пришлось приобретать самой. Эту деталь бытовой «существенности» можно бы и не вспоминать, не будь она, по всей видимости, прямою наследницей той примечательной сибирской прялки, которая казалась ребёнку каким-то жужжащим полубожеством (получеловек-полупрялка), и усыпляющим, успокаивая, и в то же время позволяющим к ночи «своё смятенье на стене читать»...

Матушка за прялкой
Ночи коротала.
Но в стране далёкой
Чайкой одинокой
Мысль её витала...

По прибытии семьи в Сортавала старшая сестра поэта Элина Семёновна поступила в ФЗУ, Эйно Семёнович — в финансовый техникум, а для младшего возобновились школьные занятия. «Какие отметки ты получал в Сибири?» — спросил у него учитель. «Пятерки», — отвечал, следуя правде, ребёнок. «Ну, здесь ты у нас получать пятерки не будешь», — пообещал ему сей (как выразился бы наверняка Чарльз Диккенс!) добросердечный и добродетельный джентльмен. И ведь как в воду глядел! Ибо внушение — великая сила, а маленький, несмышлёный ещё, беглый «каторжник» — сейчас только из ссылки и только что там набивший пузо таёжной черемухой, хвоей листовницы и не очень хорошо росший на черемше, — наверное даже особенно внушаем? Занятия у него действительно пошли хуже. Но и удержи он чудом за собой высокую успеваемость, боюсь, ему не дали бы и узнать об этом.

В 1947 году ранее репрессированного отца Ивана Семёновича выпустили на свободу, но не прописали. А в 1948 — снова арест и опять в Сибирь: освободили, дескать, «по ошибке»!

Этого — второго — ареста младший сын, вероятно, не видел, зато первый на всю жизнь врезался ему в память внезапно ослепляющим блеском фар в окно с улицы, когда свой свет погасили и уже спать укладывались. И тут же — глянцевитые кожаные куртки на пороге. Семёна Андреевича уводят. За что? Почему? Этого он и сам никогда не узнал.

Дачная Сортавала (тогда — колыбель типичноштабного, тяжело резвящегося под патефоны привилегированного офицерства) располагается в сказочной местности и, как это известно, на границе с Финляндией. Исходя из этой географии, у властей не могла не возникнуть идея возобновления бесконечного выселения финнов. И вот в 1950-м году семье Киуру было велено «убраться» из погранзоны. Перекочевали в Петрозаводск. А в паспорт, в это впервой выданное молодому человеку «читайте-завидуйте» впечатали Ивану Киуру 38-ю статью — знак неблагонадёжности (опять-таки ни из чего не явствующей, а, так сказать, заведомой и прирождённой!). Юный «преступник» впервые выказал строптивость — начал защищаться, как мог. Чисто по-детски, словно какой-нибудь «неуд» по арифметике в школьном дневнике, вымарал и выскоблил клеймо в своем паспорте. Думал; это поможет... «Мне кажется, — говорит Эйно Семёнович, — что это (ничем не заслуженное, то есть, клеймо. — *Н.М.*) повлияло на всю жизнь Вани. Скитаться начал... Приехал в Петрозаводск — опять уехал... С этого момента уже — ВНЕ семьи».

...Вытегра (лесосплав). Волго-Балтийский канал (работа на землечерпалке). Сплав в Пудоже — за Онегой, на восточном берегу...

Двинем багром, а ну-ка!
В заломе, гляди, вся излука!
Двинем багром веселее, —
Поможем безрукой!

«Залом» — это стихийное скопление бревён поперёк течения, все растущее и грозящее не только делу, но и самой жизни речников (о чем читаем, например, у Брет Гарта). Здесь требуется как можно более срочно сыскать в нагромождении уязвимую точку и на «обезумевшем» плоту или таком же ненормальном бревне, подлетев к ней, ударить багром без промаха. Так охотник на аллигатора должен метить чудищу в глаз и никуда больше, не то... Но поди — и в считанные секунды — разгляди этот «глаз» у опасности вовсе бесформенной и безглазой!.. С безудержной отвагой человека, которому в его шестнадцать лет действительно терять уже нечего, Иван Киуру первым (и частенько — без вызова) шёл на риск. «Меня ль на по-

рогах обманет / Поток, и коварный и шалый? / Или, ловко танцующий малый, / На плоту я промчу — горловиной?» — задастся он позднее в своих «Плотогонах» вопросом вполне риторическим, потому что ведь уж и промчал давно: ДВАЖДЫ промчал горловиною ВОДОПАДА за метр от «Низвержения в Мальстрем»...

Быстренько сообразили разные люди, что к чему в этой натуре, и не единожды расчётливо эксплуатировали бесшабашную отчаянность юноши. Всё самое трудное и опасное приходилось на долю Ивана Киуру. Но вот что всего интересней: шахты в тундрах, где он работал газомерщиком; геолого-разведовательная экспедиция в Карелии; труд каменщика в песках Средней Азии («лет наивных, тяжёлых, невзрослых») — обогащали или обкрадывали они его поэзию? Думается, что и то, и другое имело место. Обогащали — ярчайшими впечатлениями. И обкрадывали тем, что не давали эти впечатления записать.

Долго подавляемые против воли, эти впечатления опыта всё же вырвались после в «Каштановых тропах», в «Неунывающим клевере», в книге «Голос твой», в стихах, не вошедших в книги, во множестве песен... А в танковых частях в армии (во время вахт и перекуров) Иван Семёнович самостоятельно изучил английский язык, которым вскоре же овладел в совершенстве.

«Ах, долго, так долго я шёл по просторам Вселенной...» Воспринимать землю как Вселенную причин было много. И вот — Москва и Литинститут. И литературное поприще в центре интеллектуализма нашего — как же оно встретило юного сплавщика, едва ли не прямо с плота речного («с корабля на бал»!) шагнувшего на «арену»? Лучше всего об этом сказал сам поэт:

У каждого своя звезда.
Моя звезда — блокада.
Её прорву ли я когда?
Или... уже не надо?

...Один «великий» наш стихотворец (и, можно сказать, иконоборец: какую церковь, бывало, ни защитит — из той ценная икона запропадет, а то и целая серия!) написал, например, на «Неунывающий клевер»... рецензию не рецензию, а, как выразился сам Иван Семёнович, «хулиган-

скую записку». Но именно хулиганство редактором было уважено, а выход серьёзной книги вновь задержался на несколько лет... («Иконокрады и конокрады» — скаламбурил тогда Иван Семёнович). Обвинение поэта в «неумелости» было единственным содержанием фальшивки Иконоборца. Прихотливость ритмов верлибра и раёшника в книге — единственным «доказательством вины» поэта.

Словно бы и не вник, забыл эрудитствующий ценитель храмовых реликвий и «навозный эстет» (это тоже выражение Ивана Семёновича), что метрика пушкинской «Сказки о попе...», например, и даже размер кантемировский — до сих пор могут быть живы! Постарался «не заметить» рядом с порывисто-неравностопными стихотворениями Ивана Киуру другие стихи этого же автора, написанные во вполне традиционном размере! И способные, кажется, удовлетворить (по форме) даже самых взъерошенных защитников гладкописи и самых взвихренных, сметающих, как буря, все на своем пути, поклонников Чистописания!

«Только главные ритмы лови», — сказал Иван Киуру, наперед объяснив одной фразой весь метод свой. Но людям, знать, просто ПОНРАВИЛОСЬ длить кривотолки. Да неужели же кто-то всерьёз может подумать, что свои ритма, например, в «Чайке моря» сделаны всего лишь по «неспособности» автора обойтись гладью или сказать короче?!

Ты сколько сыграла великих трагедий!
Ты сколько тонула! — и вновь подымалась,
И льнула к волне... И крови твоей алость
Чистую! — вознесли облака на рассвете...

А песни? Откуда у якобы не владеющего ни рифмой, ни ритмом — песни? Жанр, связующий безмерную свободу с железной дисциплиной и логикой? А ведь песни Ивана Киуру захватили и пленили целую плеяду композиторов! Известных, как, скажем, Валерий Калистратов, и неизвестных. Профессиональных — и опирающихся лишь на интуицию (вроде преданной слуги вашей)... Причём на одну и ту же балладу поэта часто писали музыку два, а то и три композитора кряду.

Ибо в этих произведениях (что бы там ни утверждали авторы хулиганских записок, и как бы ни путали картину многие опечатки) до мнительности взвешено каждое сло-

во. Такая взвешенность и вообще характерна для ПЕСЕН-НОГО типа творчества, а, как нетрудно заметить, творчество Ивана Киуру — насквозь песенно и хореографично. Кстати же — одно только «Ах, одуванчик» он написал «нарочно как песню», чему я свидетель. Так не являются ли истинной загадкой искусства остальные его песни, написанные отнюдь не «как песни», а как простые стихи? Не работает ли иногда сама Гармония на Поэта и ЗА Поэта?!

Можно спорить о том, вписываются или нет песни Ивана Киуру в жанр полигимники. Если буквально, так в него вообще мало кто вписывается. Пора бы нам в этом себе признаться! Ну а если судить по духу самобытности, по эллинству и свободе, то Иван Семёнович, смею верить, полигимник самый типичный и натуральный. Никак не посягая на должность распределителя мест в поэзии (поющей, произносящейся или вовсе молчащей, — вспомнилось «Молчание песен» Ивана Киуру), могу свидетельствовать одно: на наших с ним общих концертах, где все, казалось бы, шло попеременно — его песня и моя; с моей музыкой и с другой; в моём исполнении и в другом, т.д. — НИ У КОГО И НИКОГДА так и не возник вопрос: а согласуются ли наши песни жанрово и можно ли их представлять вместе?!

Другие вопросы являлись. В том числе и огорчительные для нас. И только этот не пришёл никогда. Ни в какой ПУБЛИКЕ. Ни в каком зрительном зале. Никто до сих пор не открыл разнобоя и на наших общих с Иваном Семёновичем дисках.

Для чего же тогда происходило третирование поэта и по линии песен? А ведь оно — было. С «молчанием песен» (а простою прозой говоря, с их замалчиванием!) ведь только в 80-е годы было покончено: лишь в середине их одна за другой начали выходить в свет общие наши пластинки. И всё же, когда Иван Семёнович напевал свое любимое из Булата Окуджавы — «Неужели ты не слышишь, как весёлый барабанщик / с барабаном вдоль по улице идёт?» — впору было призадуматься: а не из тех ли он и сам весёлых барабанщиков, которых так долго НЕ СЛЫШАТЬ — надо же было ухитриться?!

Были у моей матери — Н.Т.Матвеевой-Орленевой — стихи о «весёлой гордости» какого-то человека («И гордости весёлой не берег»). Не иначе, как весёлой гордостью

(впрочем, поневоле ревниво оберегаемой) было отмечено — в большей части — и творчество Ивана Киуру. Именно гордостью, потому что весёлой ГОРДЫНИ ведь не бывает...

Но случайно ли то, что из-под весёлого пера автора «Неунывающего клевера»* нет-нет да и вырывались образы одиночества? «Мне хотелось бы песню сложить для гитары... Песню я бы такую сложил для гитары...» И вдруг — среди типично песенных повторов в написанных НЕ КАК ПЕСНЯ стихах:

Мне хотелось бы
Для одинокой гитары
Строй такой отыскать под ночными ветрами...

Слова человека, не одинокого (я думаю!) в своём доме; человека, поющего не в хоре (но и это не беда, а творческий принцип), однако же забытого обществом, обманутого коллегиальностью большинства. Слова человека, фактически исключённого из знаменитого «возьмёмся за руки», применяемого многими отнюдь не так красиво, как ведь наверняка представляется им самим! В чём, конечно, совсем не повинен тот, кто искренне желал нам «не пропасть поодиночке».

Иван Семёнович очень высоко ставил авторскую песню. К примеру, песню Городницкого, Дольского, Берковского, Кима... А Виктору Луферову даже посвятил стихотворение «Практическая метафизика» с луферовским же эпиграфом:

«Глянь, а кувшин зелёный / Полон, глянь, ребята, полон!»

Так как всегда относил Луферова, чему я свидетель и соучастник, к авторам таинственным, к романтикам непостижимого метода, «обманывающим», по мысли М.Цветаевой, и «вес и счёт»...

Несколько очень неравнодушных статей, острых, быстроходчивых до кого угодно, но (его слово) никак не ТОЛПОЗНЫХ написал Иван Семёнович о Владимире Высоцком; одну из них — в форме «Письма к редактору» газеты «Всё не так!». Быть может, от этой работы ему сле-

* Название одной из песен Ивана Киуру.

довало и удержаться — здоровье было подорвано. К тому же всего за полмесяца до того (если еще не меньше!) он завершил заветнейшую свою книгу-мечту «Дастан об ашугах, или Девушка из харчевни», и даже ещё не успел от неё опомниться... Этот — по определению автора — эссе-роман посвящён им (что явствует уже и из названия) моей скромной, а не такой-то уж достойной, на мой взгляд, личности. Но кому, с другой стороны, мог бы посвятить поэт свою книгу? Чью жизнь он знал лучше моей? Разве лишь свою собственную. Но ни о том, как будучи сам кругом заблокирован, зафлажкован, затёрт, он всяческими способами вызволял меня из бед; ни о том, как помогал мне во всём, в том числе в печатной реализации песен, в заботе о дисках, в устройстве концертов, где состроители его же и не стеснялись подвергать остракизму; ни о том, как читал со сцены мои стихи, ругался с моими редакторами глухой поры брежневизма; как — не без надрыва и несмотря на все мои протесты — бросал вызов зажимщикам моего опыта в прессе; ни о том, как заглавные трудности нашего быта он тоже взваливал на себя — в «Дастане» он речь не ведёт. А всё-таки это и его биография! Неожиданная повесть, рассказывающая об авторе больше, чем он сам предполагал поведать. Поэту нет смысла таиться: о чём он и умолчит — само скажется!

Больше того... Хотя «Девушка из харчевни» с её сочинительницей вместе и помещаются в центре событий, довольно места уделяет автор «Дастана» и другим представителям авторской песни, успевая порассудить и о природе жанра, и о природе творчества вообще. И о людях. Вообще. И о людях — в частности. И о нелюдях — тож.

Но... «Как я люблю людей!» — вдруг сказал он мне в свои последние дни... Ибо в обществе людском, несмотря ни на что, человек УПОРНО не хочет, не желает — и всё тут! — видеть увлечённую стаю своих преследователей, а хочет, наоборот, найти хоть какое-то утешение и средство от разочарований.

В городской толчее хорошо быть единому.
На альпийских лугах — одиноко...

Н. Матвеева
Октябрь-ноябрь 1992 года

ОТРАДА ТЁМНЫХ ДНЕЙ

ПОХВАЛА СВОЕЙ СКРОМНОСТИ

Рондо

Я разве часто слышал слово одобренья?
Зачем же укорять меня, что я угрюм,
Что горд и желчен мой подчас бывает ум, —
Когда я незнаком и с тенью одобренья?

И вот, как сам Господь во дни творенья, —
«Прекрасно сделано!» — себе я говорю,
Когда что-либо сотворю,
Как сам Господь во дни творенья...

Но — в скромности моей примите уверенья,
А также и в почтительности к вам, —
К сердцам всечувствующим, к умным головам...
И — в скромности моей примите уверенья!

1973

МЕЛОДИЯ ДЛЯ ГИТАРЫ

Мне хотелось бы песню сложить для гитары,
Чтобы в поздний полуночный час,
Взявшись за руки, малый, и юный, и старый,
Не смыкая под звёздами глаз,
Кружились
 под звон гитары.

Мне хотелось бы для одинокой гитары
Строй такой отыскать под ночными ветрами,
Чтобы в небе осеннем звезда засветилась,
И облака заблестали,
И танцуя, летя в никуда,
Кружились
 под звон гитары.

Всё равно я напев отыщу для гитары!
Ах, какой я напев отыщу для гитары!
Чтобы в поздний полуночный час пробудились
И весь белый свет,
И каждый из нас,
И тут же в пленительный пляс
Пустились
 под звон гитары.

Мне хотелось бы песню сложить для гитары,
Песню я бы такую сложил для гитары,
Чтобы в небе осеннем звезда засветилась,
И облака заблестали,
И танцуя, летя, летя в никуда,
Кружились
 под звон гитары.

Начало 70-х гг.

Медленно. В свободном ритме

Мне хо_ те_ лось бы пес_ ню сло_ жить

Не спеша, соблюдая ритм (♩=53)

для ги_ та_ ры, что_ бы

в позд_ ний по_ лу_ ноч_ ный час,

взяв_ шись за ру_ ки, ма_ лый, и ю_ ный, и ста_

рый, не смы_ ка_ я под звез_ да_ ми глаз,

кру_ жи_ лись под звон ги_ та_ ры.

В свободном ритме

Мне хо_ те_ лось бы для о_ ди_

Не спеша, соблюдая ритм

но кой ги_ та_ ры строй та_

кой от ыс_ кать под ноч_ ны_ ми вет_ ра_ ми,

что_ бы в не_ бе о_ сен_ нем звез_

да за све-ти- лась, и об-ла-ка за блис-
 та- ли, и тан-цу-я, ле-тя,
 ле-тя в ни-ку-да,
 кру-жи-лись под звон ги-та-ры.
 *)

В свободном ритме

Всё рав-но я на-пев о-ты-щу для ги-та-ры,
Не спеша, соблюдая ритм
 ах, ка-кой я на-пев о-ты-щу

для ги_ та_ ры, что_ бы в позд_ ний по_

лу_ ноч_ ный час про_ бу_ ди_ лись и весь бе_ лый

свет, и каж_ дый из нас, и

тут же в пле_ ни_ тель_ ный пляс

пус_ ти_ лись под

В свободном ритме

звон ги_ та_ ры. Мне хо_ те_ лось бы

пес_ ню сло_ жить для ги_ та_ ры,

Не спеша, соблюдая ритм

пес_ ню я бы та_ ку_ ю сло_ жил

для ги_ та_ ры, что_ бы в не_ бе о_ сен_

нем звез_ да за_ све_ ти_ лась, и об_ ла_ ка

Chords: Fm, E^b, B, E^b *, E^b, B, C^m, Fm, B, E^b, Fm, E^b, G₇

за_бли_ста_ли, и тан_цу_я, ле_тя,
 ле_тя в ни_ку_да,
 кру_жи_лись под звон ги_та_ры, кру_жи_лись под звон ги_та_ры.

*) Соло гитары

ПЛОТЫ

Вниз по реке, по реке,
Минуя за омутом омут,
Мчат, обезумев, плоты
В кипенье черёмух...

Петляет и кружит поток,
Прибрежную иву глотает...
Над водоворотом листок
Последний — дрожит и тает...

Двинем багром, а ну-ка!
В заломе, гляди, вся излука!
Двинем багром веселее, —
Поможем безрукой!

Вниз по реке, по реке
Умчали плоты за пороги...
Меж рыбами сонными, в бочаге,
Плавает месяц двурогий.

Всхлипывает невнятно вода
У прибрежной древесной ниши...
Мотив позабыт навсегда.
Но слышен отзвук... Слышен!..

Сосны скрипят натужно...
Грянем-ка песню дружно!
Чем можем, реке поможем.
И юность вернуть ей нужно!
И юность вернуть ей нужно!

Начало 70-х гг.

Не спеша (♩=76)

С Cm C Cm C C7 C

Вниз по ре_ ке, по ре_ ке,

F B/FF *)

ми_ ну_ я за о_ му_ том о_ мут,

C G7 C F G7

мчат, о_ бе_ зу_ мев, пло_ ты в кипень_ е че_ ре_ мух...

C

Пет_ ля_ ет и кру_ жит по_ ток, при_

G7 Cm

_ бреж_ ну_ ю и_ ву_ гла_ та_ ет... Над

G7 Cm

во_ до_ во_ ро_ том лис_ ток по_

3 3 G7

_ след_ ний — дро_ жит и та_

Cm G7 Cm

_ ет... Дви_ нем баг_ ром, а ну_ ка! В за_

G7 Eb

_ ло_ ме, гля_ ди, вся из_ лу_ ка! Дви_ нем баг_

B Eb G7

_ ром ве_ се_ ле_ е, — по_ мо_ жем без_ ру_

ке по мо_ жем. И ю_ ность вер_ нуть ей
 нуж_ но! И ю_ ность вер_ нуть ей нуж_ но!

*) Соло гитары

ЛАСТОЧКА

С Юга далёкого
К нам прилетела
Ласточка быстрокрылая!

Ласточка глину таскает в клюве,
Ласточка клювом лепит гнездо,
Ласточка птенчиков кормит из клюва
И клювом ловит мошек на лету!

И песню звонкую
В клюве приносит
Ласточка быстрокрылая!

Ласточку дети весною встречают,
К дому её привечают своему.

С Юга далёкого
К нам прилетела
Ласточка быстрокрылая...

70-е гг.

Неторопливо (♩=64)

С Юга да лёкого к нам прилетела
ласточка быстрокрылая! Ласточка
глину таскает в клюве, ласточка клювом
лепит гнездо, ласточка птенчиков

кор_ мит из клю_ ва и клю_ вом ло_ вит
 мо_ шек на ле_ ту! //му. // _я!

ТЕЛЁНОК ЛЁНЯ

Молодой телёнок Лёня
Целый день стоит на склоне.
Этот маленький телёнок
Только-только из пелёнок!

И на зелени горы
Его видят все дворы.

Молоком ты пахнешь, Лёня,
Юным листиком на клёне...
А с каким ты будешь видом,
Когда станешь Леонидом,

На народ глядеть честной
Новой будущей весной?

Сеном ты запахнешь, Лёня,
Сеном! Крепким сельским духом!
И по рогу по крутому
Завернёшь над каждым ухом!

Тебя станут обходить,
Чтоб на рог не угодить.

Запинаясь и робея,
Подойду тогда к тебе я...
Захочу с тобой поладить,
Как всегда, тебя погладить.

Но при ясном свете дня
Ты узнаешь ли меня?

Не узнаешь ты меня!

1971—1972, Сходня

Сдержанно (♩=72)

Мо_ ло_ дой те_ лё_ нок Лё_ ня це_ лый день сто_

ит на скло_ не. Ай - яй - яй - яй, ай - яй - яй -

_яй. // _яй (а)х ай, ай - яй - яй - яй.

И на зе_ ле_ ни го_ ры е_ го ви_ дят все дво_ ры,

е_ го ви_ дят все дво_ ры.

ПО МАЛИНУ!

По малину мы — ватагою,
По малину мы — весёлою,
Ой, по малину!
Эй, по малину!

Ой да по малину — с дикими,
С дикими лесными пчёлами, —
Ой, по малину!
Эй, по малину!

Ой, до чего красна она —
Ягода-малина алая!
Ягода-малина рдяная
На диво красна!

По малину мы — ватагою,
По малину мы — весёлою!
Красна на диво,
Красива, видна
Ягода-малина!

Собирали малину
От зари мы и дотемна:
Ветки наклоняли,
Ветки отпускали...
Ой, малина, ягода-красна!

По малину мы — ватагою,
По малину мы — весёлою:
Ой, по малину!
Эй, по малину!

Подвижно (♩=140)

По ма_ли_ну мы — ва_та_го_ю, по ма_ли_ну
мы — ве_се_ло_ю, ой, по ма_ли_ну!
ну! Эй, по ма_ли_ну! //

1. ли_ну! Ой, до че_го крас_на
о_на — я_го_да_ма_ли_на а_ла_я!
Я_го_да_ма_ли_на рдя_на_я на
ди_во крас_на! По ма_ли_ну
мы — ва_та_го_ю, по ма_ли_ну мы — ве_се_ло_ю!
Крас_на на ди_во, кра_си_ва,
вид_на я_го_да_ма_ли_на!

2. ли_ну! Ой, до че_го крас_на
о_на — я_го_да_ма_ли_на а_ла_я!
Я_го_да_ма_ли_на рдя_на_я на
ди_во крас_на! По ма_ли_ну
мы — ва_та_го_ю, по ма_ли_ну мы — ве_се_ло_ю!
Крас_на на ди_во, кра_си_ва,
вид_на я_го_да_ма_ли_на!

Со_ би_ ра_ ли ма_ ли_ ну от за_

ри мы и до тем_ на: вет_ ки на_ кло_ ня_ ли,

вет_ ки от_ пус_ ка_ ли... Ой, ма_ ли_ на, я_ го_ да - крас_

на! // по ма_ ли_ ну!

Замедляя

ЗОЛОТЫЕ ЗЁРНА

Как над тучей тёмно-синей,
Над соломенной хатой,
Над шумящею осиною
Месяц встал козлом рогатым.

Выходил-то он степенно...
Встал — и вмиг куда-то делся...
И за тучей переменной
Вновь возник — и завертелся...

А потом остановился
Над мерцающей дорогой.
Что-то вспомнил... Умилился...
Подмигнул звезде далёкой...

Три, четыре, пять... и десять
Звёзд открылось на просторах.
По волнам небесных лестниц
Пробежался лёгкий шорох, —

Словно там траву косили...
Тихо косы голосили...
На меня упал с осины
Жёлтых листьев лёгкий ворох...

Зренье мне обдав свеченьем,
Листья наземь улеглись.
Что гадать нам о значенье
Этих нежных жёлтых листьев?

В чужедальный синий космос
Птицы певчие умчали.
Лишь роняет зрелый колос
Зёрна золотой печали.

70-е гг., Сходня

Не быстро (♩=72)

*)

См

Как над ту_ чей тём_ но- си_ ней, над со_

G7 См

ло мен_ но_ ю_ ха_ той, над шу_ мя_ ще_ ю_ о_

G7 См

си ной ме_ сяц встал коз_ лом ро_ га_ тым.

Fm Gm Fm B

Вы_ хо_ дил - то он сте_ пен_ но... Встал — и

^{1.} E^b B E^b Fm Gm

вмиг ку_ да - то дел_ ся... И за ту_ чей пе_ ре_

Fm **Замедляя**)** 6

мен ной вновь воз_ ник — и за_ вер_ тел_ ся...

См **Темп I** ^{2.} E^b B E^b

А по_ // кры_ лось на про_ сто_ рах. По вол_

Fm Gm Fm **Замедляя**)** 6

_ нам не_ бес_ ных лест_ ниц про_ бе_ жал_ ся лёг_ кий

Темп I

шо_ рох, — слов_ но // Зрень_ е мне об_ дав све_

чень ем, листь_ я на_ земь у_ лег_ ли_ ся.

Что га_ дать нам о зна_ чень_ е

э_ тих неж_ ных жёл_ тых листь_ ев?

В чу_ же_ // зёр_ на зо_ ло_

той пе ча_ ли.

Замедляя

*) Соло гитары

**) Без гитарного сопровождения

ВЕЧЕРНИЕ ГРАЧИ

С востока бегущей испуганы ночью,
 Гнёзд своих ветхих влекомые мощью,
 Над деревом чёрным — в родимую рощу,
 Где луч, умирая, в вершинах блеснит,
 С криком смятенным грачиная стая,
 Пурпурное небо крылами листая,
 Взволнованно притчи свои причитая,
 С пажитей нищих и голых,
 С пажитей голых летит.

Под деревом чёрным, под небом вечерним
 Стою, восхищен вязов меркнувшей чернью!
 И гаснут в душе иглы тысячи терний
 Осенних... И в сердце восходит звезда!

С криком смятенным грачиная стая, —
 Взволнованно притчи свои причитая, —
 Мчится грачиная стая,
 Стая вечерних грачей.

70-е гг.

19-9-97

Умеренно (♩=104)

Музыкальный фрагмент в нотной записи. Ключевая подпись: Умеренно (♩=104). Музыка написана в тональности ми-бемоль мажор (два бемоля) и 3/4 такта. В начале и в конце фрагмента указаны аккорды Cm и G7. Под нотами приведены слова песни:

(закр. ртом) (конец)

С вос_ то_ ка бе_ гу_ щей ис_ пу_ га_ ны

ночь_ ю, гнёзд сво_ их вет_ хих вле_ ко_ мы_ е

мощ_ ю, над де_ ре_ вом чёр_ ным — в ро_

ди му ю ро шу, где луч, у ми ра я, в вер ши нах
 блес тит, с кри ком смя тен ным гра
 чи на я ста я, пур пур но е не бо кры
 ла ми лис та я, взвол но ван но прит чи сво
 и при чи та я, с па жи тей ни щих и го
 лых, с па жи тей го лых ле тит. // чей.

КОСА

Ой, коса ты моя, коса звонкая!
 Ой, коса ты моя ль, сплошь серебряная!
 Ты ведь выкована из жаворонкова
 Из июньского раннего пения!

Косовище твоё всё из лиственницы,
 А сама ль ты — из чистого серебра!
 Ты сверкаешь сверканьями быстрыми
 И звенишь, как струна и как дерево...

Посмотрите косу мою, люди села!
 На широкие мерные взмахи её...
 Вся тонка, — а гляди: и стога намела, —
 Доны полнит медовыми запахами!

Много дел у меня и забав у меня,
 А косьба ведь любезная самая!
 Ты — как быстрый полёт вороного коня,
 Ты — как песня, ой, чудо-коса моя!

Влагу тёмного ливня впитала земля,
 А расщедрилась буйными травами...
 Ой, под зноем пчелиным, под рокот шмеля
 Мы пройдем, прошумим меж дубравами!

Ой, коса ты моя, коса звонкая!
 Ох, коса ты моя ль, сплошь серебряная!
 Ты ведь выкована из жаворонкова
 Из июньского раннего пения!

70-е гг.

Сдержанно (♩=68)

Та - ра - ра...

Ой, ко_ са ты мо_ я, ко_ са звон_ ка_ я!

Ой, ко_ са ты мо_ я ль, сплошь се_ реб_ ря_ на_

я! Ты ведь вы_ ко_ ва_ на из жа_ во_ рон_ ко_ ва

из и_ юнь_ско_ го ра_ не го пе_ ни_

я! Ко_ со_ ви_ ще тво_ ё всё из лист_ вен_ ни_ цы,

а са_ ма ль ты — из чис_ то_ го се_ реб_

ра! Ты свер_ ка_ ешь свер_ кань_ я ми

быст_ ры_ ми и зве_ нишь, как стру_ на и как

де_ ре_ во... По_ смот_ //

са мо_ я! Вла_ гу // пе_ ни_ я!

ЖИВОПИСЬ ЛИСТА

Лист черёмухи — алый, золотой и зелёный,
 Кожу чёрную гибкого затуманил ствола.
 Это осень пришла, брат,
 Грач мой, в поле влюблённый,
 Это осень пришла,
 осень пришла!

На мосточках сядь-посиди
 В полдня кратком забытьи,
 Ты один,
 Твоя стая,
 Твоя стая
 гомонит у скирды.
 Тебе нужен, я знаю, глоток
 Этой тёмной осенней воды,
 Этой тёмной, подземной,
 Обновляющей душу, волшебной воды!

Начало 70-х гг.

Неторопливо (♩=78)

Лист че_ рё_ му_ хи — а_ лый,
 зо_ ло_ той и зе_ лё_ ный,
 ко_ жу чёр_ ну_ ю гиб_ ко_ го
 за_ ту_ ма_ нил ство_ ла.
 Э_ то о_ сень при_

_шла, брат, грач мой, в по ле влюб_лён_

ный, э то о_ сень при_шла, о_ сень

при_шла! На мос_точ_

_ках сядь - по_си_ди

*)

в пол_дня крат_ком за_бы_тьи,

В свободном ритме

ты о_дин, тво_я ста_я, тво_я

Темп I

ста_я го_мо_нит у скир_ды.

*)

Те_бе ну_жен, я зна_ю, гло_ток

*) Соло гитары

РОЩА ЗААЛЕЛА...

Не было морозов. Далеко был иней.
 Роща заалела под звездой синей.
 Роща заалела, роща зажелтела,
 Вечно быть зелёной, знать, не захотела!

То ли ветер ей, звеня,
 Шепчет, то ль ей снится?
 «Выйди замуж за меня,
 Красная девица!

Принесу тебе зарю, светом околдую
 И на память подарю флейту золотую!»

Роща встрепенулась,
 Роща задрожала.
 В ней душа проснулась,
 В ней любовь дышала!

Не было морозов. Далеко был иней.
 Роща заалела под звездой синей.

На заре краса девица на коня садилась...
 (Или ветра песня эта роще только снилась?)

Не было морозов. Далеко был иней.
 Роща заалела под звездой синей.

Возле рощи по земли шорохи носились,
 Травы под косой легли — ах! — отколосились...

Не было морозов. Далеко был иней.
 Роща заалела под звездой синей.

70-е гг.

Неторопливо (♩=76)

The image shows a musical score for a song. It consists of ten staves of music in a single system. The melody is written in a treble clef with a key signature of one flat (B-flat). The lyrics are written below the notes. Chord symbols are placed above the staff at various points. The score includes a first ending and a second ending, with a 'Замедляя' (Ritardando) marking above the second ending.

Не бы_ ло мо_ ро_ зов. Да_ ле_ ко был и_ ней.
 Ро_ ща за_ а_ ле_ ла под звез_ до_ ю си_ ней.
 Ро_ ща за_ а_ ле_ ла, ро_ ща за_ жел_ те_ ла,
 веч_ но быть зе_ лё_ ной, знать, не за_ хо_ те_ ла!
 То ли ве_ тер ей, зве_ ня, шеп_ чет, то ль ей снит_ ся?
 "Вый_ ди за_ муж за ме_ ня, крас_ на_ я де_ ви_ ца!
 При_ не_ су те_ бе за_ рю, све_ том о_ кол_ ду_ ю
 и на па_ мять по_ да_ рю флей_ ту зо_ ло_ ту_ ю!"
 //ней. //си_ ней.

Chord symbols: C, G7, Am, Dm, E7, F.

Performance markings: 1., 2., Замедляя.

*) Соло гитары

ГИМН СОЛНЦУ

Торжественно
Колесница Аполлона,
Поскрипывая рессорами, выезжает
На взгорье медленного небосклона,
Меня — человека простого,
Певца своего — поощряет,
Приступить к трудам разрешает
Бог златокудрый.

Молвит он:
— Не спеши, пристрастный,
Рушить старинные гимны.
Не славь божеств разномастных,
Но, как прежде, служи мне:
В просторах вселенских ведь единый,
Искусствам дающий законы,
Всё правлю я, как правил прежде,
Аполлон,
Бог вечноюный.

70-е гг.

Тор_ жест_ вен_ но ко_ лес_ ни_ ца

А_ пол_ ло_ на, по_ скри_ пы_ ва_ я рес_

со ра_ ми, вы_ ез_ жа_ ет на взгор_ е мед_ лен_

но го не_ бо_ скло_ на, ме_ ня_ -

че_ ло_ ве_ ка про_ сто_ го, пев_ ца

сво_ е_ го — по_ ощ_ ря_ ет, при_ сту_ пить к тру_

_ дам раз_ ре_ ша_ ет бог зла_ то_ куд_

_ рый. Мол_ вит он: — Не спе_

_ ши, при_ страст_ ный, ру_ шить ста_ рин_

_ ны е гим_ ны. Не славь бо_ жеств раз_ но_

_ маст_ ных, но, как преж_ де, слу_

_ жи мне: в про_ сто_ рах все_ лен_ ских ведь е_ ди_

_ ный, ис_ кус_ ствам да_ ю_ щий за_ ко_

_ ны, всё прав_ лю_ я, как пра_ вил преж_ де,

всё прав_ лю я, как пра_ вил преж_ де,
 всё прав_ лю я, как пра_ вил
 преж_ де, А_ пол_ лон, бог веч_ но_ ю_ ный.

ПЕСНЯ МОРЯКА

Был ли я капитаном?
Нет. Но матросом был.
Сам ставил мачты и сам же — э-гей! —
Я в бурю мачты рубил.

В ураганах, как птица, летал,
С буйной ватагой океан бороздил,
Плыл простором зелёным,
Серым простором плыл.

Море выплёскивает из себя
Цветоподобных медуз,
Но раковина жемчужная
Всегда — в глубине.

И во многие порты заходили мы
Познавать кабаки,
И там пускали мы немедленно в ход
Тоскующие кулаки.

Тяжеловаты были наши кулаки —
Вставали на суше мы не с той, видать,
ноги!

Зато, как чайки, на ванты
В море — взлетали мы...

Море выплёскивает из себя
Цветоподобных медуз,
Но раковина жемчужная
Всегда — в глубине*.

Был ли я капитаном?
Нет. Но матросом — был.
Сам ставил мачты и сам же — э-гей! —
Я в бурю мачты рубил.

Многие годы, как вода, утекли,
Как волны ушли они, исчезли между
скал...

Но разве теперь я знаю,
Чего я в море искал?

* Не поётся от слов "И во многие порты".

НА СИНЕМ МОРЕ

Корабли на синем море
По волнам плывут ночным,
Верный путь они находят
По огням береговым.

Подрасту я и, быть может,
Там — на скалах, вдалеке, —
Зажигать я стану пламя
Высоко на маяке.

Разыгралась непогода,
Шум дождя и ветра вой,
Но горит над бурным морем
Мой фонарь сторожевой.

70-е гг.

Не спеша (♩=64)

Ко раб_ли на си_нем мо_ре по вол_

нам плы_ вут ноч_ным, а - а - а - а, вер_ный

путь о_ни на хо_дят по ог_

ням бе_ре_го_вым. // _вым.

Над Москвой облака высоки,
 Над Москвою ревущие зори,
 Над Москвою — небесной реки
 Рукава! И небесное море...

И шумит, и вздыхает Кольцо
 До полуночи тяжким прибоем.
 И текучи душа и лицо...
 И бессильно тут слово любое.

Только главные ритмы лови!
 Но сознанию откроется бездна.
 И зачем говорить о любви?
 О любви говорить — бесполезно!

На высокую гору взойду,
 Ту, что вечной горой разумею!
 И — смущенной зари на виду —
 Назову эту землю своею.

Над Москвой облака высоки,
 Над Москвою — небесное море...

70-е гг.

Умеренно быстро, напевно (♩=100)

Над Моск_вой об_ла_ка вы_со_ки,
 над Моск_во_ю ре_ву_щи_е зо_ри,
 над Моск_во_ю — не_бес_ной ре_ки

ру_ ка_ ва! И не_ бес_ но_ е мо_ ре... //

е. Толь_ ко глав_ ны_ е рит_ мы ло_

ви! Но со_ зна_ н_ ю от_ кро_ ет_ ся без_ дна.

И за_ чем го_ во_ рить о люб_ ви?

О люб_ ви го_ во_ рить — бес_ по_ лез_ но!

// е_ ю. Над Моск_ вой об_ ла_ ка вы_ со_ ки,

над Моск_ во_ ю — не_ бес_ но_ е мо_ ре...

ВАРДАНЭ

Там в пятом часу запевают сверчки
о тёплой и звёздной ночи,
В колючем лесу и в садах у реки
звонят, как по камню, ключи.

Художник суровый, но где же лазурь
на звучном твоём полотне?
Закат разъярён, по-осеннему хмур,
с малиновым солнцем на дне.

А солнце сжигает валежники туч
на моря прозрачной волне.
Чем ближе закат, тем слышнее кричат
сверчки и дрозды Варданэ.

А море вздыхает, а море поёт,
поёт,
и празднует праздник вода.
И пляшет, и пенное кружево вьёт!..
Что морю века и года?

И берега радужен стал поворот,
И гор потемнела гряда...
И ночь от садов и от моря встаёт,
и в высотах восходит звезда.

1980

Подвижно (♩=156)

Там в пятом часу запевают сверчки
о тёплой и звёздной ночи,
в колючем лесу и в садах у реки

зве_ нят, как по кам_ ню, клю_ чи,

зве_ нят, как по кам_ ню, клю_ чи.

Ху_ дож_ ник су_ ро_ вый, но где же ла_

зурь на звуч ном тво_ ём по_ лот_ не?

За_ кат разъ_ я_ рён,

по - о_ сен_ не_ му хмур, с ма_ ли_

но вым солн_ цем на дне, с ма_

ли но_ вым солн_ цем на дне.

А мо_ ре взды_ ха_ ет, а мо_ ре по_

ёт, по ёт, и праз_ ну_ ет праз_ ник
 во_ да. И пля_ шет, и пен_ но_ е
 кру_ же_ во вьёт!.. Что мо_ рю ве_
 ка и го да? Что мо_ рю ве_ ка и го_
 да? И бе ре_ га ра_ ду_ жен
 стал по_ во_ рот, и гор
 по_ тем_ не_ ла гря_ да... И ночь от са_
 дов и от мо_ ря вста_ ёт, и в вы_
 со тах вос_ хо_ дит звез_ да, и в вы_ со_
Замедляя
 тах вос хо_ дит звез_ да.

*) Соло гитары

ТАБОР

Обрывок табора-ра-ра в дорогах Краснодара.
Да-ра, да-ра-да, ой, дара-дара-дара,
Расположился, погляди, у Скаредного Яра:
Яра-яра-я, ой, яра-яра-яра...

Стреноженные кони, глянь, пасутся у излуки.
(А ты себе гуляй, петляй себе, дорога!)
Спит у обочины старик-цыган, раскинув руки,
Да сокол в поднебесье реет одиноко.

Как после зимнего извоза на родных полатях
В раю мужицком спят,— так спят на солнцепёке
Цыганки старые и молодые, в пёстрых платьях,
И смуглых удалцов печален сон глубокий.

За верность пламени, ой, за кузнечные дела их
Отринуты они? Иль попросту устали?
Или — дорогою от белоснежных Гималаев —
В далёкий век от всех лошадиники отстали?

Нам не понять чумазых цыганят, весёлых малых,
Арбузом занятых, незрелым и зелёным,
От звёздного кружения, от зноя не усталых;
От стуж они закланы, ну а жгучий вихрь —
что им?!*

Неугомонные сверчки кричат, поют стозвонно...
В степях сама природа — быт, и нет иного быта.
...И снова платья на ветру, как пёстрые знамёна.
И снова — в долгий путь. Лишь цокают копыта...

И только сокол в небе реет одиноко.

1982

* Не поётся от слов "Нам не понять чумазых цыганят".

Неторопливо (♩=76)

Об_ры_ вок та_ бо_ ра - ра - ра в до ро_ гах

Крас_ но_ да_ ра. Да - ра,

да - ра - да, ой, да - ра - да - ра да

ра, рас_

по_ ло_ жил_ ся, по_ гля_ ди, у Ска_ ред_ но_ го

Я_ ра: я_ ра -

я_ ра - я, ой, я_ ра - я_ ра - я_ ра - я_ ра...

ра... // ли?

Не_ у_ го_ мон_ ны_ е сверч_

ки кри_ чат, по_ ют сто_ звон_ но...

В сте_ пях са_ ма при_ ро_ да —
 быт, и нет и_ но_ го бы_ та.
 ...И сно_ ва
 Fm Cm
 платье_ я на вет_ ру, как пёст_ ры_ е зна_ мё_ на.
 G7
 И сно_ ва — в дол_ гий
 Cm
 путь. Лишь цо_ ка_ ют ко_ пы_ та...
 G7 Замедляя
 И толь_ ко со_ кол
 Cm
 в не_ бе ре_ ет о_ ди_ но_ ко.

ПСЫ АРТЕМИДЫ

...Путника вдаль дорога манила,
Но пристать звал ручей под ветлою.
Ещё полная полночь не наступила,
Как месяца рог над скалою
Запел, —
Рассыпался долгим горном, —
И лань испуганная
К роще слух наклонила,
И ответили ущелья валторной.

И помчали,
Словно светлые девы охоты,
Сотканные лозами образы
Разом!
Сами!
И провалы ущелий
И пещер, не озарённые светом,
пустоты
Залаяли лунными псами...

Гомон гона всю ночь в рощах диких
петляет,
За облаками — едва затихает...
И месяц бегущий из лука стреляет...
И древностью благоухает!

И воочию вижу я псов Артемиды,
И вижу летучую богиню света,
Когда колышутся тени,
сияньем овиты

И камни,
Срываясь в ущелий пустыню,
Забарабанят где-то...

И ночь царственная,
И волны
Рождённого ею воображенья,
Полные сладостной жути,
Сердцу предлагают великое
отдохновение
И всем путникам —
От забот отдохнуть.

Грацию твою, облеченную в тайну,
О ночь,
Зачем отвергаю?
Не боюсь ли божественной Силы?
Когда в прозаические протоколы
(Кому они милы?)
Недостойно тебя облакаю.

Не подобает мне так относиться
к природе,
Даже в мире агоний — поющей,
Питающей и лечающей даже
своих разрушителей толпы,
Начало всему дающей...
Где отдых без неё
Ты нашёл бы?!

И часто мне месяца рог
Ночами трубит над скалою.
(Расцвели уже дикие вишни!)
Месяц ищет, всё ищет
Под — памяти нашей — скудной золою
То, что вспомнить порой не излишне!

...Извините уж,
Если мне лают псы Артемиды;
Извините, что я и вижу и чту
Богиню лунного света,
Когда движутся, движутся,
Кольшутся тени,
Сияньем овиты,
И камни, срываясь в ущелий
пустыню,
Забарабанят где-то...

Эхо разносится, утопая,
По омутам и затонам;
Со стоном —
Лист жёлтый упал,
Мрак свечением осыпая, —
Лист клёна...

(Ни чибиса не слышу,
Ни кулика, ни свиристели
И лебеди на Юг улетели!...)

1969

ЗАКАТ

Конница тумана мчится по ложбине:
Ветровые гривы серебристо-сини...
К стелющимся гривам всадники прильнули,
Из лозовых луков на закат стрельнули;
Небо загорелось и тотчас погасло...
Только месяц метит жёрдочку и прясло,
Да звезда мерцает точкой одинокой
Над последней хатой, за степной дорогой.

...Вдоль речной долины, близко от кургана,
Тихо спит дружина древнего тумана.

Начало 70-х

ЛУННАЯ НОЧЬ

И воздух замер, холоден и чист...
Деревья гордые черны в высокой стыни.
Ушли в себя дома, как схимники пустыни...
Лишь месяца прозрачно-жёлтый лист
Трепещет в звёздной паутине.
Стал слитным мир деревьев и домов;
Скрепленный месяца лучом и синим звоном,
Он по гармонии ночей живёт законам,
Ни очертаньями, ни звуками не нов, —
С Полярною звездой над небосклоном...
Но я такому ладу сердцем чужд;
Всё на местах... А где тепло движений?
Равно недвижны в нём явления, вещи, тени;
Не шелохнётся свет, почти не дрогнет куст...
И никнут крылья вдохновений!

1969

* * *

Я содрогнулся...
Свет погас.
Умолкло всё. Заголосило.
Я от земли оторван...
Кто? Пегас
Несёт меня?
Иль вражья сила?
Как бы то ни было, одно
Вполне отчётливо и достоверно:
Меня влечёт на жизни дно!
Но... Импульс тайный силы нервной
Глаза мои теперь открыл
Не на случайные предметы,
Дав мне для взлёта пару крыл.
И дух вознёс над мутью Леты.
И я не знаючи творю,
Поскольку сердцем понимаю,
Что речь правдиво говорю
И чувству вещему внимаю.

Я, духом воспарив, лечу,
Полёт как должное приемлю!
Но, съехав по звезды лучу,
Я крепко шмякнулся о землю!
Ко мне указчик подошел
И спрашивает: « Что ты видел?
Поправь свои стихи, осёл!
Твой гнусный слог меня обидел!
Асимметричен, пёстр твой стих,
И чёрт-те знает, где витает!..»

И стал я тяжек.
И притих,
Как тот валун, что оседает
На дно трясины средь лесов;
Стар, мудр, хвор, сердит, недужен, —
Среди таких же мудрецов,
Которым брат
Не нужен.

70-е гг.

ВОЛНА

Памяти Бетховена

Она — извечный водопад.
Вся — непрерывное движенье...
В ней вознесение и ад
Паденья; в ней небес и тёмной бездны пенье...
Вся — созиданье мимолетное она,
Вся — разрушенье;
Столпотворенье — и столпов распад.

Над незначительностью зря прожитых дней
Смеются скрипки, плачут арфы в ней
И слышен колокола отдалённого набат!

Скорей взгляни; крылом она взмахнула,
Вздохнула, родила дочернюю волну,
И грудью тяжкою к земле прильнула,
И схлынула назад — на миг уйти ко дну...

В ней всё текло и пело.
Диадема
Жемчужно-пенная — пути её к сердцам
Напрасно освещала... Неисчерпанная тема
Вернулась в глубину — преобразиться там!

Не удивись, когда она назад вернётся,
Не вняв ни критике, ни гласу жалких мер;
Неукротимая —
Симфонией
В сердца ворвётся
Жизнь рассказать.
И рассказать
Движенье
Дальних
Сфер...

70-е гг.

НОЧНОЙ СВЕТ

Благоухает тополь в тишине.
На всём — луны плодовый глянец.
На неба западной стене
Едва-едва сквозит румянец.

И ночь нежна. И мягок звук в ночи:
Любой — далёкий! — тайной дразнит.
И в молоке туманов плавают лучи
Луны. И в травах луговых купаюсь,
вязнут.

Сквозь ночь проглядывает липы жёлтый цвет.
В тени плетней невнятное круженье
Каких-то шёпотов... Движений нет,
Есть лишь лучей горячее скольженье.

Обнявшая и сад и луг,
Ночь, — каковой её я в юности сам-друг
Встречал, — ноктюрна преданный ценитель, —
Царит... В себя втянула всё вокруг
Её тревожная обитель.

О свет ночной, таинственнейший свет,
 Теплынь закатного несущий пекла
 И независимый ни в чём от наших бед, —
 Как ты колеблешься, как зыблешься, — одет
 В мерцанье — дней сгоревших — пепла...

И ночь кружит, тиха и хороша,
 И — снова юная — в свои немолодые
 Добру распахнута её душа,
 Дарующая труженику отдых.

Конец 60-х гг. или начало 70-х гг.

ВЕСНОЙ

Где долго так скитался ты, мой соловей?
 В каких лесах таил торжественные звуки?
 Давно из катакомбы вышел муравей
 Погреть на солнышке тоскующие руки...

Поверишь ли?!
 Тебя природа вся звала!
 И, в почках скрытая, листва тиши
 внимала,
 Взойти готовая, трава тебя ждала —
 Лишь твоего услышать жаждала сигнала!

Ты как-то незаметно в край наш прилетел:
 Невидимые струны протянул в листве,
 Развесил тамбурины,
 Флейты, цитры, лиры,
 И в тишине ночной ударил, засвистел...

И хлынул дождь,
 И ливень звуков долгожданный...
 Зимы и ночи немоту преодолев,
 Ты песню о цветущем Юге начал смело,
 Но он звучал большой поэмой — твой
 напев!

И вот, к восходу, все вокруг зазеленело...
Надежды песню ты пропел земным просторам...
О птица серая!
Что сделало тебя,
Столь незаметную,— природы дирижёром?!

Начало 70-х гг.

БАЛЛАДА О ЕЛИ

Еловая шишка — чешуйки из радуги!
Где ты росла? — Возле каменной Ладоги.
Я выростала на старенькой ели,
На камне суровом, под ропот метели,
В ливнях косых и в сиянии радуги
Ранней весной у рокочущей Ладоги.

Помню днём и ночью:
Облачные клочья,
Плеск волны и лунный свет.

Матушка-ель молоком нас поила
Из серого камня, из пены, из ила.
Матушка-ель нас качала, растила
И руны старинные нам говорила —
В ливнях косых и в сиянии радуги
Ранней весной у рокочущей Ладоги.

Помню чёлн рыбацкий,
Солнца луч горячий,
Беспокойный чайки крик...

Только достались нам годы суровые,
Годы суровые, бури свинцовые...
Пули от ветки меня оторвали,
А нежные руки потом — подобрали
И увезли меня в дальние дали,
На добрую память другим передали.

Нет! Не забыть мне рыбака
В старинной, допотопной шляпе.
Удилище — под облака!..
Дырявая жестянка в лапе...

Начало 70-х гг.

ЗЕМЛЕ

Целую пыль твоих дорог
И звёзды над тобой целую!
И жизнь, в которой я продрог,
И тяжесть зноя злую.

В любви и в смерти ты видна
До дна мне и до краю.
Ты для меня совсем одна —
Других я не узнаю.

Да, не узнаю я других.
Но в смертный час без сожаленья
Войду в курган твой, словно скиф,
Чтоб жить и после погребенья.

Умру ль в пути, умру ль в бою
Иль просто изведут собратья,
Но душу грешную мою
Ты примешь пламенно в объятья.

Затем, что я тебя любил
В нарядах и позорах вретисц
И чистой скорбию скорбил
О злых безумствах твоих детищ.

Целую пыль твоих дорог
И звёзды над тобой целую,
И жизнь, где горько я продрог,
И тяжесть зноя злую.

70-е гг.

И в облачных прятал проёмах
Лицо, словно делая кражу.

Грачи на деревьях молчали
До самого до рассвета,
Но, знать, и они замечали,
Что тайна свершается где-то...

Когда я под ясени вышел,
Мне чудились кашель, шуршанье;
Я в гнёздах, казалось, расслышал
Грачей беспокойных дыханье!

Когда же лучами спугнуло
Завесы тумана в ложбину
И солнце открыто взглянуло
На дороги
согбенную спину, —

То...— из обрывков тумана
Черёмухи белыми вышли.
Черёмухи... Но, неожиданно,
С черёмухами и вишни!

Мы долго стояли, как тени,
В тени журавля, у криницы...
Но отблеск весны и цветенья
Навек озарил наши лица.

В тумане светлом и тёплом
Околица плавала ночью,
И прямо над вишнями смело
Туманные реяли клочья.

70-е гг.

РАННИЕ РУЧЬИ

Снег на горке убывает:
Тает, тает, уплывает...
Из-под снега вышел пень
Поглядеть на ясный день.

Побежали, зажурчали —
Добежали до реки,
Быстроноги и легки,
Молодые ручейки.

У реки остановились,
Испугались, удивились:
«Ой! — шепнул ручей ручью. —
И куда я, бедный, мчу?..»

А другой сказал: «Глядите!
Вся река ещё во льду...
Вы, ребята, как хотите,
А я дальше не пойду...»

Но обратно не вернулись
Смельчаки-говорунуны:
Лишь калачиком свернулись —
И заснули до весны.

Около 1968

ПЕРВАЯ КАПЛЯ СОКА

Пчёлка яркая, живая,
Поднялась ещё до мая, —
Деловито права крылья,
Говоря: «Через ковыль я,
Поглядите, полечу...»
И стремится полёт к ручью...

Вот глядит, как вьются лозы,
Вот глядит, как из берёзы

Каплет ясный и прозрачный
(Миг прекрасный, час удачный!),
Каплет чистый светлый сок:
«Что ж... Наполним хоботок!

Полечу леском да лугом,
О весне скажу подругам,
Сёстрам, лёгким на полёт,
Сёстрам, ждущим только вести:
А в каком он спрятан месте, —
Сок целебный, словно мёд?

А вот эту каплю сока
В небо вознесу высоко;
Прямо к солнцу подыму!
А потом домой возьму, —
Нашей матушке родимой,
Государыне пчелиной!»...

70-е гг.

МАЛЬЧИК МАЙ

Тинистые волосы — зелёные нити
Вётры да лозы принимались вити,
лесные созданья
без роду и званья
На пир созывати —
Весну пировати
раннею ранью.

А дождик барабанил
В листве среди ветвей,
Нашёптывал, названивал
И звал весну скорей...

Упрямо и настойчиво,
Вблизи и вдалеке
Сквозь ливень мальчик Май шагал
с подснежником в руке,
Сквозь ливень мальчик Май шагал
с подснежником в руке.

За рощею туманной
 он лёгкий сплёл венок
Из первых одуванчиков —
 и бросил возле ног,
Как если бы заветный
 он выполнил зарок.

И дождик удивлённый
Умолк среди ветвей,
И горько, горько причитал
(Как если бы и впрямь страдал!)
Весёлый соловей.

Тут мальчик Май растаял,
 а мир расцвёл для всех,
Тут мальчик Май растаял,
 а мир расцвёл для всех!
Но до сих пор за рощей,
Орешником поросшей,
Мне дивный слышен смех,

Невнятный голос флейты
 и лёгкий шум шагов,
Когда случайный дождик
идёт из облаков...

Упрямо и настойчиво,
 вблизи и вдалеке,
Я помню, — мальчик Май шагал
 с подснежником в руке...
Я помню! — мальчик Май шагал
 с подснежником в руке.

1972

ДОЖДЬ

Светлый, быстрый, долгоногий,
Переливчатый, весёлый,
Подбежал к окну — и в поле
Мчит уже своей дорогой,

Пыль — сердитыми клубками,
Пыль — и здесь, и там взметая:
Стройный — звучными ногами
Топоча, бренча... Взлетая...

О скрипач звонкоголосый!
(Видно струны — рук не видно!..)
О танцор светловолосый!
(Ветра нет — волос не видно!)

Множествен в лице едином, —
Где набрал ты столько скрипок?
Над природой господином
Стал — и вездесущ, и гибок...

Под твоими башмаками
Закипает в речке пена...
Полон радужных сверканий
Мир — твоя большая сцена!

В нём мелодий столько чудных
Ты пропел! И вмиг растаял...
На пространствах, блеском скудных,
Столько песен ты оставил!..

И уже когда исчез ты,
Ты не канул в волны Леты:
Слышу скрипки и челесты,
Слышу пляс под кастаньеты!..

70-е гг.

ПРАЗДНИК

По деревне — стук да бряк, —
Едет сказочный добряк!
Тиньги-бриньги — драндулет...
Едет добрый старый дед.

Цок-цок-цок — лошадка пега...
Весело скрипит телега,
А в телеге той гора
Всевозможного добра!

Подъезжает к водокачке.
По бокам бегут собачки;
Возле самого их носа
Быстро крутятся колеса...

Дед смеётся, дед поёт,
Всем гостинцы раздаёт.
Мы за дедушкой бежим, —
Его дружбой дорожим!

Дед везет с собой матрёшек,
Много всяких ярких брошек,
И свистульки, и шары —
Всё, что нужно для игры!

Право, если бы не лето,
Мы бы думали, что это
Настоящий Дед Мороз —
Столько счастья он привёз!

Начало 70-х гг.

ПЕСНЬ РОДНИКА

В неизвестном лесу зелёном
(Благословен прекрасный миг!)
Усталый путник, истомлённый,
Я на горах нашёл родник.

Родник поющий и звенящий,
Он шёл из недр, у валуна.
Вставали пальмовою чащей
Песчин вращения со дна.

Созвездий высь там отдыхала.
Не знал родник ни лет, ни зим.
И папоротников опахала
Склонялись тёмные над ним.

Там вниз катился и скользил
по камню
Серебряный воды ячмень...
Там, под боярышником, помню,
Я брал и пил — за жменью жмень.

О, это утоление жажды,
Ученье жизненным азам!
Там с ветки на меня, отважный,
Глядел почти ручной фазан,

Перепела в траве звенели,
Стоял сурок, свой знак жуя,
Долины вдалеке синели,
И в щель свою текла змея...

Вокруг висели шелковицы,
И груш, и диких слив плоды...
Следам печали и тщеты
Там было не в чем отразиться.

Но даже зверь, и гад, и птица —
Живут ли возле родника?
Всяк под свою звезду стремится
И всех зовёт своя река!

И, чистым благодарный струям,
Я оторвался, как во сне,
От них...
Но, древний пир пируя,
Они и днесь живут во мне.

70-е гг.

ВОДОПАД

Сползая с круч, вопит поток
О чём-то тяжком, мощном, многом...
Как в креслах каменных сам бог,
Клянущий год, когда стал богом!

О скалы бьет плечом и лбом,
Как брата загубивший Каин,
И в исступлении слепом
С волною мечет в пропасть камень.

Забыв с неведомых времён
И смех, и пляс, и всю беспечность,
Как Прометей он обречён
Страдать и час, и год, и вечность.

Он людям дал огонь и жизнь,
И всё — в рожденьях мирозданья...
Малюет низ его и высь
Турист, не зная состраданья!

Он, жалкий денежный мешок,
Там с объективом суетится,
Где в муках стонет вещей бог
И цепи разорвать стремится!

Богач суть червь. Не он богат —
Природа вечная богата.
Но для него к ней путь заклят.
И суть любых вещей заклята.

70-е гг.

МОЙ ВОРОНЁНОК

С воронёнком сажу на бугре.
И железнодорожной
Линии поворот прилежно пишу, осторожно.
Берёзы пишу над рекой колеи, и пишу воронёнка,
Свежестью утра дышу и слышу, как звонко,

Весело и настойчиво, стыки чугунные перебирая,
Поезд летит, ритмы строк моих перевирая,
Поезд зелёный летит... Он уже за дугой поворота!..
Брызгаясь солнечной пылью,
С берёзой, с травой охота

Речи болтать ему, всякие сплетни плести, и судачить,
С рельсами трéкать —
мирного пассажира любой надеждой дурачить.

Пусть его! Весел? И пусть его весел!
Май своих листьев зелёных гирлянды кругом поразвесил!
Мой воронёнок в траве копошится, кружит, куролесит,
Разгуливает неспешно,— ибо жить ему долго-предолго!
На травах зелёных — солнце святых поднебесий,
Что мир обогрело, озеленило, холмы и поля осветило:
Как дворника рано встающего,
работающего честно и с толком,
Благословило его
И в долголетье билетом зелёным своим наградило!

Радуйся, мой воронёнок, в зарослях
Ковыля, лопуха, иван-чая,
В зарослях знойного, терпкостью жизни пропахшего
чернобыля:
Солнце, планету качая, пути обходя и все примечая,
И тебя, воронёнка, улыбкой своей одарить не забыло!

ВЕЧЕРНИЙ ЭТЮД

Холмы красновато-серы́
Стадо стекает с горы
Пёстрой живою рекой,

Волнами, как тени, бегущими,
Вечера мир стерегущими,
Спугнуть ни за что не могущими
Заката уют и покой.

Уж в сетке тумана холмы...
В мечту углубились умы...
И светится глина едва, —

(Давно ль голуба и рубинова
От августа чуда рябинова, —
Беспокойного, звонкого,
длинного?) —

...И черна под ногами ботва.

70-е гг.

ВЕЧЕРНЯЯ ЗВЕЗДА

Где-то в даях созрел виноград,
Бог вина одарил его блеском,
Но чему же и рад и не рад
Я, шагая сквозным перелеском?

Нет, не надобен мне виноград,
Его гроздья, огнем налитые!
Мои кони умчали, уплыли в закат, —
Эй вы, кони мои золотые!

Что ж я вдаль, как безумный, гляжу
За холмы над вечерним простором?
Ничего впереди я не жду,
Ни сейчас, ни во времени скором.

Но упрямая в сердце мечта
 Всё глядит огневые закаты,
 Где поёт и звенит горизонта черта,
 Вьётся пыль... Эй вы, кони крылаты!..

Как неслись, как летели они!
 Что ж вы, милые, так торопились?
 Степь цвела, степь зелёной была, —
 Белым инеем травы покрылись...

Что же вдаль я гляжу, всё гляжу?
 Мои кони за сумраком где-то...
 От судьбы уж давно ничего я не жду —
 Или жду? Только нет мне ответа.

И восходит над рощей звезда, —
 Я люблю ее свет отдалённый...
 Жаркой пылью земной пропылённый,
 Я люблю твою тайну, звезда!

70-е гг.

ГДЕ ВЫ, МЕСЯЦ?

— Где Вы, светлый Месяц?
 — На пороге Ночи.
 — Не пора ли выйти, свет послать
скорей
 На лесные тропы, запутанные очень,
 И от зверя хитрого
 моих спасти зверей?

Друг наш, месяц ясный, факельщик
небесный!
 Не пора ли звёзды в небе зажигать?
 Чтобы всем скитальцам
 В странах неизвестных
 Было бы не страшно
и легко шагать.

Где Вы, светлый Месяц,
Сторож ночи главный?!
Те, кто нынче дома, тоже Вам видны!
Дайте ж им немного
Снов дивных и забавных,
А также
Подарите им
О дорогах сны.

70-е гг.

ГРУШИ ПАДАЮТ

Оскудели утр летних облака венецианские, —
На деревья протекли, окрасили подсолнухи,
И поблёкли... В сарафаны яркие, цыганские
Выряженными — уже глядят черёмухи.

Вспыхнул клён невиданным доселе жарким
полымею.
Трактора в полях орут с утра до полночи.
С любопытством смотрит солнце
из колодцев облачных
На грачей над жёлтыми скирдами голыми.

Смотрит солнце из колодцев на опушки
огненно-вишнёвые,
На зелёный воротник речушки — с тиной изумрудной
да осокою,
На мосточки, через речку перекинутые, новые,
На печаль земли осеннюю, — с тревогою высокою...

До свиданья, лето северное, красное, недолгое!
Краски новые в оврагах, в буераках плещутся...
Глаз глядит, не в силах этой роскошью
натешиться...
Гулко бич пастуший за орешниками щёлкает.

Невольно перекрестится, кто суеверен, —
Так шум ее глубок, далёк, отчаян
и безмерен,
Так пламенем трагическим горят ее листы!

В ней к осени бывает много суеты...
Но лист её так свеж, и кругл,
и на луну похож
Весенним утром ранним
(Когда совсем немислим нож
В её сердечной ране!),
Когда, подобно лебеди, она плывёт в тумане,
Спокойная, забыв заботы и дела, —
Тогда, из зимней мглы пришедшая,
Она мила!
Приятен страннику её чуть внятный
лепет;
Она свой образ из мечты волокон лепит,
Растёт,
Неравная себе, равнине не равна...
«Иудиным» зачем-то дровом названа.

70-е гг.

ПЛЮЩ

Отшумело, отгуляло,
Отзвенело лето красное.
В знойной тишине полей,
В тени прохладных кущ, —
Лето страдное, кипучее
И лето праздное!..
Только вслед ему — бродяга —
Смотрит плющ.

Смотрит горестно, бродяга одинокий,
Плющ, бродяжкин сын!
Смотрит, как ветрище,
Пьян и злющ,
Вётры гнёт,

И лист червонный рвёт
Осин, —
Легу красному вослед
На юг, на юг бегущ...

Отшумело лето,
Отсверкало грозами великими
(Во смятении полей,
В угрюмом шуме роц!),
Без которых травы
И деревья с птицами
Поникли бы...
Но следы его — зачем,
Зачем смывает дождь?!
Отзвенело лето...

Долго будет
И рыдать о нем и плакати,
Словно кающийся грешник,
На себе одежды рвуц,
Во безмерной серости,
Над морем слякоти,
Сын бродяжки,
Честный сердцем,
Чуткий плюц.

70-е гг.

Глянь! — в гущу зелени уж вкрался красный лист.
И потускнели облака, и отсырели:
Их цвет разбогател, оттенками волнист,
Но слышится в них зов трубы, а не свирели.

Свой свет натруженное солнце льёт щедрей
На крупную росой остуженную землю.
И подосиновик несёт грибник в ведре,
А белые грибы — ещё под елью дремлют.

Зарёй — пронзительней звучит лягуший квак.
Оркестр грачей несуетлив, но громок.
Несёт корзины под базарный флаг
Пенсионер — и сыплет овощ из котомок.

И вспоминает дни, когда он молод был,
Когда картошка в десять раз крупнее
Была. Грачиный грай был выше и звучнее,
И жизнь — мила! Земля? — Земля всегда кругла!

Как прежде, впрочем, зелен огурец
И красен бок весёлый помидора!
«И всё ж... Опять скажу: не тот пошёл скворец —
Поёт не в лад, болтает без разбора...

Но облака — ох, облака все те ж:
Небес высоты красят и линуют,
Румяны да белы — и (как там? — цвета беж?)
Всё так же душу тешат и волнуют!»...

...Да! Облака — всё те ж. Их вековечен пир;
В них безоглядности какой-то куролесье...
Всё той же их реки питает млечный мир,
Бегущий вечно в поднебесье!

И я — в честь осени — свой стих раскрепощу;
Я тоже порезвлюсь (как старики и дети!),
Пригоршню выдумок в весёлую пращу
Вложу —
И запущу гулять на свете!..

70-е гг.

ОСЕНЬ ИДЁТ ПО ЗЕМЛЕ

Осень идёт по земле,
Невнятно лесам напевая,
Прозрачные сны навевая
Туманным просторам полей.

 Не видел, не слышал никто,
 Когда, принимаясь за дело,
 Она в лёгкий туман всё одела —
 От листвы до последних цветов.

Мир шелохнуться не смел.
И только за рощею дальней —
Там колоколец беспечальный
Лету песнь последнюю пропел...

 Ясень стоял на холме,
 Околдованный нежным туманом,
 Юной осени дивным обманом, —
 Сам уже в золотой бахrome.

Вдоль молчаливой реки
Прозрачными копнами ивы
Стояли — нежны, молчаливы
И легки, бесконечно легки...

 Обманчива осени
 Тишь:
 Вся — недвижность, а вечно в движенье!
 Вся молчанье — а в ком столько пенья?
 Да услышишь ли?
 Всё ль углядишь?

* * *

Тихо падает лист на заре.
Вкрался в травы прибрежные иней.
Глубоко дышит мир в сентябре
Под напевы трубы журавлиной.

И в безмерность небес я смотрю
(Долог зов журавлиный и странен!)...
Дух бесчинный стихами смирю
Этим утром сентябрьским, ранним.

И мелодия, дивно проста,
Вдаль уходит, кружа надо мною...
В сентябре мне нужна высота,
В сентябре я сражён глубиною.

...На заре мы с насиженных гнёзд
Поднялись,
Гибкой строчкою стали,
Дабы между туманов и звёзд
Путь прокладывать в дали.

Наш косяк
Путь свой долгий творит
(Скорби мира и блеск его — с нами!),
Над горой, над полями парит,
Над сентябрьскими лесами...

Нам вожак протрубил на заре
Вечных странствий высокой трубою,
Оторвал от травы в серебре
И повёл в облака за собою.

На заре нам мерцают поля,
Пар над ширью озимых дымится...
Не зови, не зови нас, земля!
На заре нам нельзя приземлиться.

И виденьем встанут на заре
Нам над тучей далёкие горы;
Дивный город на вечной горе
И слепит, и туманит нам взоры.

К морю манит нас путь в сентябре,
Нас чарует дорог окаянство...
Вы горьки, вы сладки на заре,
Страх, надежда и жажда пространства!

...Над заливом знакомым
Труба
Так поёт в сентябре век от века —
Духом зрячая, оком слепа —
И смущает покой человека.

70-е гг.

* * *

От северной половины земного шара
Солнце отворачиваться стало —
Устало.
Океан рассердился,
Ветер дохнул,
К небу взметнул облака!..

С корзинкой пустою
Бреду по лесов опустелых базарам,
И ливни косые
Пляшут, как бесы босые,
Ручьями взрывая тропу,
А мне, как снопу,
Обивая бока...

В посвистах ветра,
в дождей несмолкаемых гулах
Ни птиц, ни зверьков не видать,
и не слышно людей...
Я нашел на пеньке
три опёнка сутулых,
два ореха на ветке
да с пяток желудей.

КОНИ

Отсверкали косы те
По росе холодной...
Лист кружится в высоте,
Жёлтый и свободный.

Ветры спят, им снятся сны:
Рога рёв утробный.
Как ночные табуны,
Вышли в поле копыны.

Песня, притча и судьба —
Призрак чьей-то боли,
Вьётся, кружится тропа
В лес, в луга и в поле.

И, как человек, по ней
Скачет воронёнок...
Над печалью жёлтых пней
Воздух чист и тонок.

Кони мимо пронеслись,
Будто бы приснились;
Пыль дороги дальней ввысь
Взвихрили. И скрылись.

Объявились и ушли
Золотые кони...
Млечный путь простор земли
К снам забытым клонит.

Бродят звёзды в вышине,
В мировой пустыне.
Только звёзды в вышине...
Кони!
Где вы ныне?!

Начало 70-х гг.

ЛЕБЕДЬ

Дни и ночи летние улетели прочь.
Слышу клики лебеда, слышу день и ночь!
Где ты, песнь победная, как весны прибор?
Птица моя бедная, что это с тобой?!

С глянца вод холодного в северную даль
Горькая, свободная — всё летит печаль...
Лес красой не радует, а пригож — до слёз.
Прямо в душу падает золото берёз.

Что душой утеряно? Где для сердца щит?
Камень серый берега знает, да молчит.
Всё пройдёт, всё стерпится. О судьбе слепой
Камышинки шепчутся тихо меж собой.

Осень эту длинную надо превозмочь!
Песню лебединую слышу день и ночь...
Песня небогатая над рекой без дна.
Но судьба крылатая
Песне той дана!..

Вторая половина 70-х гг.

ЛЁН

Памяти Сергея Есенина

До свиданья, мой лён, до свиданья,
До зелёной, до новой весны!
Белый лён мой, пора увяданья
Навевает багряные сны...

Спутник детства далёкого, раннего,
То ль с полей, то ль с небес высоты
В бубенцы ты названивал странные,
Зим прохладных дарил нам холсты.

Ведь по всей необъятной России
Взгляд, бывало, куда ты ни кинь,
Там из неба таинственной сини
Ткал ты нежно-лиловую синь!

Внятен был, как струенье метелей,
И прохладен, как чудо зимы,
На полянах золотых среди елей,
Среди жаркой задумчивой тьмы.

Лён-кудесник, смешной, как мечтанье,
Как мечтанье, святой и простой, —
И в комбайнов неласковой длани
Ты сияешь, как встарь, молодой!

О таких говорят: «Семижилен!»
И ласкают в великой Руси...
О, в каких тебя ригах сушили!
А бивали! Господь упаси!

Не сдающийся в жизни собачей,
Но выносив, как всякий святой,
Опалён ты и степью горячей,
И холодной синей звездой.

Помнишь, были тобою овиты
Тропы радостью брезжущих лет?
Жаворонков ткачёвые свиты
Колдовали наш дивный рассвет!

Но ведь осень пришла. До свиданья,
До зелёной, до новой весны!
Верный лён мой, пора увяданья
Навевает багряные сны.

Мы уходим, мы в дали уходим,
Говорим же: покуда... Пока...
Наш напев только рощам угоден,
Но, чудак! — им названье — века.

Начало 70-х гг.

СНЕЖНЫЙ РОМАНС

Морозное раннее утро.
Янтарна смола на дровах.
Деревья, кусты и заборы
И окна домов — в кружевах.

С собою не ведая сладу
(В наш — увы! — не романсовый век),
Всю ночь тихо падал и прядал
При звёздах сверкающий снег.

И, старец блистательно-дерзкий
(А значит, не очень-то стар),
Из-за своей занавески
Его наблюдал самовар,

Мурлыча старинную песню
О гусарах, о ямщиках,
О свадьбах известных прелестниц
И о лихих рысаках.

«Ах, времечко, время-то было!
И так я, случалось, певал,
Что дорого, любо и мило...
Аж сам о себе забывал!

Уж петь нам — известное дело! —
Не хуже того ямщика...
И угольем сердце горело,
И жаром пылала щека!

А нынче... — да что уж об этом!..
Бог весть, что я, старый, несу...»
И вслед своим песням пропетым
Послал ненароком слезу.

А снег, молодой и нарядный,
Неторопливо плывёт,
О жизни — простой ли, парадной, —
О юности вспомнить зовёт...

И снова, забыв про обиды
На годы свои, самовар
Про чьи-то поёт нам «ланиты»,
Про звон андалузских гитар.

...Морозное раннее утро.
Янтарна смола на дровах...
Деревья, кусты и заборы
И окна домов —
В кружевах.

Начало 70-х гг.

ПЕСНЬ О ПОСЛЕДНЕМ СНЕГЕ

Апрель сверканья полон был,
Апрель сверканья полон был,
И хвоя высохла уже на елях,
И снег зимы давно забыл
Своё кружение в метелях
И тихо лежа воздух пил...

Ах, снег последний, серый снег,
Апрельский снег, весенний, синий,
Ты горько доживал свой век
Под елями, в сырой низине.

А вспомни утро февраля,
А вспомни утро февраля,
Тогда был праздник твой великий!

Ты был щедрее короля,
Летел, как гений светлоликий,
Любовь и музыку даря...

Ах, бедный снег, последний снег,
Стопами ног чужих попранный!
Где танец твой? Твой лёгкий бег?
Ручьями льются твои раны...

Теперь твой путь к реке, к реке,
Теперь твой путь к реке, к реке,
Ночуешь ты, бедняк, в овраге,

И о тебе, о старике,
Кто вспомнит? — о таком бродяге
В дырявеньком дождевике?

Всё, что имел, ты раздарил
Тому позорищу, в котором —
Пока пел песни, говорил,
Плясал — великим был актером!

— Ха-ха! Какая,— скажут,— ложь!
Ха-ха! Какая,— скажут,— ложь!
Он не дарил, он сам был нищий,

Всегда готовый ни за грош
Скакать, плясать вокруг жилища...
Убогий! Что с него возьмешь?!

...И ты пошел, пошел в овраг
Своей походкой тихой, зыбкой.
И яркий представленья флаг
Спустил с язвительной улыбкой.

70-е гг.

СЕРДЦЕ СКАКУНА

Глянь: вышел на охоту лев.
Гляди: трепещет лань!
А злобный радуется злу,
Неправым рад делам...
Глупец! Надолго ль самому
Утеха чёрная дана?
Луна чернеет. Гнев колеблет
Сердце скакуна!

Добро и зло изведал я.
До дна познал язык
Смиренно-праведных людей;
И зверя грозный рык;
Змеиный шип; и пёстрых птиц
Разноречивый хор...
И человеку — с давних пор —
Опорой быть привык.

Я дружбу сеял! (Пусть вражду
Разносит подлый раб!)
Я Душанбе связал с тобой,
Гиссар! И с тобой, Куляб;
Я с Бухарой соединил
И Копет-Даг и Небит-Даг,
И, в испытаньях неустанный,
В скитаньях не ослаб.

Летит Земля... И я лечу —
Поэтами забыт;
Им различим уже не след,
А СВЕТ моих копыт...
Мне самому слышна едва
Безвестных судеб ворожба...
Но у меня была такая
Славная судьба!

Но мне под звёздами
досталась
Добрая судьба!

70-е гг.

ИКАР

Опустилась на мир бесподобная тишь.
Лишь звезда отдаленная слабо мерцает.
Сын Дедала — Икарус, безумный Мальш,
Чья там гнусная лира тебя отрицает?

Ты взлетел над морями и плена избег.
И движенье познал, и — на миг, но —
свободу!

А что был ты воистину человек,
Не понять твоему антиподу.

А море шумит,
А море гремит,
Бьёт камнем о камень; ударит
В граниты, — и в небо под луны стремится
Волну (чья изгибы нигде не спрямит),
И песню поёт об Икаре.

А ты, доброволец темницы своей,
Поющий для хлеба и сыру,
Стань мужем разумным:
Прозрей, и разбей —
О стену разбей свою лиру.

70-е гг.

СТРЕМЛЕНИЕ

Имбирь,
Корица,
Перец!
Пряности благословенных
 стран за морями южными
Легендами Тысячи и Одной ночи
 пахнули
 в пылающие лица воинов, купцов
 и мореходов,
Взбудоражили страны;
 как валы океана
 материки всколыхнули;
Из сельского захолустья, из глухомани
 (что между Португалией и кичливой Испанией)
 призвали к великому делу жизни
Фернандо Магеллана.

Имбирь,
Корица,
Перец —
Пряности благословенных стран
 за морями южными!
Детства ночами вьюжными
 и на меня со страниц повеяли
Ваши ароматы —
 те, что к жизни когда-то вызвали
В соснах дремлющие каравеллы,
И корабли малые,
И громадные их армады...

И несли они:
 золото королям,
Купцам — корицу, имбирь и перец,
 великие идеи — ученым и поэтам,
Легенды — народу,
И неутоление жажды, и гибель —
 воителю и мореходу,
И открывали Свет Новый
 и с двух сторон —
Индии берег...

И воплям вдов и сирот на великих реках
Была стихия океанов рада,
И дивилась безумному смеху
на вантах танцующего человека,
Провидящего вдали Эльдорадо...

И шли на дно:
Имбирь, корица, перец —
пряности благословенных
Стран,— и с ними иллюзии смелых,
и великие виды...
И на дно погружались барки и каравеллы,
и принимали их Океан
И Океаниды...

70-е гг.

ВЕНЕЦИЯ

Ты встала из лагун виденьем золотым,
Игрою облаков, что о заре пылают,
Убранством царским, очертанием простым, —
По прихоти богов, которые желают

Неясным символом народы удивить
И миру показать: что может стать, что будет...
И вдали глядящему в какой-то миг явить,
Сколь мир ничтожен в лапах судеб.

Ты встала из лагун и объявила всем:
«Весь мир — мираж, но я-то не исчезну...»
И что ж? Бегут века... И вот уже совсем
Погрузишься ты скоро в моря бездну...

Не потому ли, что твой медник, твой рыбак,
Строитель и кормилец твой унижен
Нуждой средь роскоши,— свой разум нёс в кабак
И жёг — наёмником — свободу чуждых хижин?!

Иль, золото гребя со всех концов земли,
В дурмане, в забытьи, в гондол глухом скольженье, —
Ты упустила миг?.. Дворцы твои пошли
На погруженье, погруженье...

Ужель зазнаться — всех царей и царств закон?
Ужели тщетны всех строителей старанья?
Ужель неясно, сколь обманчив злата звон
И сколь напрасны злодеянья?!

И погружаются великие на дно
Творенья гениев: колонна, полотно...
Когда бы зодчий это знал и знал художник!
Гадаю: неужели всё равно
Бессонной полночью пылал бы их треножник?!

Всегда пылал бы!
Так заведено;
Есть, есть и у Прекрасного защита!
Возникнув раз, уж не умрёт оно:
В нём тайна будущего скрыта!..

...Плыви ж, куда плывёшь,— виденьем золотым;
Игрою облаков, что о заре пылают,
Убранством царским, очертанием простым, —
По прихоти богов, что нас дивить желают.

70-е гг.

БАРКАРОЛА

Светлой памяти Наташи Чагаевой

Вдоль Большого Канала Венеции
Плывут за гондолой гондола.
А Бродяжке-то некуда деться ведь —
Ноги босы и тело голо.

Он когда объявился в Венеции?
О том вам никто не скажет...
Не увидит прохожий — венец его,
Раны его — не помажет.

Кто Бродяжку возьмёт в гондолу?
Шаль накинет на голые плечи?
Кто Бродяжку возьмёт в гондолу?
Раны его залечит?

...И текут века за веками...
И плывут по Каналу гондолы...
И уже обратился в камень
Бродяжка босой и голый.

Камень жив! Его кожа трепещет
Утром зябким, и серым, и лунным...
Даже рыбы плывут из Лагуны
Глядеть эту скорбную вечность...

Кто Бродяжку возьмёт в гондолу?
Шаль накинет на голые плечи?
Кто Бродяжку возьмёт в гондолу?
Раны его залечит?

Уж давно обратился он в камень,
Но витает душа его где-то —
Дорогами долгих исканий,
По базарам безумного света...

В полдни летние городу жарко.
А бродяжке всегда только зябко.
Лишь голубки небесная лапка
Его греет в республике Марка.

Кто Бродяжку возьмёт в гондолу?
Шаль накинет на голые плечи?
Кто Бродяжку возьмёт в гондолу?
Раны его залечит?

А на мосточках на каменных
У далёкого синего моря
Под небом лазурным и пламенным
Сына ищет и кличет сеньора...

1977, Переделкино

ВЕЧЕРНИЙ ГОЛЬФСТРИМ

И вот он опять закружился —
таинственный, белый и серый,
И сотнями вьющихся нитей он крыши
соседних домов отдалил, —
Последний и первый, летящий со всеми, со всеми
Людьми тротуара, под сенью вечерних светил,
под сенью вечерних светил!

Вечерний мой снег, мой прекрасный!
Танцор, чарователь огнями
Струящихся окон, и на одинокие липы глядящих витрин,
И фонаря моего, под которым —
горячим и чёрным потоком —
По улице Горького мчится народный Гольфстрим,
Вечерний народный Гольфстрим!

Вечерний Гольфстрим, под потоком
вечернего первого снега!..
Перед собранием книг в нем на миг потерял я тебя...
И кружится в снежных потоках неведомый
всадник далёкого века,
И кружится снег, белой свежестью руки и лица кропя,
свежестью лица кропя!

Он кружит, и вѣтса, и липовый лист,
и фонарь закрывает,
Срывает венец повседневности ветер вечерний со лбов...
И тихо летят в нем машины,
и звонко поют в нем трамвай,
Поют эту встречу короткую нашу,
и вечную нашу любовь,
и вечную нашу любовь!

70-е гг.

ВОСЕМНАДЦАТЫЙ ВЕК

...И отшумел, и отсверкал он — восемнадцатый:
блистательный, великий
над каменными львами гневного Петра...
Век окрика, и славы, и галантной книги,
Карьер головокружительных и вспышек топора.

Венеция, и Амстердам, и Вавилонии грифон не вечный,
И сфинкс Египта, шею выгнувший дугой...
Вре́мён немало спрессовал фольянт библиотечный,
Но, дикий просвещенья век! — как никакой другой,
Ты жив: надменный, авантюрный и беспечный!

Твой сын любой Отечеству примерным был слугой!
Он в три погибели гнул смерда крепостного...
Иллюминацию любил, и кружева, и всякий маскарад...
Награды царские, добытые в раденье многом...
Но и погибнуть за отечество всегда был рад.
И строил Петербург он, и ваял, и строил.
И над Невой капризной возносил мостов дугу,
Дворцы, подобные венецианским, статуи богов, героев...

Почто ж нескорбно лицезреть их не могу?
О Петербург! Изящный, правильный, галантный!
Твоих сооружений гнёт несу уже три века я...
Ведь кто они: кариатиды города и гордые атланты?
Средь них мой прадед и прабабка бедная моя.
И что им славные дела царей и страсти их дурные?

И отчего те камни восемнадцатого века душу в плен берут?
Страдания кариатид понятны, и прозрачны сны их,
И вздох летит из мраморов... Дрожат прожилки руд
Карелии, Урала и Сибири
От невских берегов и до амурских вод!..
Цивилизации насильственной невероятный плод
Собой народы удивил в подлунном мире...

Но кто тот век окаменелый, как себя, поймёт?

Начало 70-х гг.

КРАТКОВРЕМЕННЫЙ ДОЖДЬ

«Кратковременный» дождик пошёл...
Зарядил, бедолага, на месяц!
Трактор глину дорожную месит.
Идёт кратковременный дождь.

Вот идёт он и месяц, и два...
Автопарк по трясинам рассеян.
Агроном уже вовсе растерян;
Все идёт кратковременный дождь!

Вот уж осень незваной пришла;
В поле надо бы выйти комбайну...
Кто откроет великую тайну:
Скоро ль кончится маленький дождь?

Кратковременный! Не мудри!
Глянь, уж травы легли и поволгли...
Назовись лучше долгим-предолгим,
Но не шпась от зари до зари!

Так незваный является гость;
Говорит: «Постели мне солому»,
А потом... и хозяев из дому
Гонит вон. В «кратковременный»

ДОЖДЬ.

ПРОСВЕТЛЕНИЕ

Боярышник

встал на дыбы (немного не заржал!),
 Поплыл куда-то вдаль крик долгий петушиный...
 Из тьмы зелёной — гроздьев жар
 Горит — изнеженной рябины.

Взгляд окон прояснился — любознательнее
стал,
 Преодолея бесстыдство лени коровьей,
 И — чистотой очков по рощам завитал,
 Душевым преисполненный здоровьем.

Как будто скаредности дух дождем наотмашь смывает,
 И лень куда-то ветром сдута...
 И, в прах на кой-то миг повержен, гнусный быт
 Стал скромным представителем уюта.

Пора морозов — далека...
 А уж земля звонка;
 Ударники плодов по ней безбожно барабанят!
 Они — пускай на миг, зато наверняка! —
 Слух обывателя тоской неизъяснимой ранят!

И говорит он: «Что-то этакое в мире есть...
 Есть... непонятное какое-то в подлунном мире,
 Которое не съесть, на рубль не перевести,
 И даже всяких предписаний ЭТО шире!..»

Ещё бы! Отчего же, от своих вериг,
 И не гонимый из дому и в лес
не приглашённый,
 Туда летишь ты, потерять боишься миг,
 Торопишься, как словно оглашенный?

Ты жара полн... От хлада утра не продрог...
 «Есть нечто в мире, кроме денег», — ты
подметил тонко!

Всю ночь трубил тебе про это
 Месяца высокий рог
 И звонко по земле гуляло эхо гонга...

КУВШИНКА

Чёткость линий у лилии белой,
Но смещает их утренний свет.
Её венчик
В подвижный, несмелый
Ореол — очень чуткий! — одет.

Нет!
Кувшинку назвать неподвижной
Не посмеет — внимательно зряц!
Лишь затем, что не реет
(ненужный!)
На плече её ветренный плащ.

Из воды, не колеблемой звуком,
Кто всех чутче следит небосвод?
Неизвестная важным наукам,
Но — о тайнах Вселенной поёт?

Голос трав неизвестен наукам.
Голос трав и тишайших цветов...
Поражённый привычки недугом,
Всяк лишь громкого слушать готов!

Нежен голос у лилии белой.
Сколько жизни в ней!
Сколько игры!
Среди слизи болот перезрелых
В ней далёкие светят миры.

Около 1975

РУДЫ. ЛУННЫЙ ПУТЬ

Двигутся в небе лунные копны,
Тенями слопаны южные склоны
В молчанье ушедшего ночью предгорья.
Молчанию лунному вторя,
Бормочут деревья в садах придорожных
Ученые сны исламистских схоластик.
Дорога, пройдя по оврагам скуластым,
Своё обманула кремнистое тело:
Холм обогнула, на гребень взлетела
Во славу Пророка — местного бога.
Ступнями пробита, задумана далью,
Вверх
Просвистела
Полуспиралью...

И вот
Она вниз
На себя поглядела
В сады. И вернуться к себе пожелала
(Где яблоня цветом нездешним пылала!),
Но не смогла...
Горным долинам себя раздарила.
Птицею в тайну ущелий слетела.
В огнищах лунных сгорела дотла.

Лишь вился в пыли у цветущего сада
След слеповатый ползучего гада,
След слеповатый, след недалёкий.
Да прыгал тушканчик в траве у дороги.
И гимны луне стрекотала
Цикада.

Август 1977

Разграничатся в небе темноты
и просинь:
Верю, вся твоя серость — от позы.

И зачем шарлатанствовать великанам —
В пользу серости (ради моды!),
И новую серость дарить
обезумевшим странам,
И просто дурачить народы?

Дождь,
Надежду нам даждь!..

Октябрь 1977

* * *

Самолёт,
подобный тени
Беспокойных сновидений
с необъятными правами, —
Проскользил за деревьями.

Бор высокий, — жёлтый,
стройный,
Вымазанный чёрной хвоей,
Словно волк, ответил воем...
И притих, как мир огромный.

Звёзды в космосе скользящем
(Звёзды, путь чей не размечен),
Звёзды в космосе скользящем,
Или космос — бесконечен?

Я не знаю: так ли, этак?..
Упадёт ли с тайн завеса?
Но в текучем свете веток
Чую вечность, вечность — леса!

1977

Зов благородной крови?
Адский труд?
Иль равнодушья дар?
Любови светлой дар ли?
И падает Икар.
 А по канатам всё идут
 Над безднами партера
 Маленькие Чарли.

1978

К МОЕЙ ГОЛОВЕ

Мировая глотка
 Мирового тела
Ещё от рождения моего
 меня поглотить хотела.
Колыбель мою колебали,
 взрывами сотрясали
 великие войны,
И не пелись мне былины,
 старинные руны
 и дойны.

И, как заведено испокон,
 от рожденья времён —
Звуки в тебе, голова, как-то сами
 рождались,
Души вокруг появлялись, появлялись,
Но сражались, сражались, и снова
 сражались,
И где-то внутри колебался тот самый
 нравственный вещей закон,
И над подобными тебе головами
Звёзды в небесах сотрясались.

Из развалин выкарабкивался я,
 из блокад выходил,
 пожарами опалённый,

К удивлению своему, всегда живой,
и напрасно дивился,
Ибо к жизни стремится для жизни рождённый!
«Господи! — думал я про себя.— И на кой Тебе
примечталась
Жизнь моя, в прорвах Твоих — такая малейшая
малость?»
Я работал на жизнь, голова,
а мимо тебя пролетали науки...
Но в меня, голова, проникали
только симфоний божественных
звуки!
И оттого, голова моя, о голова моя
плюс два уха,
Так и не постигли мы бездны идей
Мирового духа.

И рад бы стараться, но как же я
от тебя, ясноокой, скрою? —
Не ради корысти и суетной чести тобой рисковал я
порою.
Потом же, опять, дабы просто
тебя
Спасти,— приходилось бороться, бороться, бороться...
Водицу солёную пить-попивать из полупустого колодца.
И жизни подорожника подобно,
взошедшего прямо в движении
буйного тракта, —
В нудных, ненужных сражениях жизнь
твоя и моя протекала...
Вот так-то,
О голова моя,
Постигала
ты жизнь Мирового тела.

Но, голова моя, буйная голова и два уха!
Не только постигнуть, но и другим
передать мы стремились
поэмы
не тела, а духа.

О голова моя!
Подобие раковины в безбрежности
мирового океана!
Теперь, я надеюсь, дошло до тебя,
отчего ты настолько глупа
и невинна,
и, как миф, первозданна?

29 ноября 1977

ЦЫГАНСКАЯ РУНА

*И на землю
Цыганом я рождён...
(Из финской народной песни)*

Зачем судьба меня гнетёт?
За что? За непохожесть?
За что цыган судил Господь
На злую непохожесть?

Ай, гитара!
Пой, моя гитара!
Плачь, моя гитара!

В небе звёзды ходят
Вечными кругами,
А цыгане бродят
Чуждыми лугами,
Чёрными лугами!..

Нищ и неприкаян,
С нами — чёрный Каин,
С нами вечный Каин
И злодей Иуда!
Но цыган — не Каин;
Песня — не оттуда!

Босые по земле бредём.
Мы, нищие, бредём веками!
Но ведь играем и поём
Лишь мы — свободные цыгане!

Чужда к богатству суета
Цыгану! И чужда гордыня.
Но буйные зовут меня места,
То мать свобод — пустыня!

Ай, гитара!
Пой, моя гитара!
Плачь, моя гитара!

В пляске до упаду
За небесным яром
Я коня украду,
Я коня украду, —
С дивными крылами,
Вещего украду, —
Улечу, как пламя!

Когда мы — с песней — умираем,
Смеётся глупый и слепой
Народ!..
И, всеми презираем,
Я в тьме веков борюсь с судьбой!

Ой, по чёрным рекам
Сколько лет я плавал,
Пока мою душу
Не оставил дьявол!

Эй, гитара!
Пой, моя гитара!
Плачь, моя гитара!

В пляске до упаду
За небесным яром
Я любовь украду!
Пой, моя гитара,
Трогай сердце жалом!
Я любовь добуду
За небесным яром!

Ой ты, лопарёнок, — с нами спой!
Станцуй, суровый мальчик,
С нами,
Под бедной северной звездой, —
С дороги дальней королями!

Ай, гитара!
Пой, моя гитара!
Плачь, моя гитара!

23 декабря 1979

* * *

Язык мой скачет впереди меня!
В нём столько неуёмной прыти,
Что из дому — средь бела дня —
С ним прямо страшно выходити!

Извечным жаром воспалён,
Разгорячён, как перец красен, —
Уж не решил ли, право, он,
Что для любых ушей прекрасен?

Порой он души чаровал...
Я видел: души расцветали!
Но он покоя не давал
Ушам. И уши — увядали.

Потом хозяева ушей
На нас глядели зло и грозно,
Не ведая в душе своей,
Что с языком живём мы...
розно!

Язык мой скачет впереди меня:
В нём столько неудержной прыти,
Что из дому средь бела дня
Мне с ним опасно выходити!

Язык мой!
Друг мой!
Меньше мне вреди!
Ведь было бы совсем другое
дело,
Когда бы сам я мчался впереди,
А ты — за мною крался бы несмело.

Осень 1980

СТИХИ С НОВОМОДНОЙ РИФМОЙ

На этом свете многое понятно,
И лишь одно не ясно мне вполне:
На солнце люди вечно ищут пятна,
Так что ж они не ищут их в... — в том,
в чём следовало бы
искать?

80-е гг.

ИНТЕРМЕДИЯ

Миру нужны перемены.
И не может он без перемен.
Чаплин сошёл со сцены.
На сцену вскочил — супермен.

Джентльменски подтянут,
наряден,
И с улыбкою волевой,
И ослепительно-зауряден,
Он ковбойски мотнул головой,

Подмигнул удивлённым народам:
Дескать, — зрелищ уважим азарт!
Если Чарли стократ вами продан,
Значит, нужен вам — Я, бонапарт!

ДАЛЁКОЕ СОЛНЦЕ

Не журчат и не кипят
Ручейки. И птиц не слышно.
Спит скворечник. Дремлет вишня.
Тихо. Сухо. Неподвижно
Дремлет лес. Дороги спят

В думах утра одиноких...
Миг покоя на реке.
Очертанья храма строги
На холме... и гор отроги
Вижу в дальнем далеке.

Между первых солнца стрел
В небо жаворонок, полон
Сил незримых, полетел...
В небо, жаворонок! Ворон
Снов зимы не досмотрел —

Пусть! Нам что? Он ворон —
вещий,
Вечный. Вспоминать о нём
Ни к чему. Восток уж плещет
Утра чудного огнём.
Ну-ка, в небо сиганём!

За Дугою Воронёнка
Первый поезд речи звонко, —
Зелен и не пропылён, —
Трёкает, в простор влюблён...
Но уйдет за рощи он.

Вестью жизни, веткой мая
(Пальмовой!) себе внимая,
Мчит он в дальние края...
Что ему свирель твоя?
Пусть! Нам — что мечтать
о нём?

Это мы взрастили Мышиный горошек!
Это мы вокруг него танцевали:
"Цвети, цвети, наш Мышиный горошек,
То сиреневый, то лиловый,
Всегда новый!
Вырасти, вырасти, наш Мышиный
горошек,
То сиреневый, то лиловый, —
Всегда новый!.."»

80-е гг.

• • •

Уж не в утро ли июня
Бытие земное
Зарождалось в недрах цветового сна?
Есть один-единственный напев у зноя,
И ему название — тишина.

Пчёл неутомонных медленное пенье.
Тени резкие берёз — движенья
лишены.

Клён уже не юноша, но весь
в смятенье

И в недоуменье
От оранжевой такой, горячей тишины.

Звякнуло ведро...
Найду в сарае косу,
Косу я направлю старую свою —
Выйду на луга; зарю златоволосу
В поле встречу. Утру подпою!

Ты звени, коса моя! И мягко, чисто
Травы буйные мне под ноги стели!
Падает с листа роса... И звонко,
истово

Трели жаворонка взмыли...
Зрячим стал простор земли!

То не ты ль, коса, из поймы ребуши тумана
 Вымела? Не ты ль, кузнечик,
 Солнце полудня принес?
 Здесь, в томленьи иван-чая, мяты и дурмана
 Свет слепящ,
 Зной нестерпим,
 Чернеют тени лоз...

Видел утром ты, как луч бежал от клейких,
 От наивных, как само младенчество, берёз?
 Подростковых, луговых?
 Так вырывается из клетки
 Песня! И гляди, простор
 Её уже разнёс...

Так что, видишь, хаживал и я по тем зелёным
 По лугам, по тропам знойным межевым;
 Мир полей всегда мне снился населённым,
 И не верю я, что стал он неживым.

Вольные зимой там голосят метели,
 Пчёлам лето дарит золотой уют...
 Но друзей моих там голоса,
наверно, отзвенели.

В тех лугах
другие голоса
 Теперь поют.

Июнь, август 1980, Сходня

ТЫ ВЕЛИКОЛЕПЕН!

Лишь вчера лиловый, лёгкий, поднебесный,
 Пчёлами звенящий под небесной бездной, —
 Обернулся клевер грозовою тучей
 И на холм улёгся, тяжкий и могучий...

Он звенел всё лето о бок рощ осиновых
 В колокольцев синее небо лебединое.
 Чуден, как сама земля, щедр, широк, размашист,
 Мёдом он поил шмеля в горечи ромашек!

Что же обернулся он, лёгкий — тучей тяжкой?
Что же вдруг утасла в нём жёлтая ромашка?
Что ж пропах он чаем — тело огрубело?
Песня жаворонка к югу отлетела...

Всем известно, клевер, что ты села кормишь,
Что твои целебны нашим землям корни:
Пусть прославлен только мной, но для всех
целебен,
Клевер! Мощью неземной ты великолепен!

На опушках на лесных — тёмных или светлых,
Горделив, спокоен, тих, как всегда — приветлив,
И с улыбкой на лице, как звезда на небе,
Клевер! В смертных трав пыльце —
ты великолепен!

Ты — трава. И я — трава!
Но какие травы!
В Звёздной хартии права
Есть у нас для славы...

Пусть прославлен только мной,
Но, как луч, целебен —
Клевер! —
Силой неземной —
Ты великолепен!

Начало 80-х гг.

Облака сенокоса стоят над землёй.
Город гарью и терпкою пылью пропах.
И на вязах старинных и древних дубах
Оседают июнь бархатистой золой...
Облака сенокоса стоят над землёй.

1980

ОТРАДА ТЁМНЫХ ДНЕЙ...

Отрада тёмных дней — янтарные рябины:
Созвездья горьких ягод в листьях кружевных!
Печальные, как песня
Крепостной рабыни,
Правдивые, как вздох, как мученика стих,
Встающий из руин обитателей честных;
Рябины жаркие — над скудостью лесных
Полян,
Отнюдь не расписных...
Отрада тёмных дней. Свеченье соков дивных...

Под каменными небесами яркий слышен
Гимн их;
В морозах — ал, багрян в дождях, косых
И проливных...
В трудах, скитаниях и в кратких
Радостях земных
Не забывай свеченья соков дивных!

Созвездья горьких ягод в листьях кружевных
И на холме,
И среди ровных долины...

80-е гг.

СОЛОВЕЙ

Я с гениальным соловьём знаком когда-то
был.

Ах, Боже мой! Великий Боже!
Ни на кого на свете не похожий, —
Какими звуками он этот мир кропил!

В монашеское серенькое платьице одет, —
Грошового он не стеснялся одеянья.
Но как сияли нам его деянья!
Он этот мир спасал — вперёд — от многих
бед...

Вот на разбой, гляди, крадётс я тёмный тать,
Нож мести о свою же душу точит.
Но — первозданная! — звучит в утробе ночи
Трель!.. И — застигнутым врасплох
Устам — не удержать невольный вздох,
Глазам — слезой раскаянья блистать!

Ах, соловей мой, соловей мой, соловей!
Где ты теперь, старинный мой знакомец?
Глубокий трагик,
Тонкий комик,
Великий лирик,— соловей!

Уж я нейду в чужой далёкий сад,
Туда, где дивные метались многозвонья...
Но вспоминаю снова их сегодня, —
И молод сердцем, и душою рад!

Возможно, 1981

КОНЬ В РАССВЕТЕ

Над рекою он стоит. Он копытом звонко стукнул, —
Окоём ему аукнул, звякнул бледный лунный щит.
На кургане он стоит. Нервно прядает ушами,
А вдали за камышами ранний луч птенцом пищит...

Чуя целый окоём, чуя чудо окоёма,
Он в заре царит, как дома. И зовется он — конём.
Даже звук его копыт был в родных степях забыт.
Но его на белый свет возвратил поэт.

В чутко вытянутой шее кротость, воля и наив;
От неё сверканьем веет гроз — на жажду мощных нив.
Круглый глаз дымится влажно, звёздным блеском осиян...
Только юность так отважно видит жизни океан!

Чуть дымился лунный кратер. Ночь, как день, была светла,
Когда в поле твоя матерь тебя миру принесла.
В тот июнь в стране ковыльной был весёлый терпкий зной.
И невидимые крылья ветер дал тебе степной!

Я твой брат, я друг твой старый!
Нам с тобой противна ложь!
К жарким звёздам и стожарам
Песнь любви ты ржаньем шлешь.
За космическою далью (свет в пустынях чтоб не гас)
Исключить исход летальный нам поможет лишь... Пегас!

Мне с тобой приятна встреча, как с младенчества мечтой...
Но — лишь миг — и ты далече; канул за чертой крутой.
Конь мой!
Между нами — камень,
Реки и материка...
Но взойдешь ты над веками.
Остальное пустыяки.
Тает в Гималаях лёд.
Звонко горлинка поёт,
А рассвет зажжёт камыш.
К западу сползает тишь...

Солнцу дикий древний гимн,
Слово песни сокровенной, —
Конь!
Видением мгновенным
Ты сверкнёшь векам иным.

1986

ОБИДА ПОСЕЙДОНА

Не жилец ни дворца, ни трущобы, — в бесподобье своём
он уверен.
Он и нравом широк, неумерен! (Щедр, бессмертен и...
суверен!)
Не должник, но одалживать может. Он смертных и кормит
и множит,
Живя по бессмертья законам, — приходом-расходом не
скован.
Как при греках, велик и отчаян.
Отчего же он нынче печален?

Тяжка Посейдонова участь: бескрайность,
бездонность, могучесть, —
К чему это все, если каждый купец оскорбить его жаждет?
На лазурном божественном лоне оставляя следы
дурновоний,
От Арагвы до Тихого Дона — кто как может грязнит
Посейдона!

Он то ясен, как Феб, то набычен,
То он добр, то свиреп — необычен!
Но и даже в экстазе гораздо —
Кто увидит его безобразным?
Кто видал? Да никто. Да ещё бы;
Не жилец ни дворца, ни трущобы,
В бесподобье своём он уверен,
Бессмертен и щедр. И безмерен.

Спокоен, лёгок, строен, горд,
На рдяной предоктябрьской грани,
В листвы горячем умиранье
Он снега первого аккорд
Почуял нынче ранью ранней...

1989

НЕПРИКАЯННЫМ

Анастасии Ивановне Цветаевой

Есть слабость в силе.
В слабости есть сила!
Лишь неприкаянности в мире
Не положен срок.
Гомера тайну Илиада воскресила
И повела загадками
Семи дорог.

Гомер есть тайна.
Тайна — драма, лирика и эпос.
Без правдолюбцев мир богат, но беден,
Всемогущ, но сир.
И Кронос громоздит абсурд новейший
На ветхозаветную нелепость.
И вот — единая загадка — и Элада,
и Сибирь...

Поэты — славный орден утешенья,
Вы — милосердия и злой и добрый орден:
Сердца, открытые победе
И позору пораженья.
И — неразгаданные! Ибо путь не пройден!

И — непрочитанные, ибо путь не пройден.
Не прочитав себя, мир жаждет милосердья.
Поэты — утешенья бесприютный гордый орден
И орден покаяния
И человечьего бессмертья.

Вы — от неправды и от скверны орден
очищенья,
Источник неприметного, но верного сиянья.
Читающие
Сердцем и душой
Правдивые ученья,
Вы — орден и простосердечия
И покаянья.

И неразгаданные! Ибо путь не пройден.
Сердца, открытые победе
И позору пораженья.
Вы — милосердия и злой и добрый орден.
И в неприкаянности вашей —
Миру утешенье!..

И в неприкаянности вашей — луч целебный.
И Слово — Бог.
И след его незаменим.
Как вечный хлебный злак на почвах бедных,
Жнецу горящий светом неземным.

Злак знатен силой, золотым обильем.
Звук — правдой кровотокащей,
сердечною, живой.
И правда в мире есть
благодаря усильям
Поэтов неприкаянности мировой.

2 января 1990

КРАСНЫЙ ЗВЕРЬ

Новелле Матвеевой

Холм и деревья вверх взлетели.
В снегах да в инее — всё — фону фон.
Тут скоро будут петь метели...
Но снегириный телефон
Ошибку взгляда быстро правит.
Привет, ноябрь, твоей дубраве!
Мгла белая... И в ней просвет —
Снегирь!
Тебе привет!

Деревьев гибкие колена
Белы, коричневые, черны;
В них свет. И вычур гобелена.
И зыбкий воздух глубины.

И листьев крап нежно-зелёный,
Как мимолетный лёгкий сон, —
Собой и рощей удивлённый,
Пространств сияньем потрясён.

И, стайкой розовых колибри
Летя в туманность утра, ввысь,
В берёз верхушках сбереглись
Листки игрушечных калибров...

Куда ж вы, огненные крошки?!
Не съели бы в путях вас кошки!
Уж не в бразильскую ль зарю?
...Со мной ты видела все это?
Я всё это — тебе дарю!

Смотри, какой пейзаж простецкий!
В нём тайна есть рисунков
детских,

Которую
постичь горю.
Всё это я тебе дарю! —

Холма округлость,
Небо птиц
Над Рощей и Долиной.
Перед тобой повергнут ниц,
Как тот снегирь перед калиной,

Который в Рощи глубине,
Поёживаясь, свиристит о стуже
(Как будто не бывает хуже!),
Но яркий, розово-досужий
Мотив его — так нужен мне!

Недорог был бы мой подарок,
Но... что не дорого теперь?
Снегирь, поющий, как подранок,
Сегодня тоже — красный зверь!

27 октября 1991 года

ЖИЗНЬ

В.Д. Берестову

*«А просто мы всегда про это знали,
Поскольку мы романтики. Понятно?»*

Н. Матвеева

Творя зигзаги, и коленца,
И всю цветную круговерть,
Ты, жизнь,
Отталкивающе великолепна
И притягательна, как смерть!
Ты — громозвучно триедина!
Пуста — как полная Луна!
В которой Солнца середина
Слепым и глупым не видна.
Но с юных лет меня мотала
Ты — в полный вопль! И в злую тишь...
И, чтоб я не был из металла,
На том стояла и стоишь!

РОБЕРТ ФРОСТ

Утро его было ясным и лёгким.
День его был наполнен трудом,
Бодрым и тяжким,
Он шёл за плугом и, как ни странно,
одновременно мыслил
О звёздах Вселенной и о себе, человеке!
(И пел, пел звонкие песни!)

И заколосилась и зашумела чудным
напевом ячменным
Засеянная им нива, в которой
Как бы содержались некоторые ответы
На раскинутые им вопросы,
Ответы на заветные пожеланья
И мелодия одна и ещё
Тысяча мелодий...
И вечером он зашел в свою добрую
старую хижину
(Лишь видимо небогатую!),
Он зашёл в свою хижину,
Вдохнул, улыбнулся, прилёг на ложе
И уснул удивительным сном человека,
Который сделал всё, чтобы осень
наступила!

Возможно, май 1977

ПОЭТИЧЕСКАЯ РОДОСЛОВНАЯ

«ВЗЛЁТ КОЛОННЫ В СИНЕВУ...»

Стихи моей матери — Надежды Тимофеевны Матвеевой-Орленевой — впервые увидели свет в 20-е годы в газетах «Тихоокеанская звезда» и «Уральская кочегарка», которые редактировал (тоже тогда молодой) Николай Николаевич Матвеев-Бодрый, мой отец. Он-то фактически первый и открыл этот юный талант — Надежду Малькову. Правда, ещё в её детстве её отец (а мой дед) Тимофей Иванович Мальков безошибочным чутьём яркого человека из народа сумел угадать в ней недюжинную одарённость. «Донька, ты — звезда!» — часто выкрикивал он, заметно отличая её среди остальных своих детей. Его пронизательность кажется мне тем более удивительной, что стихи Надежды Тимофеевны в пору её ребячества как раз мало чем отличались от общеходовых, гимназических: «Я принесла цветы с полей. Они так нежно пахнут! Поставьте в воду их скорей. А то они зачахнут! ..» Впрочем, уже и в них проглядывалась душа.

Тимофей Иванович работал стрелочником на КВЖД, куда он приехал на заработки из Симбирска вместе с семьёй, претерпевшей там всяческие лишения. Затем на новом месте он получил должность заведующего дровяными складами. Китайцы-рабочие очень любили, уважали его и называли Муню (что значит «отец»). Не могу тут не вспомнить один случай из детства Надежды Тимофеевны.

Будучи ребенком своеобразным и, наверное, на сторонний взгляд, даже немного странным, она очень час-

то совершала одинокие, безоглядно-отважные прогулки в сопки. То были путешествия — далёкие и, надобно сказать, небезопасные. Та часть Маньчжурии, где жили Мальковы, была необыкновенно дикой, свежей, буйно цветущей! Сразу же за полотном — море гаоляна, целые поля жёлтых лилий, одинокие под открытым небом кумирни... «Идешь, идешь... Целые версты — никого и ничего... И вдруг — прямо в полях — ворота! Священные ворота, воздвигнутые в чью-нибудь память, — рассказывала мать. — Или кумирня, тоже как бы воротца... А перед ними — прямо на земле! тлеет бумажная свечка, — синий дымок подымается!» Приковывали внимание моей матери и нагретые солнцем камни с выбитыми на них непонятными надписями. О них она однажды прочла мне стихи (из которых я также узнала, что подростком мать носила открытый для загара сарафан, а волосы заплетала в косы. «О, как мне они спину щекопали!»).

Тенистые пади в сопках, сплошь заросшие ландышами, но укрывающие и ядовитых змей... Ручьи, потоки, быстрые, как будто за ними гонятся, реки... Знойное маньчжурское лето, яркоцветная осень...

Заскорузла кукуруза,
Вишня загорела.
Алый мостик над речною
Пеной, снежно-белой...

Такова была её Маньчжурия. Которая однажды завела неуёмную исследовательницу в столь непролазную свою глухомань, что она потеряла всякое направление... И ночь уже настигла её, когда на вершине одной из сопкок заметила она чуть мерцающий огонёк! Выбиваясь из последних сил, едва взобралась на вершину, как вдруг очутилась у небольшого костра, вокруг которого сидели... хунхузы!

Известно, что Красные Бороды из крыла Мстителей (ничего не кравших, но куда более страшных, чем обыкновенное грабительское крыло) не щадили ни стариков, ни детей. А к сожалению, то были именно Мстители — маньчжурской жительнице были хорошо известны их

приметы. Какая из казней постигла бы дитя, забредшее на такой «огонёк», будь это дитя не Надей Мальковой, а, к примеру, Соней Анкудиновой, дочь харбинского миллионера?! Или отпрыском нахрапистого подрядчика, не без злорадного сладострастия рушившего все «договоры» с рабочей силой?! Хунхузы, вообще отличавшиеся внешней непроницаемостью, заметно оживились при виде неожиданной гостьи: чья она и откуда, — стали они её расспрашивать. «Я дочка Муню», — только и сказала Малькова. «Муню! Муню!» — радостно закивали китайцы. И они отпустили с миром домой будущего (думаю, что недюжинного!) поэта.

Рано, ещё в той далёкой, не лишённой примет отверженности детской своей жизни мать, мягко говоря, невлюбила чванство. Впервой в полной мере выразить это ей помогло чрезвычайное происшествие. Поразительно, но в классе, где училась Малькова, кроме неё только один мальчик правильно написал слово «кастрюля». Похвала учительницы маленькому Павлову больно задела самолюбие другого ученика. «Ещё бы ему написать «кастрюля» неправильно, если он сын кухарки!» — крикнул он с места. И грянул смех класса. (Мы сказали бы — двух классов кряду: школьного и другого, ах, страсть до чего «аристократического»!) В коридоре на переменке Надя Малькова поймала весельчака и самым непочтительным образом отколотила его. («Я сильная была!» — говорила она впоследствии.) Остроумец ревел, свирепо требуя пощады. Весельчак № 2, ринувшийся к нему на подмогу, разделил его участь. «За кухаркина сына!» — задыхаясь, объяснила маленькая Немезида.

С кем же из сверстниц бегала Малькова глядеть простодушные ужасы и добрые, честные, извинительные кошмары харбинского «Иллюзиона»? Всегда ли в одиночку уходила в цветущие сопки? В школе она подружилась только с одной девочкой, но зато с самой бедной — с Мотей Мокеевой. В пору их первого знакомства Мотя только что потеряла мать. Когда мать у вас новая, то из школы домой возвращаться не хочется, даже если отец — прежний. «Карточка без рамочки — трудно жить без мамочки», — пела Мотя. И подчас целыми днями девочки пропадали в полях, в сопках или околачивались у мыло-

варни, не смея, впрочем, приблизиться к этой сводной сестре Сирен: Сирена не по голосовым данным (не привязав себя к мачте, не слушай), а Сирена по духу (не зажавши носа, не подходи!).

«Мост на Янцзы» — почти документальное описание одной из далёких экспедиций моей матери и Моти Мокеевой.

Прощай, детство! Повзрослев и выйдя замуж, Надежда Тимофеевна уехала сюда, на «запад». Тогда достаточно «дикий»! Мотя, видимо, осталась. Её небольшую фотографию мать берегла до конца своих дней. Уже издали — она посвятила ей стихи.

Там весна уже, наверно.
Снег больной залёг в долине.
Воздух ширится безмерно
Над церковкою старинной.

Мотя так часто убегала от домашних колотушек на могилу своей матери — кому, как не Надежде Тимофеевне, было и знать об этом! — что в конце концов (согласно творческой фантазии поэта) перебудила всех погребённых там поблизости монахов.

...Встали все монахи-братья,
Как больные клочья ночи.
Твое беленькое платье
Им понравилось очень...

Стихами Надежды Тимофеевны восхищались поэты и живописцы, педагоги и «культурники», директора учреждений и старухи молочницы — словом, народ. Не восхищались (защищались, как могли, от опасной конкурентки) разве лишь редакции да издательства. Был, впрочем, момент, когда один маститый поэт почти уже готов был признать её стихотворение «Парус», но выразил убежденность, что в первом двустишии («На цветах хмельные пчёлы./Взлёт колонны в синеву») заложены слишком скупые сведения. Долго и честно мать пыталась «дописать» готовые стихи, отладить-таки логическую связь между пчёлами и колонной. Но для неё это оказа-

лось так же трудно, как было бы трудно японскому художнику-импрессионисту, если бы от него потребовали объяснения: где же начало, а где конец у его «Водопада»...

Новелла Матвеева

Надежда Матвеева-Орленева

У них страна на нашу не похожа:
Рассвет в горах гораздо розовой,
Закаты тоже
Наступают позже,
И музыкальной свищет соловей.

Тепло шумят бамбуковые рощи,
Как будто шёлк полощется вдали,
И ручейки — как никелевый росчерк
На ирисовом синем дне долин.

Ни в долгий дождь, ни в хитрые туманы
Там не бывает мысль погружена.
Грустя, идут верблюжьи караваны
От Нанкина до Пекина...

У них страна на нашу не похожа:
Рассвет в горах гораздо розовой,
Закаты тоже
Наступают позже,
И по-иному свищет соловей...

20-е гг.

МИР

Зевают орудья,
Тоскуют орудья —
Им скучно, что боя не будет...
Зевают орудья, ждут «дела»
орудья.
А в мире работают люди.

Зевают орудья голодными ртами.
А мир — весь осыпан цветами!
И если бы мир без конца
продолжался,
То к пушке бы
Ландыш прижался...

40-е гг.

Фиалки мельче и бледней.
Утрата в синеве.
Мелькает сабельный ручей
В пороховой траве.

Устала бабочка искать
Наполненный цветок.
А у меня — в тепле виска —
Метельный волосок.
Берёза
Шрамами в лесу
Надолго запеклась.
Беда прихлынула к лицу
И стоном изошлась.

Но ярость ярче.
Сух язык.
Мысль
Взведена
В мозг.
Спущу курок наганных книг, —
Загорожу Москву!

40-е гг.

Лист осенний,
Лист багряный,
Легкий и сквозной,
Ты красней штыковой раны,
Легче, чем покой.

С каждым днём в лесах — суровой,
Все листья желты.
Отчего лишь ты — багровый?
Ведь погиб — и ты!

И качаясь в жёлтом свете
Умерших лесов,
Ты большим кораллом светишь,
Говоришь без слов...

И когда в ветру от дрожи
Упадёшь, скорбя,
Ни одна рука не сможет
Не поднять тебя.

1943

* * *

Вот и листья мертвы —
 невозвратно этого лета.
Им никак не ожить, не согреться
 у смертельно-поблёкшей травы!
Ты опять по тропинке придешь
 в этот холод осеннего света...
Да. Свидетели-листья мертвы.
А слова — ты ответь — не мертвы?
Вся изорвана смертью
 у причудливых язв аллея,
Где с классической книгой
 мы сидели с тобой у корней.
Веет... Холодом веет!
Я хочу, чтоб ты стал горячее:
Нас теперь не скрывают
 страстно-тайные тени ветвей, —
Мы открыты, как роща открыта:
 для колючего снега,
 для ветра...
Живы ль, живы ль слова, — те, которых опять
 не сказать?
Лист шуршит беззащитно...
Сердце жаждет ответа:
Ты сумеешь — под снегом, под ветром,
С твоим дивным огнём — устоять?
Или это лишь грёза ветвей?
Соловьиных?
Душистых?
Могучих?
Или это лишь сказка теней?
Суета и коварство цветов?
Или это лишь только до первой,
 до свинцовой ноябрьской тучи?
Или это... совсем не слова?
А лишь только звучание
 слов?
Я же — огненно шорох ловлю...
От шагов и от стука алею...
Я горю,
Я люблю,

Говорю с помертвелым листом...
Пусть снега занесут, —
Пусть совсем похоронят аллею, —
Я люблю,
Я люблю,
Я горю — негасимым огнём.

1957

ПАРУС

На цветах — хмельные пчёлы.
Взлёт колонны в синеву...
Парус, лёгкий и весёлый,
Птицей я не назову.

Он экран перед волнами:
В нём играет моря зной
Золочёными горами,
Отражёнными весной!

Он летит, экран упругий,
Ветер тоннами берея,
Чтоб вдохнуть отрады юга —
Запах роз и имбиря,

Чтобы выкупаться в бризах
Чайкам радужным помочь,
Подсмотреть, как кипарисы
Перепутывают ночь...

А когда отливы глуше
И смолкает моря рёв, —
Ты послушай шёпот суши
У душистых берегов!

Я забыла про поляны,
Про сверкание серпа...
А валы перед экраном
Рукоплещут, как толпа...

Нынче утром,
Рано-рано
Сад цветением узорн.
Перед парусом-экраном —
Голубые толпы волн...

«В ОКЕАНЕ ИДЁМ ПРИ ЛУНЕ...»

Первое, что обычно вспоминается моему младшему брату Роальду Николаевичу из раннего детства, это — как Борис Иосифович, старик-художник из нашего подмосковного «ЮАР» (поселок «Юная республика»), клюкой наклоняет ветку боярышника, чтобы брат мой мог дотянуться и сорвать гроздь. Но порой — даже раньше этого живописного пятна — Роальду Николаевичу приходят на память совершенно невиданные рисунки этого седебородого кудесника по фамилии Соколов. Неспешно, по-стариковски прогуливаясь по тамошним заповедно-бесхозным рощам, Борис Иосифович останавливался и нарочно тарасил на нас, на детей, глаза из-под белых бровей да из-под чёрных полей своей старомодной шляпы, — изображал свирепость. Но мы боялись его, разумеется, очень и очень мало. И лишь с интересом глазели на него в ответном порядке (брат исподлобья, а я — вовсе тайком).

Рисовать, как Б.И.Соколов, ТЕПЕРЬ может едва ли не каждый. Но ведь сначала понадобилось, чтобы бесследно исчезли где-то полусилуэтные-полусветящиеся рисунки этого большого художника! (Присвоение чужих открытий, яростная перепечатка следов любого первопроходца, — это ведь так типично для нашего времени!).

В детстве я чуть-чуть рисовала. Разумеется, не по мастерству, но по манере мои рисунки были чем-то сродни графике Соколова, но это не было подражанием, а разве лишь совпадением: ведь начала-то я ещё до знакомства с Борисом Иосифовичем и вообще — до приезда нашей семьи в «ЮАР». Но мама, отдавая должное моим зарисов-

кам, да так, что величала их не иначе, как «работы дочери», всё же гораздо выше ценила рисунки брата Роальда.

— Вот как надо рисовать, — задумчиво говорила она, рассматривая его очередной ребяческий шедевр, имея же в виду храбрость и размах рисунка (чего недоставало моим тщательным карандашным фантазиям). При более благоприятных условиях Роальд Николаевич несомненно стал бы художником, заметным издаека!

Когда-то мы прочитали замечательную книгу: Томас Белли Одрич, «Воспоминания американского школьника». На мой взгляд, детство брата отличается зеркально-сильным сходством с содержанием этой книги, необыкновенно звонко переключается с ней по линии приключений, хотя было оно далеко не таким весёлым и не таким сравнительно благополучным, как детство героя «Воспоминаний...». А самостоятельности, жажды действия, стремления лично «всё узнать и всё изведать» не занимать было брату даже и у того американского школьника!

Как мать, Надежда Тимофеевна имела великое преимущество и удачу: не всё и не сразу (и не всё сразу!) узнавать по части вылазок сына! Впрочем, для пребывания в непрестанном страхе за него довольно ей было и тех сведений, которые до неё доходили. Как-то — к её неизъяснимому ужасу — донесли ей, например, что видели Роальда со товарищи путешествующим по Клязьме на «плоту», построенном из таких пустяков, что его и «плотом» величать бы не стоило, а не то что — держаться на нём над непознаваемой хлябью, которая всегда так предательски тинистой слизью отсвечивала и по которой никогда, бывало, путём не рассудишь: на один локоть в ней глубины или на сотни локтей... (Под впечатлением от этой более чем утлой посуды я после и сочинила свой «обмылок плота», но редакции упорно печатали его в качестве «обломка»!)

А что случилось бы с мамой, узнай она в своё время, что мой брат с приятелем Валькой, — когда официально считалось, что из-за жары они ночуют на сеновале, — ездили, оказывается, в ночное! И при том без узды, без сёдел, — вообще безо всякого управления! Валька носился на Соловье (хорошо помню этого детдомовского каурога: днём корчил из себя добропорядочного мещанина и вообще чуть ли не клячу, а ночью, претерпевая дикие изменения,

превращался прямо в мустанга — что значит ночь!). Так вот. Однажды этот Соловей, совершенно озверев, протащил Вальку аж до «Военки» (лётный военный городок), а там какой-то караульный ещё и шутнул Соловья... После чего лошадь понесла всадника — необыкновенным великокочурием — в деревню Анискино, и — назад! — в «Юную Республику», где и сбросила его невдали от оврага, называемого «Поломкой». Падая, Валька разбил колено.

Доставшуюся моему брату белую лошадь сам он описал впоследствии так: «Нескладная такая. Ломовая. С большими копытами, с большой мордой... Но зацепиться всё равно не за что». И — «...я улетел через её голову прямо в канаву, там, где стояла...» Мало-помалу вспомнила и я всю ту историю... Вспомнила и те стойла, и конюха Лизу, Валькину мать, запиравшую на ночь сёдла и сбрую. Вспомнила я и ту угрожающе-непропорциональную лошадь, сравнительно безмятежный вид на которую (что значит ясное солнце дня!) открывался мне с плантации Подсобного Хозяйства, где я работала. Вероломная Буцефалиха как ни в чем не бывало щипала траву. Кто не скажет бы «овца», не будь она лошадью?! А на Соловье — днём — даже воду возили! Кто бы подумал, повстречав его ночью, что он — простой водовоз; а встретив его днём, когда он, подрёмывая, вёз всегда протекавшую бочку, что он — опасный тип, чистый разбойник?!

Впрочем, как сказал Маяковский, «все мы немножко лошади». И разве не вели мы сами жизнь в чём-то такую же двойственную, как времяпрепровождение Буцефалихи и Соловья? И если Роальд Николаевич — между чтением Пушкина, Олдрича и Диккенса, между рисованием и учебой — успевал со своей ватагой разводить ночные костры, увязать в болотах, проваливаться под лёд, отбиваться от неприятеля («Надираешься, да? Надираешься, да?»), оборонять и выручать заветных друзей, то и у меня было своё, так сказать, МЕЖДУ «ПЕРОМ И ШПАГОЙ», между клячей и Пегасом; своё, так сказать, личное «землю поащёт — попишет стихи». Меня посещали тогда уже давно самые разные музы.

Убеждена, что многие сочинители были подвержены не только влиянию старших (сверху), но и влиянию младших (снизу)! Влияние младшего брата на мою раннюю и не только раннюю лиру для меня бесспорно. Приведу хотя

бы некоторые его остроты и строчки — образцы мирозерцания. Имея судьбу чрезвычайно жёсткую, ведя жизнь всегда суровую (с восемнадцати лет — в трудах и походах), он не только может подметить такую вещь, как «нити между водой и блёстками», но ведь так прямо и скажет вам. Без обиняков! Как надлежит ПОЭТУ.

Или, на ходу выковыывая звено за звеном в цепи непрерывных импровизаций, вдруг огласит следующее:

Когда темнела рожь
и сыпалась луна...

Огласит по телефону! Но... не запишет. Годы отлучения от творчества, сказываясь в человеке невниманием к себе,— увы! — берут своё (и НЕ СВОЁ, конечно, тоже берут,— сказала бы я, ибо в том всё и дело!).

Никогда не знаешь, какой троп или образ потребуется непесенному стиху, но в песнях, например, я очень редко (злонамеренно редко!) прибегаю к литературным реминисценциям. А в «Летучем голландце» их — целых две. Откуда? ПРЯМОГО влияния Ирвинга или Метерлинка здесь не было, а натолкнуло меня на их стезю письмо, некогда полученное от Роальда Николаевича из Североморского флота. В письме были и его новые стихи с такой, например, строфой:

Как «Летучий голландец»
(Хоть и нет парусов)
Мотобот-голодранец
Обогнать нас готов.

И тут вот отсутствие «Летучего голландца» в моей собственной песенной гавани показалось мне упущением столь вопиющим, что в скором времени я и сочинила одноименную песню («Свет маяка...»).

О том, что полёты в космос начались прежде, чем люди успели избавиться от своей заземлённости и грехов, мне пришлось создавать большую поэму. На сей подвиг не пошла бы я нипочём, приведишь мне вовремя прочитать одно (лишь одно!) двустишие в старом блокноте брата. Учёт известного горьковского: «рождённый ползать летать не может» да веселая простонародная рифма-со-

звучие — вот всё, к чему свелись подручные средства автора. А вот и само двустишие:

Рождённый ползать
Летает в космос.

И всё! И никаких поэм, оказывается, не надо!

Как-то зашёл разговор о людях, много чего преувеличивающих. «У них сильное воображение», — заметила я. «У них воображение большое, но сильное, — засмеялся Роальд Николаевич и добавил: — А у других зато здоровое, но слабое».

У самого Роальда Николаевича воображение, можно сказать, не большое, но и не слабое (понимаю, своих не хвалят: но ждите, впрочем, когда вас похвалят те, кому вы — чужие!). И это в любых условиях сохраняемое воображение, и точное чутьё законов искусства тем более удивительно, что целыми десятилетиями все подступы к искусству фактически были для человека закрыты. Чего только нет в его судьбе, кроме боготворимого им искусства! Кроме вышеназванного рисования, лепки, стихосложения, гитары и гитарных песен в собственном исполнении, сочинения рассказов и даже — художественной обработки древесных корней! Навыки творчества, — это ведь общеизвестно, — требуют постоянной практики, практика УРЫВКАМИ не приносит художнику удовлетворения, и вот — почти отменяется то, что в детстве имело отчётливый вид призвания! Справедливо ли это?

Правда и то, что любое, причудливой судьбой порученное дело Роальд Николаевич умеет превращать тоже в призвание или почти!.. Всякую работу, выполняя её абсолютно безупречно, он умеет делать своей. Так в его жизнь вошли и космические ракеты, и какие-то работы по охлаждению атомных реакторов, и много ещё такого, чего и не выговорит несведущий язык мой... (Теперь, в эпоху реформ, когда никакие былые заслуги людские — не в счёт — всё это так же ушло; не осталось места не только природным, но и благоприобретённым талантам, и заступили их новые трудности.)

И всё же одно Роальду Николаевичу решительно удалось: человек видел море. И не просто «видел», а как некогда пелось, «на кораблях ходил, бывало, в плаванья».

Так осуществилась для него (а через него — и для всей семьи, для младшего поколения её, одержимого Стивенсоном и «Островом сокровищ») заветная мечта: значит, не зря морем бредили! Правда, не обязательно северным — для этого у нас и дома было достаточно холодно...

Таким образом в отношении искусства мне повезло несколько больше, чем брату (хотя и тоже каким-то странным, сказала бы я, «везением»!) Признавать в себе призвание, по-моему, лучше, чем призывать к себе признание. А в призвании своем творческом я почти уверена. И всё-таки иногда задаюсь вопросом: а что если бы и мне выпал жребий дважды пересечь экватор, — как привелось это сделать Роальду Николаевичу? Неужели и ПОСЛЕ ЭТОГО я всё ещё помнила бы какую-то ветку боярышника из далёкого раннего детства?! И то, как старый-престарый художник старается наклонить эту ветку до моего «уровня», зацепивши её своею клюкой?

Новелла Матвеева

Роальд Матвеев-Бодрый

Чайка стонет в тумане
На горбатой волне.
И опять в океане
Мы идем при луне.

Как «Летучий голландец»
(Хоть и нет парусов),
Мотобот-голодранец
Обогнать нас готов!

Но взревели моторы, —
Самый полный вперед!
Нас волною накрыло,
Пеной всех опушило, —
И отстал мотобот...

Мы ушли от погони,
Но не будем скучать;
Новый год нам сегодня
В океане встречать!

Так подыдем бокалы, —
С Новым годом, друзья!
От луны — через море —
Золотая стезя.

1959, Североморск (Северный Флот)

ПЕЙЗАЖ

Ломоть луны на блюде облаков
Плывет над лесом, потчует природу:
Чуть бросив золота в чернеющую воду,
Он осветил застывших рыбаков.

И дальше плыл, влюблённых не пугая,
Лишь задержался над одной сосной,
Которая, порыва не скрывая,
Тянулась к дубу хвойною душой.

И снова в путь. Вот стог. Из стога мыши
Глядят на хлеб, летящий в облаках,
И Бога молят приподнять их выше,
Чтоб весь ломоть остался в коготках!

...И снова в путь.
И вот большая нива.
И пастушок, уснувший у костра,
И лошади, жующие лениво.
И тонкий писк задиры-комара.

1964

Когда меня охватывает грусть
И беспокойно бьётся сердце,
Я мысленно тогда переносусь
В места родные, где промчалось детство.

Свой вижу дом на берегу реки,
Зелёных лип сплетение над крышей...
На чердаке — владыки-пауки
И кот соседский, бесшабашно-рыжий.

Тонуло солнце в зарослях ольхи,
Шуршал тростник и всплескивали весла,
Кончался день... И гордо от реки
Шагали мы, покуривая взросло...

Стыдилась слова первая любовь
И, не родившись, умерла в страданиях.
И тихо грусть в мою вливалась кровь,
Ища забвенья в сказках стародавних.

Берёзы помню — близко и вдали,
И острый месяц над скирдою снежной...
В тумане лет проплыли корабли
Мальчишечьей несбывшейся надежды.

От прошлого ушёл я далеко,
Да и ценил его не высоко я!
Но снова мне, как с другом, с ним легко;
Но без него мне снова нет покоя!

Где ты, мой дом на берегу реки?
Из серых брёвен — щёлочки-улыбки?
В зелёных лопухах — владыки-пауки
И комары, игравшие на скрипке?

Акаций золото, вплетенное в жасмин,
И скрип стволов, мешающих друг другу?
Душистый дождь, проливший свой кувшин
На лепестков нетающую вьюгу?

Где ты, мой дом на берегу реки —
Зелёных лип сплетение над крышей?
...А над водой
Смыкались две руки
Цветастой радуги, стремящейся всё выше.

1965

...

Два лебедя качались на волне...
Шуршала галька. Холодила пятки
Вода, кидаясь под ноги. Но мне
С ней затевать не требовалось прятки.

Я всё равно в волне тебя нашёл!
Весть от тебя, и ноту непростую,
Мечту, чей путь то лёгок, то тяжёл,
И мысль о том, что зря... не протестую!

Из Турции искрилася волна...
Но не хотел я, чтобы искра — в пламя
(Как при Очакове!) была обращена
И, как баталия, верха взяла над нами,

И скоро, пламя в бремя превратив,
Убила б начинавшийся мотив
Тоски в тебе и музыки — во мне...

Два лебедя качались на волне.

Из окон льётся музыка.
И светят фонари.
С тобой мы в танце кружимся
На площади Любви.

Мы над землей проносимся,
Под нами города...
Пусть никогда не кончится
Наш танец! Никогда!

Рука твоя касается
Слегка моей руки...
И вот под нами — тёмные
Леса. Дубы огромные,
Речные островки...
Вкрут пней гуляют лешие
С лохматою душой...
А мы
Всё так же кружимся...
Да танец ведь какой!

И вновь — из окон музыка,
И светят фонари.
А мы с тобою кружимся
По площади Любви,

Мы дышим ветром, высями...
И снова — блеском бисера —
Под нами города...

Пусть никогда не кончится
Наш танец!
Никогда!

РОМАШКА

В оправе белых лепестков
Блик солнца замер на ладони.
Ромашка!
Спутник моряков
И пеших странников юдоли.

На небе солнцем ты горишь,
А по земле шагаешь тенью.
И над влюбленными шалишь,
Порой способствуя сомнению...

В тебе нет запаха лилей —
Одна лишь горечь от полыни!
Но всё равно ты всех милей
И всех цветов мне ближе ныне, —

В лучах из белых лепестков —
Диск солнца на моей ладони, —
Ромашка! Спутник моряков,
Хранимых памятью о доме!

В ней запах родины моей,
В ней сила русского раздолья,
Когда колышется, — и поле,
Качая травы, вторит ей.

Вечерело.
Пахло дымом.
Скрылся тихо солнца лик.
А над лесом прокатился
Непонятной птицы крик.

Что-то было в этом крике
Неподвластное душе...
По воде мелькнули блики
И погасли в камыше.

Бузина — (как чистят самовары?) —
Отдаёт как будто в едкость, в медь...
Отражений тихие пожары
Ей в себе так нравится иметь!

Самовар ей дарит блики жара,
Гонит к ней кривые зеркала...
Бузина красна для самовара!
А моя соседка умерла.

Самовар горит из-под завала...
Дом наш пуст. Уже сложился он
Из пустот, каких на свете мало!
Тётя же Анюта — за балкон

Унеслась, как старенькая птичка.
И с моим отцом... И со своим!
И с чего у них взялась привычка
Уходить?
Но — тише! Постоим,

Подождём, когда они вернуться...
Бузина! Ты так же ждёшь гостей?
Поздно!
Не успели оглянуться,
А кругом — февральская метель...

Август 1993

РОБИНЗОНАДА ОДИНОКОЙ ГИТАРЫ

Вместо послесловия

(Беседа с Новеллой Матвеевой о её песнях)

— Новелла Николаевна, как известно, самые главные и основополагающие впечатления человек получает в детские годы. Расскажите, пожалуйста, о музыке в вашем доме, о первых ваших музыкальных пристрастиях.

— В доме у нас не всегда было радио (репродуктор в малолетстве, да приёмник «Рекорд» в отрочестве). Но музыка звучала постоянно — благодаря моей матери Надежде Тимофеевне Матвеевой-Орленевой. У неё был романсовый звонкий голос. Она пела цыганские песни, русские, но я особенно любила — итальянские. Почему? Бог весть. Никто меня на этот выбор не толкал. Никто и не знал, что где-то там — далеко внизу, под ногами, — кто-то делает выбор...

Из симфонической классики я (но это, конечно, после уж было!) очень любила Моцарта. Вообще, люблю весь музыкальный восемнадцатый век.

Да! В большом отрезке житья без радио не было уж совсем пусто, — то есть, не одной Надежде Тимофеевне приходилось заполнять песнями этот вакуум. У нас одно время был патефон! Я могла без конца слушать одни и те же диски: танго «Фатум», «Брызги шампанского», Утесова, латиноамериканские песни, «Пожарного» и «Снежок» в исполнении Эдит Утесовой... Даже не знаю, чему было особое предпочтение, — наверное, самой атмосфере счастья от музыки! Может быть, особенно азартно я распевала «Чаниту» и «Кукарачу». Были ещё и песни кино...

— А как в ваших руках появилась гитара?

— Гитару я начала приручать (если так можно выразиться), конечно, под влиянием матери. И просто — очень захотелось играть, петь под гитару — САМОЙ. Заодно и заставить поселковое дерзкое общество как-то считаться с собой — мол, знай наших! Но, с другой стороны, если бы от изучения гитары я ждала только ухудшения судьбы — всё равно, даже обязательно, стала бы петь под гитару! Ну, а более-менее освоила я аккомпанемент, будучи лет пятнадцать или шестнадцать.

— Вы — едва ли не единственный бард, для кого значение музыки в песне вовсе не подчинённое, а преимущественное. Часто ваши мелодии появляются за много-много лет до создания стихов. Я заметил, что к своей музыке вы более снисходительны, чем к текстам. С чем это связано? И есть ли в вашей биографии песни, которые на сегодняшний день вам совершенно разонравились?

— У меня, наверное, почти не осталось придирок к собственным песням. Но это не от самодовольства, а оттого, что почти каждую я шлифовала чуть ли не всю предыдущую жизнь. Отбрасывала и отбрасывала прежние слова. Высвобождала и высвобождала музыку (как правило, сочиняемую и признаваемую мной сразу) из первых вариантов текста, потом из вторых, иногда даже из третьих... Покуда песня не отольётся, можно сказать, в бронзе!

К стихам своим я так строга, а к своей музыке так снисходительна по многим причинам. Появление музыки интуитивно, импровизационно. Стих — не всегда импровизация, а музыка — всегда (если не считать некоторых нарочных стилизаций). То есть мелодия, как мне кажется, является автору в готовом виде. Дальше — уже только оттенки исполнения надо разрабатывать. А стих — он ведь не может СОВСЕМ без умозрения. Это было бы и неестественно.

Может быть, я и над музыкой ломала бы голову годами, будь я в композиции — профессионалом. А не зная нот, ничего другого и не сделаешь — примешь свою мелодию сразу.

Вообще же, если мелодия — это мелодия, а не подделка, то к ней уже ничего прибавить нельзя. Это уже и так — удача! Удача — это и есть мелодия! А то не приходили бы так редко (так одинаково редко!) и та, и другая! Нечто

особо редкое нельзя, непозволительно ДОРАБАТЫВАТЬ. Нельзя дописывать и «улучшать» счастье, идущее в руки! Слова «мелодия» и «удача» я сделала бы синонимами.

— И всё-таки было бы любопытно узнать на конкретных примерах, как происходил процесс «приживления» новых текстов к прежним мелодиям.

— Начиная с детства я дерзала (рисковала!) сочинять музыку не только на свои, сто раз потом отменяемые, стихи, но и — прежде всего тогда — на стихи А.Гладкова, Ростана, В.Агнивцева, Шекспира, Лермонтова, Фета, Бунина... Позже, когда я начала серьезнее думать о возможности обнаружения песен, явилась догадка, что песни внутри СВОЕЙ прозы (а тогда я сочиняла роман-трилогию «Чёрный Боб» и... всерьёз подумывала о его публикации) будут, небось, поинтересней, понеожиданней, чем навязывание музыки (так и так непрофессиональной) знаменитым поэтам.

Для рассказа о видоизменениях текстов очень подходит песня «Старинный бродяга». Сначала это была мелодия на слова Агнивцева «К дофину Франции». Затем — на свои слова — «Дуэт Короля и Королевы» (к андерсеновской «Принцессе на горошине»). Так что до превращения в «Старинного бродягу» музыка эта и сама порядком избродяжилась. При каждой попытке дать приют мелодии в следующей песне (раз она не спаслась в предыдущей), конечно, была подгонка и пригонка ее к новой форме жителя, к новым условиям. При этом что-то в ней, в мелодии, безусловно менялось. Это была ТА, но уже и НЕ ТА музыка. Наверное, не каждый человек уловил бы сходство между «Дуэтом» и «Старинным бродягой». А дело-то всё — только в изменении размера и ритма (эту хитрость хорошо знают плагиаторы)! Но заимствовать у себя самого — не грех, а развитие личного мелоса. К тому же видеть, как новый ритм открывает новые ходы в старой мелодии — очень интересно!

— Для того чтобы песня воспринималась слушателем без особых усилий, она, на мой субъективный взгляд, не должна звучать больше трёх минут, ибо дальше начинает уставать ухо, ослабевает внимание и т.д. Именно потому так трудно звучат многие песни Галича. Именно потому так легко «входят в уши и в душу» песенные миниатюры Окуджавы и Высоцкого. Вы тоже порой увлекаетесь боль-

шими формами (скажем, ваша песня «Америка» звучит свыше пяти минут). Не боитесь ли утомить слушателя, Новелла Николаевна?

— Вы, Миша, видите длинноты в «Америке», но в своё время отметили, что песня «Поэты» затянутой вам не кажется. А ведь, между прочим, «Поэты» ещё длиннее «Америки»! Значит, дело всё-таки не в размере песен, а в чём-то другом. И, как нарочно, самой мне «Америка» нравится больше. Есть, видимо, длительность, а есть ВПЕЧАТЛЕНИЕ длительности. И когда Пушкин говорит: «Пожалуй, Фёдоров, ко мне не приходи: / Не усыплай меня иль снова не буди», — он, я думаю, не обязательно имеет в виду ДЛИННЫЕ речи или ДЛИННЫЕ поэмы Фёдорова. Но СКУЧНЫЕ речи, СКУЧНЫЕ поэмы — он имеет в виду обязательно.

Знаю, что под «длиннотами» вы совсем не подразумеваете скучность песни, но всё же хочу заметить: более длинной нам кажется та песня, которая меньше нравится. И тут уже начинается ХРОНОМЕТРАЖ ВКУСА, а не просто хронометраж.

И потом — ведь есть песня-баллада! Уверена, что и вы не скучаете, читая «Ночь на Ивана Купала» или тот же «Вересковый мёд»! А ведь всё это ещё и пелось! И никто, я думаю, не просил певца «не тянуть». Люди слушали, «вздыхая и мечтая», глубоко переживали поющуюся историю, тёрли глаза кулаками...

Правда и то, что многое тут зависит от исполнения. В песне «Америка», начиная со строчки «Но там живут герои...», мне следует резче, категоричнее менять медленный ритм на скорый. Но, всю жизнь видя необходимость этого сбоя, я его всю жизнь упускаю. Вот что значит — петь мало, редко работать с гитарой!

— Вы долго и плодотворно сотрудничали с Иваном Киуру, создавая музыку на его стихи. Интересно, любую ли его вещь вам под силу превратить в песню?

— Я с тех пор, как сочиняю музыку на стихи Ивана Киуру почему-то ни разу не подумала о том, что у него могут быть стихи, не идущие в песню. В каких-то своих заметках я уже давно назвала его творчество «насквозь песенным».

Во всяком случае, даже то, что другие у него считали «неудобочитаемым», я всегда воспринимала как весьма

удобопоющеся! В «неудобочитаемости» стихов не всегда автор виноват, но иногда — и неудобочитатель! Либо до стихов недоросший, либо лгущий нарочно, либо подчиняющийся «мнениям света»...

— А как началось ваше песенное сотрудничество с Иваном Семёновичем?

— Я стала подбирать музыку к его стихам в начале семидесятых. Могла бы и раньше попроситься в композиторы, но как-то все не решалась, боялась неудачи. Однако, видя, что другие не боятся (это были Баранов, Калистратов, Осипова, Шульга, Шамардин, Мусиенко, еще кто-то), я тоже наконец решилась обратиться к «омузыкаливанью», как выражался Иван Семёнович, его стихов.

Правда, я назвала композиторов Ивана Семёновича не в том порядке — некоторые из них появились уж после меня (в смысле, после моих опытов). Но это и не суть важно.

Такое нашествие композиторов на лирику Ивана Киуру, по-моему, тоже о чём-то говорит. О чём же? О редкостной музыкальности его поэзии, конечно! Меня поражает, что зная об этом массовом увлечении музыкантов стихами (почти не печатавшегося тогда!) поэта, неудобоваримцы продолжали распространять миф о какой-то их «нескладности» и т.д. Что же это на их «складность», на мёд их стиха, пчёлы — не слетались?!

— Вы довольны своими музыкальными интерпретациями стихов Ивана Киуру?

— Знаете, мелодии иных композиторов на его стихи порой нравятся мне больше собственных (например, «Лён» Мусиенко, «Баркарола» Шульги, «Лебедь» Шамардина). И всё-таки собой я тоже бываю довольна, когда замечая, что музыка «Варданэ», например, не пришла бы мне на мысль ни за что и никогда, если бы не одноименное стихотворение Ивана Семёновича, если бы не моя догадка обратиться к его поэзии. Музыка «Плотов» никогда не пришла бы на мои стихи, а значит, и вообще не появилась бы!

В самом деле! Для собственных стихов мне ведь являются какие-то совсем другие мелодии, которые рано или поздно всё равно бы пришли — даже без стихов. А где бы я взяла музыку «Золотых зёрен» — без самих «Золотых зёрен», сочинённых Иваном Киуру? Этой музыке прийти

было бы неоткуда. Значит, моя работа в композиторской (как я ее называю) песне для меня ещё таинственней, чем даже работа в традиционно бардовской (которую я, впрочем, называю полигимнической).

— Зная, как тяготел Иван Семёнович к верлибру, а вы — к его музыкальному перевоплощению, можно ли предположить, что вами открыто новое направление — песенный верлибр? И будет ли легко его петь другим?

— Среди множества песен Ивана Семеновича, написанных традиционным стихом, его песни-верлибры, может быть, самые любопытные! Хотя бы потому, что до него такого типа песен у нас не было.

Но я, за протекшие годы множество раз успев исполнить песню «Мой воронёнок», не только ни разу не была вынуждена задуматься — легко ли её петь? Я даже и за была, что это верлибр!

По-моему, никто не должен и пытаться сложить песню, не пропустив её, как говорится, через себя. Даже и не поющий автор всё-таки всегда сочинит песню для СВОЕГО ГОЛОСА. То есть ту, которую уж он-то знал бы как спеть! Вольно или невольно, но всякий песенник сочиняет прежде всего — для себя. И не только потому, что себе самому гадость не сделаешь, а уж позаботишься о качестве вещи, но и потому ещё, что этот способ экономичен и что он — в природе вещей. Единственно возможный, вообще-то говоря, способ! И когда Иван Семёнович говорит об «одинокой гитаре» («Мне хотелось бы для одинокой гитары / Строй такой отыскать...»), то в этом, кроме всего, содержится мысль о великой кустарности искусства.

Под «Мелодию для гитары» и «малый, и юный, и старый», и весь свет, возможно, пойдёт «в пленительный пляс», но это будет потом, а пока что песня творится в единении.

И — возвращаясь к «Воронёнку». Споют ли, и легко ли споют его другие? То есть — не только сам автор музыки, сочинивший её для своего (далеко не оперного!) голоса и всё-таки спевший? Отвечу ещё определённое: по-моему, человек ФИЗИЧЕСКИ неспособен сложить для себя такую песню, которую не сумели бы спеть другие. Поэтому и не так страшно, если при сочинении песни становишься эгоцентристом, и о нуждах общества думаешь почти так же мало, как общество — о твоих.

— Новелла Николаевна, сейчас очень многие барды экспериментируют с аранжировками собственных песен. Учитывая то, что вы сказали о «кустарности» истинного творчества, все же спрошу: не возникало ли у вас желания услышать свой голос в сопровождении большого или камерного оркестра? Некоторые ваши песни изначально многозвучны (скажем, «Водопад», «Танцуем танец»), иным подошёл бы старинный клавесин. Может, стоит рискнуть, а?

— Начать с того, что никто мне не предлагает такого сотрудничества. Но я была бы несправедлива к аранжировщикам, сказав, что они и прежде не приходили. Приходили! Но песни мои требовались им не столько для аранжировок, сколько для соавторства, которое (не могу вам выразить, с какой молниеносной быстротой!) превращалось... опять в авторство, только уж — не в моё! Взыскательные музыканты лишь тогда признавали мою песню качественной, когда она переходила в их собственность. А куда я могла пойти пожаловаться? В Союз композиторов, в котором не состою?!

Был в моей музыкальной судьбе человек, официально назначенный аранжировщиком моих песен по договору. Так вот, он всячески распространял мысль о том, что мои песни плохи, напрасно приняты, и все мои притязания на композиторство — смешны. Следовало, конечно, ожидать, что он откажется аранжировать презируемые песни. Но вместо этого он потребовал... соавторства со мной над ними, над никомудышными!

Знавала я и таких удивительных созданий, которые начинали считать мою песню своей только за то, что её спели! А мы, дескать, свой завиток к вашей песне приделали, такого завитка у вас не было, а разве вы могли бы жить на свете без этого завитка?..

Конечно, я бывала раздосадована, а Иван Семёнович огорчился пуще меня самой! Он слишком близко к сердцу принимал мои обстоятельства, но я поздно заметила, как всё это на нём сказывается... В этом свете (или, как Филдинг сказал, «в этой тьме») мне не хотелось бы никогда больше подвергаться никаким аранжировкам.

— Ну а если всё же представить добропорядочного аранжировщика, а не жулика, предложившего вам сотрудничество? Всё равно бы отказались?

— Ну, можно, конечно, пофантазировать, рассудить об аранжировке — чистой и первозданной, — такой, какая, может быть, бывает у других. Представить, отогнав страшные видения Опыта, настоящий золушкин бал своей собственной песни — тот бал, где её не только не обкарнают и не унижат, а даже ещё облагодетельствуют и украсят... И что тогда? Думаю, что я все равно предпочла бы уединённую, «одинокую» гитару сотрудничеству с оркестром — большим или малым. Ибо, если человек с гитарой не родился бы заведомым певцом-одиночкой, то он и сам бы давно уже оказался в оркестре. С самой юности пробивался бы именно в оркестр — и пробился бы! Если же что-то годами удерживает его от этого — так, значит, добровольная эта робинзонада неспроста. Она — от природы.

— Новелла Николаевна, долгое время ваша «робинзонада» была не столь одинока и беспросветна: с вами рядом находился друг, помощник, соавтор, муж — Иван Семёнович Киуру. И вот он ушёл, оставив большой архив прекрасных стихотворений и прозы. Знаю, что это — главная ваша забота. Ну, а как же песни? Слышите ли вы ещё «ропот музыки», о котором когда-то писали?

— Нет, больше уже не слышу, не могу... Да и по радио теперь предпочитаю какое-нибудь усыпительное рассказыванье, а не музыку. Я сказала бы даже так: песня раны берedit, а речь зубы заговаривает...

Бесеговал Михаил Ногель

СОДЕРЖАНИЕ**НОВЕЛЛА МАТВЕЕВА***От составителя.**«А меня позабыли на праздник позвать...»* 5*И. Киуру.**Судьба и песня* 12**ПЕСНЯ ПО ПАМЯТИ**

Кораблик 19

Кружатся листья 22

Какой большой ветер!.. 25

«Летучий голландец» 28

Цыганка-молдаванка 31

Танцуем танец! 34

Талант на двоих 38

Песня про котёл 41

Братья капитаны 44

Вереск 47

Дорожная 50

Дома без крыш 53

Водосточные трубы 56

Ах, как долго едем! 59

Караван 62

Кисть художника 65

Капитаны без усов 67

Пожарный 71

Следы 73

Горизонт 76

Водопад 78

Половодье 82

Песнь о далёкой дали 84

Адриатика 86

Шарманщик 89

Венгерская баллада 92

Письмо к любимой 96

Девушка из харчевни 99

Пароходы вдали... 102

Одержимый Джим 104

Дон Хосе	108
Проповедник	112
Ночь новогодняя	115
Песенка про почтальона	118
Океан, океан...	120
Ехал солдат...	124
Поэты	128
Синее море	132
Долина	135
Старинный бродяга	137
Первая песня принца	139
Песенка принцессы	141
Менуэт	143
У старой дороги...	145
Корабли	147
Фрегат	149
Песенка полицейского	152
Песня по памяти	154
Скрипочка	156
Река	158
Дельфиния	162

КЛЮЧ ФАНТАЗИИ

«Когда Вселенная открывает нам...»	165
Вы думали...	165
Мне кажется...	166
«Маугли в странах холодных...»	166
Михайловское	167
Весенний путь	168
«Шафранные дорожки зоопарка...»	169
«Вот и осень приблизилась...»	169
Неполные страхи	170
Мечтание города	171
Ромашка	172
«Форельное хозяйство навещали мы...»	173
Тайна	174
Чага	175
«Церковь Воскресенья на Успенском Вражке...»	176
Раннее лето	177
Чуткость кота	177
Воспоминание	178

Черёмуха	178
Водяные травы	180
Царевна-Лягушка	181
Князь, ключник и мышь-полевка	182
Высокое окно	183
«Светятся дома многоэтажные...»	184
Ключ фантазии	185
«В том лесу, где мы болотце...»	186
Двое	187
«Набрела на правильную строчку...»	190
«Когда всё равно опаздываю...»	190
Двухэтажная жизнь жирафы	192
Живопись	193

ЗОЛОТОЙ ТРЕЗУБЕЦ

«Художник, незнакомый с поощрением...»	195
«Когда Аврора, чьё гремело имя...»	196
Символ зла	197
Лоскутное одеяло	198
Бо-Цзюй-и	199
Сон в дороге	200
Пожелание скромнику	202
«Странно! Неужто какие-то хваты...»	202
Отзыв на отзывы	203
Поэзия	204
Франсуа Вийон	204
Книголюб	206
Шедевры	207
Электра	207
Вокализ	209
Меркуцио	209
И о внешнем	210
Величие?	210
Что есть грех	211
«На богатство фантазии...»	211
Василий Андреевич	212
Неувязка	214
«Изящных неточностей полный, стих...»	214
Я понимаю Вас!	215
Чего же боле?	216
«Будьте, как дети!»	216

Золотой трезубец

I. Догадка	217
II. Золотой трезубец	217
III. На отрицание равенства	218

ИВАН КИУРУ

Н. Матвеева.

<i>«Очарованный странник, или Мелодия для гитары»</i>	<i>220</i>
---	------------

ОТРАДА ТЁМНЫХ ДНЕЙ

Похвала своей скромности	229
Мелодия для гитары	230
Плоты	235
Ласточка	239
Телёнок Лёня	241
По малину!	243
Золотые зёрна	246
Вечерние грачи	249
Коса	251
Живопись листа	253
Роща заалела...	256
Гимн Солнцу	258
Песня моряка	261
На синем море	264
«Над Москвой...»	265
Варданэ	267
Табор	270
Псы Артемиды	273
Чёрное озеро	275
Закат	276
Лунная ночь	277
«Я содрогнулся...»	277
Волна	278
Ночной свет	279
Весной	280
Баллада о ели	281
Рыбак	282
Земле	283
Жезл	284
Ноктюрн	284

Ранние ручьи	286
Первая капля сока	286
Мальчик Май	287
Дождь	289
Праздник	290
Ах, одуванчик!	291
Песнь родника	292
Водопад	293
Мой воронёнок	294
Вечерний этюд	295
Вечерняя звезда	295
Где Вы, Месяц?	296
Груши падают	297
Осина	298
Плющ	299
«Глянь: в гущу зелени...»	300
Осень идёт по земле	302
«Тихо падает лист на заре...»	303
«От северной половины земного шара...»	304
Кони	306
Лебедь	307
Лён	307
Иней	309
Снежный романс	310
Песнь о последнем снеге	311
Сердце скакуна	312
Икар	314
Стремление	315
Венеция	316
Баркарола	318
Вечерний Гольфстрим	319
Восемнадцатый век	320
Кратковременный дождь	321
Просветление	322
Кувшинка	323
Руды. Лунный путь	324
Порицание скупости	325
«Самолёт, подобный тени...»	326
Хмель	327
Партер	327
К моей голове	328
Цыганская руна	330

«Язык мой скачет впереди меня...»	332
Стихи с новомодной рифмой	333
Интермедия	333
«Крах города, гибель эпопей...»	334
Далёкое солнце	335
Мышиный горошек	336
«Уж не в утро ли июня...»	337
Ты великолепен!	338
Настурция	340
Облака сенокоса	341
Отрада тёмных дней...	342
Соловей	343
Статуя	344
Моление о дожде	345
Конь в рассвете	347
Обида Посейдона	348
Птицы	349
Предснежный лес. Лось	351
Неприкаянным	353
Красный зверь	355
Жизнь	356
Роберт Фрост	358

ПОЭТИЧЕСКАЯ РОДОСЛОВНАЯ

Н. Матвеева

«Взлёт колонны в синеву...»	360
-----------------------------	-----

Надежда МАТВЕЕВА-ОРЛЕНЕВА

«У них страна на нашу не похожа...»	365
«Мы под одной луной...»	366
Мир	367
«Фиалки мельче и бледней...»	367
«Лист осенний, лист багряный...»	368
«Гроза навеселе...»	369
«Спи, сердце, спи...»	369
«Вот и листья мертвы...»	370
Парус	371

Н. Матвеева

«В океане идём при луне...»	373
-----------------------------	-----

Роальд МАТВЕЕВ-БОДРЫЙ

«Чайка стонет в тумане...»	379
Пейзаж	380
«Когда меня охватывает грусть...»	380
«Два лебедя качались на волне...»	381
«Из окон льётся музыка...»	382
Ромашка	383
«Вечерело. Пахло дымом...»	384
«Бузина — (как чистят самовары?)...»	384

*Вместо послесловия**«Робинзонада одинокой гитары».**(Беседа с Новеллой Матвеевой о её песнях) 385*

Авторская песня

*Новелла Николаевна Матвеева,
Иван Семёнович Куру*

МЕЛОДИЯ ДЛЯ ГИТАРЫ
Нотное издание

Ведущий редактор
Наталья Жукова

Составление и подготовка издания
Михаил Ногель

Нотная запись песен
Александр Костромин

Музыкальный редактор
Людмила Скворцова

Нотный набор

*Алексей Крылов, Наталья Жукова,
Анна Лобачёва, Ольга Фёдорова*

Художник книги
Леонид Люскин

Серийное оформление
Екатерина Головина

Корректоры
Екатерина Самолётова, Елена Тарариева

Компьютерная вёрстка
Наталья Козлова, Анна Лобачёва

Фото из архива авторов

Издательство «Аргус»
127018, Москва, а/я 28.

Издательство «Русский Университет»
113035, Москва, ул. Болотная, 12, оф.325.
Тел./факс: (095) 951-48-30

Лицензия: Серия ЛР N 065766 от 31.03.1998.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2: 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать 28.01.98

Формат 84×108/32. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.

Бумага офсетная. Объем 13 п. л. Тираж 5000 экз.

Заказ 6538.

АООТ «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, проспект Ленина, 5.

«И чай до дна прозрачен в чашках рыжих...»

Судьба не напрасно их вместе свела,
Плетёнка для хлеба их счастьем помогла.
И ставни забиты, и старый дом забыт...
А сказка всё длится, а песня — звучит.

Л. Л. Мамбева.

ISBN 5-85549-171-4

9 785855 491715